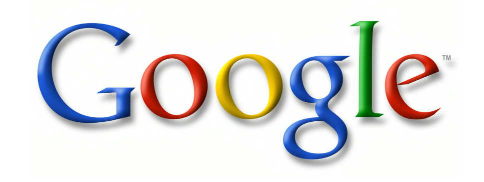
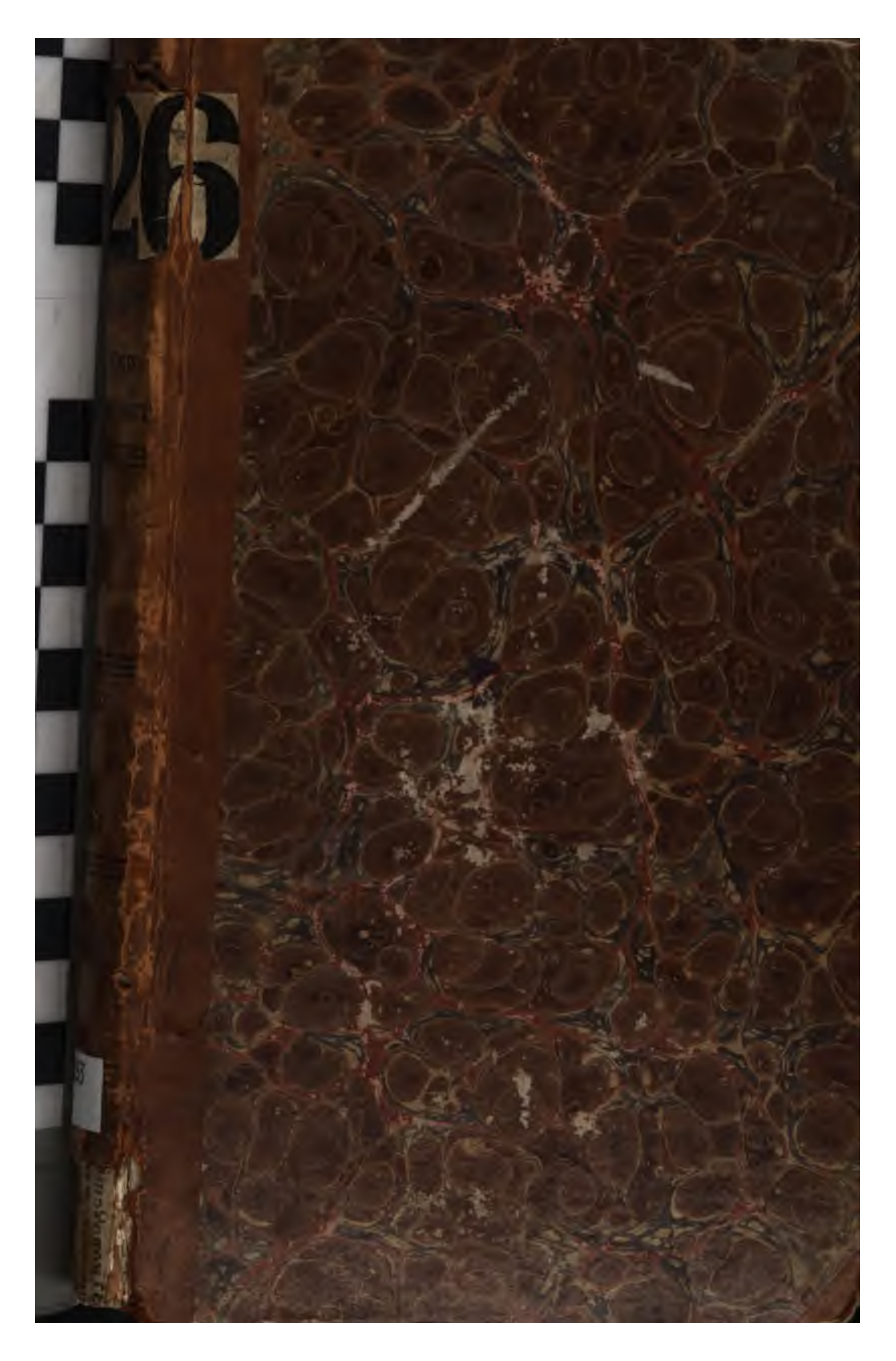
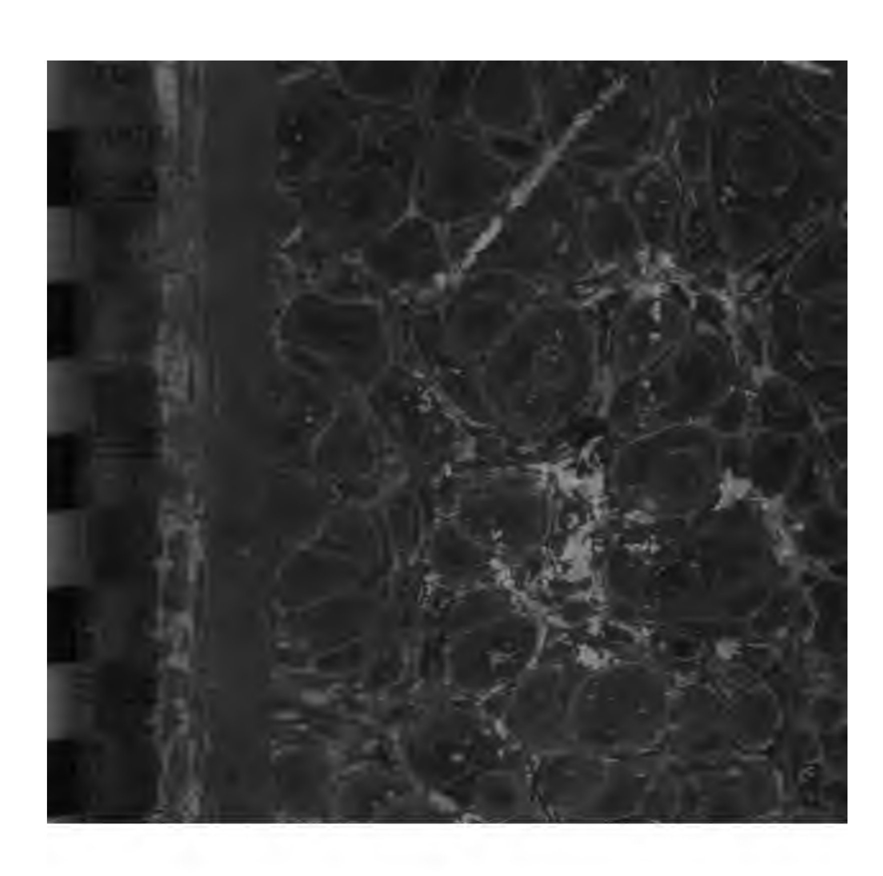

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

Radozhitskii, I. T.

ПОХОДНЫЯ ЗАПИСКИ

АРТИЛЛЕРИСТА,

съ 1812 по 1816 годъ.

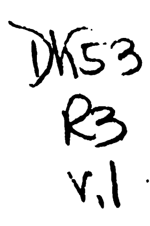
АРТИЛЛЕРІИ ПОДПОЛКОВНИКА

И..... Р..........

МОСКВА,

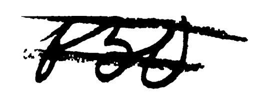
въ типографіи Лазаревыхъ
Института Восточныхъ языковъ.
1835.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлены были въ Цензурный Комитетъ три экземпляра. Москва, Марта 15 дня, 1835 года.

Цензоръ М. Каченовскій.

ЕГО ВЫСОКОРОДІЮ,

ГОСПОДИНУ СТАТСКОМУ СОВѢТНИКУ

И ОРДЕНОВЪ

св. Анны 2-й и св. Владиміра 3-й степени

КАВАЛЕРУ,

ИВАНУ ОСИПОВИЧУ

ХОЛОДОВИЧУ.

Съ усердіемъ посвящаетъ

Сочинитель.

ПОХОДНЫЯ ЗАПИСКИ
АРТИЛЛЕРИСТА.

ЧАСТЬ I.

1812-Й ГОДЪ.

ВОЙНА ВЪ РОССІИ.

Tout homme doit au public le tribut de son activité, et devrait s'efforcer de laisser quelque trace honorable de son existence.

Weiss.

2
84
N59
STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES

ПОХОДНЫЯ ЗАПИСКИ

АРТИЛЛЕРИСТА,

СЪ 1812 ПО 1816 ГОДЪ.

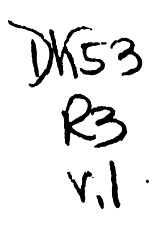
АРТИЛЛЕРІИ ПОДПОЛКОВНИКА

И..... Р..........

МОСКВА,

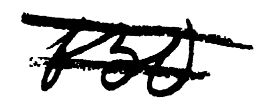
въ типографіи Лазаревыхъ
Института Восточныхъ языковъ.
1835.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлены были въ Ценсурный Комитетъ три экземпляра. Москва, Марта 15 дня, 1835 года.

Ценсоръ М. Каченовскій.

ЕГО ВЫСОКОРОДІЮ,

ГОСПОДИНУ СТАТСКОМУ СОВѢТНИКУ

И ОРДЕНОВЪ

св. Анны 2-й и св. Владиміра 3-й степени

КАВАЛЕРУ,

ИВАНУ ОСИПОВИЧУ

ХОЛОДОВИЧУ.

Съ усердіемъ посвящаетъ

Сочинитель.

ПОХОДНЫЯ ЗАПИСКИ
АРТИЛЛЕРИСТА.

ЧАСТЬ I.

1812-Й ГОДЪ.

ВОЙНА ВЪ РОССІИ.

Tout homme doit au public le tribut de son activité, et devrait s'efforcer de laisser quelque trace honorable de son existence.

Weiss.

Владычество Наполеона во Франціи, особенно послѣдніе годы его жизни, столько знамениты, что влекутъ за собою въ нѣкоторую извѣстность даже тѣхъ людей, которые, болѣе или менѣе, участвовали во всеобщей борьбѣ народовъ цѣлой Европы противъ его единовластія. Много издано Записокъ, Писемъ, Исторій о современныхъ происшествіяхъ, и однако еще не все сказано. Еще довольно есть такихъ обстоятельствъ въ прошедшемъ, которыя сокрыты для настоящаго, и будучи обнаружены, могли-бы быть полезнымъ матеріяломъ для историка и философа. Часто, по видимому ничтожныя обстоятельства, обнаруживая характеръ дѣйствователей, служатъ къ поясненію происшествій. Сверхъ того, воспоминанія о прошедшихъ ужасахъ войны, этой истребительницы народнаго благосостоянія, даютъ важные уроки для будущаго. Ужасаясь прошедшаго, мы бываемъ осторожнѣе въ на-

стоящемъ; вникая въ причины бѣдствій, мы предусматриваемъ средства для отвращенія ихъ на будущее время. Но только очевидцы могутъ излагать достовѣрно всякія событія; и такъ, извѣстія очевидцевъ и участниковъ минувшей войны, болѣе или менѣе, приносятъ пользу для Исторіи.

Не мало писали о войнѣ Наполеона въ продолженіе послѣднихъ четырехъ годовъ его политическаго бытія въ Европѣ; но есть-ли хотя одна Исторія безпристрастная, чуждая лести важнымъ современникамъ, и безъ желчи врагамъ отечества? Ни Россіянинъ, ни Германецъ еще не могутъ воздать должной справедливости воинственному генію Наполеона, потому что зацѣленныя недавно раны еще напоминаютъ о страданіяхъ. Самимъ Французамъ не льзя вѣрить; они увлекаются пристрастіемъ, такъ-же какъ и Руские; а потому *истинной Исторіи* тѣхъ событій, кажется, еще не пришло время явиться, доколѣ не изгладятся съ лица земли важные современники, заграждающіе уста

истинѣ, и только въ кабинетахъ ихъ остается тайна Исторіи. Между тѣмъ пусть, въ счастливый часъ, являются Записки участниковъ. Каждый изъ насъ смотрѣлъ на происшествія своими глазами, и могъ замѣтить то, что другой упустилъ изъ вида. Послѣдующіе сочинители извлекутъ изъ сихъ матеріяловъ лучшее для составленія цѣлаго, болѣе истиннаго нежели всѣ свѣжія Исторіи недавнихъ событій. По мѣрѣ отдаленія времени возвышается цѣна минувшему. Кто знаетъ, можетъ быть археологи потомства нашего станутъ съ любопытствомъ рыться въ истлѣвшихъ кипахъ нынѣшнихъ библіотекъ, и собирать ветхіе матеріялы о тѣхъ обстоятельствахъ, которыми нынѣ вовсе мы не занимаемся. Не подробности-ли частной жизни людей всякаго званія объясняютъ характеръ, образъ мыслей, степень просвѣщенія и нравственность цѣлаго народа? не онѣ-ли открываютъ черты, драгоцѣнныя для Исторіи?

Никто изъ насъ не ожидалъ тѣхъ чрезвычайныхъ происшествій, какихъ

стоящемъ; вникая въ причины бѣдствій, мы предусматриваемъ средства для отвращенія ихъ на будущее время. Но только очевидцы могутъ излагать достовѣрно всякія событія; и такъ, извѣстія очевидцевъ и участниковъ минувшей войны, болѣе или менѣе, приносятъ пользу для Исторіи.

Не мало писали о войнѣ Наполеона въ продолженіе послѣднихъ четырехъ годовъ его политическаго бытія въ Европѣ; но есть-ли хотя одна Исторія безпристрастная, чуждая лести важнымъ современникамъ, и безъ желчи врагамъ отечества? Ни Россіянинъ, ни Германецъ еще не могутъ воздать должной справедливости воинственному генію Наполеона, потому что зацѣленныя недавно раны еще напоминаютъ о страданіяхъ. Самимъ Французамъ не льзя вѣрить; они увлекаются пристрастіемъ, такъ-же какъ и Рускіе; а потому *истинной Исторіи* тѣхъ событій, кажется, еще не пришло время явиться, доколѣ не изгладятся съ лица земли важные современники, заграждающіе уста

истинѣ, и только въ кабинетахъ ихъ остается тайна Исторіи. Между тѣмъ пусть, въ счастливый часъ, являются Записки участниковъ. Каждый изъ насъ смотрѣлъ на происшествія своими глазами, и могъ замѣтить то, что̀ другой упустилъ изъ вида. Послѣдующіе сочинители извлекутъ изъ сихъ матеріяловъ лучшее для составленія цѣлаго, болѣе истиннаго нежели всѣ свѣжія Исторіи недавнихъ событій. По мѣрѣ отдаленія времени возвышается цѣна минувшему. Кто знаетъ, можетъ быть археологи потомства нашего станутъ съ любопытствомъ рыться въ истлѣвшихъ кипахъ нынѣшнихъ библіотекъ, и собирать ветхіе матеріялы о тѣхъ обстоятельствахъ, которыми нынѣ вовсе мы не занимаемся. Не подробности-ли частной жизни людей всякаго званія объясняютъ характеръ, образъ мыслей, степень просвѣщенія и нравственность цѣлаго народа? не онѣ-ли открываютъ черты, драгоцѣнныя для Исторіи?

Никто изъ насъ не ожидалъ тѣхъ чрезвычайныхъ происшествій, какихъ

мы были свидѣтелями и участниками со времени достопамятнаго 1812 года; никто не приготовлялъ тетрадей, чтобы записывать все чрезвычайное на походѣ; но сдѣлавши привычку отъ раннихъ лѣтъ писать все замѣчательное, встрѣчающееся въ жизни, я обязанъ тѣмъ матеріяламъ, которые нынѣ послужили мнѣ для начертанія четырехъ достопамятныхъ годовъ моей жизни.

Долго я воздерживался издавать свои *Походныя Записки*, не повѣривъ достаточно того, что̀ замѣчалъ въ походѣ наскоро, и не довольно осмотрѣвшись въ кругу общаго дѣйствія. Частному офицеру не льзя распространяться далѣе своего горизонта; а потому и я касался только предметовъ смежныхъ съ дѣйствіемъ того сильнаго вихря, въ которомъ самъ составлялъ хотя малѣйшую пылинку, но также содѣйствовалъ общему усилію для сокрушенія страшнаго врага Европы; можетъ быть, направленное мною ядро сломило шею не одному исполнителю замысловъ великаго завоевателя.

Записки свои раздѣляю на чешыре часши: 1-я, *о войнѣ въ Россіи*, 2-я, *о войнѣ въ Германіи*, 3-я, *о войнѣ во Франціи*, и 4-я, *походъ во Францію.*

Опрывки изъ сихъ Записокъ, помѣщенные въ книжкахъ Журнала *Отечественныя Записки*, 1823, 1824 и 1826 годовъ, и въ *Московскомъ Телеграфѣ* 1831 года, могли познакомишь чишашелей съ моимъ слогомъ и разсказомъ.

ГЛАВА I.

ДО ОТКРЫТІЯ ВОЕННЫХЪ ДѢЙСТВІЙ.

Нѣчто о Наполеонѣ. — Предвѣщатель. — Шпіоны. — Несвижъ. — Начало движенія войскъ. — Балъ въ Слонимѣ. — Смотръ и походъ. — Способъ фуражированія. — Проѣздъ ИМПЕРАТОРА. — Смотры. — Командировка въ Бобруйскъ. — Нѣчто о Фигнерѣ. — Движеніе къ границѣ.

Наполеонъ, съ высоты престола своей воинственной монархіи, разсѣвалъ ужасъ по всей Европѣ. Имя его приводило въ трепетъ, не только Нѣмецкую чернь, но и Русскую, которая не иначе о немъ разумѣла, какъ объ Антихристѣ, по сходству имени его съ апокалипсическимъ Аполліономъ. Оно было камнемъ преткновенія для Русскихъ мудрецовъ.

Въ офицерскихъ бесѣдахъ о Наполеонѣ, часто сожалѣли мы, что судьба не свела его съ Суворовымъ — не нашла коса на камень. Можетъ быть Русскій Аннибалъ не допустилъ-бы великаго Корсиканца возсѣсть на тронъ династіи Бурбоновъ. Но

законы судьбы неизмѣнны: Наполеонъ, послѣ Египетскаго вояжа своего, штыками заставилъ признать себя главою Республики. Послѣдующіе подвиги превосходнѣе и рѣшительнѣе первыхъ утвердили его владычество, и съ новымъ столѣтіемъ явился новый Императоръ Французовъ въ Европѣ.

Каковъ былъ Наполеонъ, о томъ всѣ знаютъ, и много писали. Большая часть черни-писателей бранили его безъ милосердія, и лаяли, какъ Крылова моська на слона; между тѣмъ полководцы, министры, и законодатели перенимали отъ него систему войны, политики и даже форму государственнаго правленія. Онъ былъ врагомъ всѣхъ націй Европы, стремясь поработить ихъ своему самодержавію, но онъ былъ геній войны и политики: генію подражали, а врага ненавидѣли.

Слава подвиговъ Наполеоновыхъ заставила забыть о Корсиканцѣ. Устрашенная Европа взирала съ трепетомъ на великаго Императора Французовъ, ожидая отъ него окончательнаго удара. Сразивъ послѣднія усилія Германіи, онъ могъ-бы, казалось, стерѣть съ лица Европы престолы нѣкоторыхъ державъ; но побѣдитель предпочелъ лучше облагородить свое племя вступленіемъ въ родство съ древнѣйшею дина-

стіею Императоровъ Германіи. Завоевать у сильнаго царя дочь, было всегда цѣлію героевъ въ романахъ и сказкахъ. Наполеонъ исполнилъ это, и къ своему роману прибавилъ новую статью: посадилъ младенца на престолъ Римскихъ Цезарей, и назначилъ ему въ наслѣдство — мечту обладанія міромъ. Если еще одна держава дышала, и страшный завоеватель пощадилъ ея существованіе, то, можетъ быть, этимъ она обязана смежности своей съ могущественною Россіею. Наполеонъ уважалъ великую соперницу, но онъ и ей готовилъ гидру, близъ самаго сердца возродивъ изъ пепла разрушенной Сарматіи политическаго феникса. Только еще Россія и Англія не ужасались гиганта; одна по могуществу на сушѣ, другая по владычеству на моряхъ. Онѣ острили мечи свои для сокрушенія его величія.

Не буду распространяться о необычайномъ человѣкѣ, положившемъ начало политическимъ переворотамъ для будущихъ поколѣній; не буду говорить о разрывѣ союза сильныхъ монарховъ, о пріуготовленіяхъ къ войнѣ, о числѣ войскъ и проч.; все это извѣстно, и не принадлежитъ къ моему объему. Приступаю къ ближайшимъ обстоятельствамъ.

До начатія войны 1812 года, II-й Ар-

шиллерійской бригады 3-я легкая роша, въ кошорой я служилъ Поручикомъ, была расположена кантониръ-кварширами въ городѣ Несвижѣ, Минской губерніи. Бригада наша входила въ сосшавъ войскъ 6-го Корпуса, подъ командою Генералъ-Лейшенанша Эссена 2-го.

Мы жили въ Несвижѣ довольно весело, и не думали о Французахъ; немногіе изъ нашихъ офицеровъ, между службою, занимались полишикою. По газешамъ доходили и до насъ кой-какія новосши; но мы, въ шумѣ своей беззабошливосши, скоро о нихъ забывали. Одинъ шолько N (*), какъ человѣкъ грамошный, занимавшійся чшеніемъ Священнаго Писанія и Московскихъ Вѣдомосшей, болѣе всѣхъ ужасался Наполеона. Терзаемый призраками своего воображенія, онъ сшалъ проповѣдывашь намъ, чшо эшошъ Аншихрисшъ, сирѣчь Аполліонъ или Наполеонъ, собралъ великія, нечисшыя силы около Варшавы, не для чего инаго, какъ именно для шого, чшобы разгромишь машушку-Россію; чшо при помощи Сашаны Вельзевула, невидимо ему содѣйсшвующаго, врагъ непремѣнно полонишъ Москву, покоришъ весь Русскій народъ, а за шѣмъ вскорѣ послѣдуешъ — свѣшопресшавленіе и

(*) Одинъ изъ несшроевыхъ офицеровъ.

страшный судъ. Мы смѣялись такимъ нелѣпостямъ, въ досаду N, который называлъ насъ безбожниками; онъ, не шутя, былъ внутренно убѣжденъ въ своемъ пророчествѣ, и безпрестанно нюхая табакъ, уговаривалъ насъ вѣрить ему по совѣсти, причемъ ссылался на девятую главу Апокалипсиса, гдѣ именно сказано о Наполеонѣ, какъ о предводителѣ страшнаго воинства со львиными зубами, въ желѣзныхъ латахъ, и съ хвостами, подобными скорпіоновымъ. Разумъ несчастнаго грамотѣя столь сильно поколебался, что, когда командировали его по дѣламъ службы въ Москву, онъ на пути всѣмъ и каждому предсказывалъ объ Антихристѣ Наполеонѣ (*).

Можетъ быть не одинъ N** нашъ находился тогда въ подобномъ помраченіи ума;

(*) Мы сами послѣ удивлялись событію, когда Французы дѣйствительно вторгнулись въ Россію и заняли Москву. N**, выпущенный изъ своего заточенія въ день ихъ шествія, явился къ намъ въ лагерь при Красной-Пахрѣ. Страданія измѣнили черты лица его; блѣдность, впалые, помутившіеся глаза, и страсть къ тавлиночному табаку показывали человѣка, совершенно въ умѣ разстроеннаго. Прощаясь, онъ стращалъ насъ скорымъ свѣтопреставленіемъ.

всѣ читатели Апокалипсиса подвергались той-же участи: однимъ грезились предвѣщательные сны, другимъ мерещился Антихристъ на яву.

Такіе феномены рѣдки, хотя не представляютъ ничего особеннаго, кромѣ послѣдствій отъ сильнаго потрясенія въ мозгѣ. Люди, занимающіеся болѣе другихъ современными событіями въ политическомъ мірѣ, чрезъ сравненіе прошедшаго съ настоящимъ могутъ довольно вѣроятно заключать о будущемъ, ибо отъ одинаковыхъ причинъ происходятъ одинаковыя дѣйствія. Франція при Наполеонѣ была *сильнѣе* Россіи; безчисленныя воинства его стояли у самыхъ границъ нашихъ. Умы большей части народовъ были предубѣждены въ непобѣдимости Наполеона; настоящій ходъ происшествій обнаруживалъ его враждебные замыслы. Какой сынъ Россіи не ужасался видя громаду силъ непобѣдимаго, готовую со всѣми бѣдствіями ринуться на любезную родину? Чье сердце не содрогалось при одной мысли о чужомъ порабощеніи? Отъ такого потрясенія въ умахъ могли происходить прорицательныя видѣнія и мнимыя откровенія, которыя отчасти оправдывались событіями. Такъ глубокіе политики, по ходу современныхъ происшествій, обнимая проницатель-

нымъ взоромъ прошедшее и соображаясь съ будущимъ, могутъ видѣть судьбу государствъ впередъ на нѣсколько лѣтъ.

Вскорѣ послѣ пророчества нашего N*** стали ловить въ Несвижѣ шпіоновъ, являвшихся подъ видомъ комедіантовъ, фокусниковъ, странствующихъ монаховъ, и тому подобныхъ. Кажется, въ правилахъ великаго Наполеона было, предъ начатіемъ войны съ какимъ-либо государствомъ, впускать въ него сперва легіоны шпіоновъ и зажигателей, которые пріуготовляли и расчищали путь для его побѣдоноснаго воинства.

Наиболѣе этихъ шпіоновъ являлось тогда подъ видомъ землемѣровъ, или по-Польски коморниковъ, которые, попеременно съ нашими офицерами Квартирмейстерской части, снимали ситуацію окрестностей Несвижа инструментально. Я это замѣтилъ особенно по одному случаю. Мнѣ назначили въ городѣ для перемѣны другую квартиру. Со вступленіемъ моимъ за порогъ въ новое жилище представился мнѣ коморникъ, окруженный математическими инструментами и планами. Я предложилъ ему, чтобы онъ очистилъ квартиру, опредѣленную мнѣ по власти Жидовскаго кагала, и въ удостовѣреніе представилъ на лицо Десятника Еврея. Коморникъ отвѣ-

чалъ мнѣ по-Польски, неловкимъ нарѣчіемъ, что онъ квартируетъ тутъ съ позволенія Князя Р**, и не позволитъ себя согнать съ мѣста никому. Разговоръ у насъ сдѣлался живѣе; устрашенный Десятникъ Еврей убѣжалъ, а Польскій коморникъ превратился во Француза.... Догадавшись, каковъ былъ гость, я поспѣшилъ къ своему командиру; но покуда отыскали Городничаго, коморникъ исчезъ, не оставивъ лоскута бумаги на мѣстѣ.

Между тѣмъ какъ шпіоны разгуливали въ пограничныхъ мѣстахъ Европейской Россіи, и поджигали въ городахъ лучшія зданія, Кабинеты союзныхъ Державъ находились въ чрезвычайной дѣятельности, истощая всю тонкость Дипломатики для утвержденія политическихъ правъ своихъ Государей, и два могущественные Государя-соперника грозно сближали свои воинства къ предѣламъ подвластныхъ имъ земель.

Въ частномъ кругу своемъ мы ограничивались однимъ Несвижемъ, и первые два мѣсяца сего года провели въ увеселеніяхъ. Сверхъ обыкновенныхъ танцовальныхъ собраній по Воскреснымъ днямъ, называемыхъ въ Польшѣ *редутами*, на коихъ являются милыя *паненки* съ свѣжими прелестями, командиры наши давали не рѣдко

бальные вечера. Новый годъ встрѣтили мы танцами, всю масляницу проплясали, и въ пріятномъ угарѣ предавались сладкой сантиментальности. Пожилые Офицеры страшились Наполеона, видя въ немъ ужаснаго завоевателя, новаго Аттилу, а мы, юные, дружно рѣзвились съ Амуромъ, вздыхали, и охали отъ ранъ его.... какъ вдругъ раздался громовый ударъ войны, и намъ сказанъ походъ. Увы! прощайте милыя паненки!

Не легки были сборы къ походу. 28 Февраля наша рота съ бригаднымъ штабомъ выступила изъ Несвижа.

Два года стояли мы на непремѣнныхъ квартирахъ, но жители, при выступленіи, насъ не провожали, какъ бываетъ послѣ хорошаго квартированія. Причиною сему, кажется, было то, что Поляки думали тогда болѣе о Наполеонѣ, и о возрожденіи своей отчизны, а Жиды, составлявшіе большую часть жителей въ Несвижѣ, были довольны, что избавились отъ лихихъ Москалей. Напротивъ того мы съ сожалѣніемъ оставляли мѣсто, гдѣ жили пріятно и весело, гдѣ плѣняли насъ милыя красавицы. Каждый шелъ въ походъ не безъ зазнобушки въ молодецкой груди своей. Сколько страстныхъ вздоховъ перелетѣло въ городъ и за городъ до первой

всѣ читатели Апокалипсиса подвергались той-же участи: однимъ грезились предвѣщательные сны, другимъ мерещился Антихристъ на яву.

Такіе феномены рѣдки, хотя не представляютъ ничего особеннаго, кромѣ послѣдствій отъ сильнаго потрясенія въ мозгѣ. Люди, занимающіеся болѣе другихъ современными событіями въ политическомъ мірѣ, чрезъ сравненіе прошедшаго съ настоящимъ могутъ довольно вѣроятно заключать о будущемъ, ибо отъ одинаковыхъ причинъ происходятъ одинаковыя дѣйствія. Франція при Наполеонѣ была *сильнѣе* Россіи; безчисленныя воинства его стояли у самыхъ границъ нашихъ. Умы большей части народовъ были предубѣждены въ непобѣдимости Наполеона; настоящій ходъ происшествій обнаруживалъ его враждебные замыслы. Какой сынъ Россіи не ужасался видя громаду силъ непобѣдимаго, готовую со всѣми бѣдствіями ринуться на любезную родину? Чье сердце не содрогалось при одной мысли о чужомъ порабощеніи? Отъ такого потрясенія въ умахъ могли происходить прорицательныя видѣнія и мнимыя откровенія, которыя отчасти оправдывались событіями. Такъ глубокіе политики, по ходу современныхъ происшествій, обнимая проницатель-

нымъ взоромъ прошедшее и соображаясь съ будущимъ, могушъ видѣшь судьбу государсшвъ впередъ на нѣсколько лѣшъ.

Вскорѣ послѣ пророчесшва нашего N***. сшали ловишь въ Несвижѣ шпіоновъ, являвшихся подъ видомъ комедіяншовъ, фокусниковъ, сшрансшвующихъ монаховъ, и шому подобныхъ. Кажешся, въ правилахъ великаго Наполеона было, предъ начашіемъ войны съ какимъ-либо государсшвомъ, впускашь въ него сперва легіоны шпіоновъ и зажигашелей, кошорые пріуго шовляли и расчищали пушь для его побѣдоноснаго воинсшва.

Наиболѣе эшихъ шпіоновъ являлось шогда подъ видомъ землемѣровъ, или по-Польски коморниковъ, кошорые, попеременно съ нашими офицерами Кварширмейсшерской часши, снимали сишуацію окресшносшей Несвижа инсшруменшально. Я эшо замѣшилъ особенно по одному случаю. Мнѣ назначили въ городѣ для перемѣны другую кварширу. Со всшупленіемъ моимъ за порогъ въ новое жилище предсшавился мнѣ коморникъ, окруженный машемашическими инсшрументами и планами. Я предложилъ ему, чшобы онъ очисшилъ кварширу, опредѣленную мнѣ по власши Жидовскаго кагала, и въ удосшовѣреніе предсшавилъ на лицо Десяшника Еврея. Коморникъ ошвѣ-

чалъ мнѣ по-Польски, неловкимъ нарѣчіемъ, что онъ квартируетъ тутъ съ позволенія Князя Р**, и не позволитъ себя согнать съ мѣста никому. Разговоръ у насъ сдѣлался живѣе; устрашенный Десятникъ Еврей убѣжалъ, а Польскій коморникъ превратился во Француза.... Догадавшись, каковъ былъ гость, я поспѣшилъ къ своему командиру; но покуда отыскали Городничаго, коморникъ исчезъ, не оставивъ лоскута бумаги на мѣстѣ.

Между тѣмъ какъ шпіоны разгуливали въ пограничныхъ мѣстахъ Европейской Россіи, и поджигали въ городахъ лучшія зданія, Кабинеты союзныхъ Державъ находились въ чрезвычайной дѣятельности, истощая всю тонкость Дипломатики для утвержденія политическихъ правъ своихъ Государей, и два могущественные Государя-соперника грозно сближали свои воинства къ предѣламъ подвластныхъ имъ земель.

Въ частномъ кругу своемъ мы ограничивались однимъ Несвижемъ, и первые два мѣсяца сего года провели въ увеселеніяхъ. Сверхъ обыкновенныхъ танцовальныхъ собраній по Воскреснымъ днямъ, называемыхъ въ Польшѣ *редутами*, на коихъ являются милыя *паненки* съ свѣжими прелестями, командиры наши давали не рѣдко

бальные вечера. Новый годъ встрѣтили мы танцами, всю масляницу проплясали, и въ пріятномъ угарѣ предавались сладкой сантиментальности. Пожилые Офицеры страшились Наполеона, видя въ немъ ужаснаго завоевателя, новаго Аттилу, а мы, юные, дружно рѣзвились съ Амуромъ, вздыхали, и охали отъ ранъ его.... какъ вдругъ раздался громовый ударъ войны, и намъ сказанъ походъ. Увы! прощайте милыя паненки!

Не легки были сборы къ походу. 28 Февраля наша рота съ бригаднымъ штабомъ выступила изъ Несвижа.

Два года стояли мы на непремѣнныхъ квартирахъ, но жители, при выступленіи, насъ не провожали, какъ бываетъ послѣ хорошаго квартированія. Причиною сему, кажется, было то, что Поляки думали тогда болѣе о Наполеонѣ, и о возрожденіи своей отчизны, а Жиды, составлявшіе большую часть жителей въ Несвижѣ, были довольны, что избавились отъ лихихъ Москалей. Напротивъ того мы съ сожалѣніемъ оставляли мѣсто, гдѣ жили пріятно и весело, гдѣ плѣняли насъ милыя красавицы. Каждый шелъ въ походъ не безъ зазнобушки въ молодецкой груди своей. Сколько страстныхъ вздоховъ перелетѣло въ городъ и за городъ до первой

станціи! Сколько прощальныхъ слёзокъ омочило бѣлые платочки красавицъ и скатилось на усы вздыхателей! Сколько клятвенныхъ записочекъ, съ поцѣлуями вѣрности, съ памятными ленточками, волосками и стишками, перенеслось изъ ридикюлей въ бумажники, и вскорѣ употребилось на папильотки, или на раскуриваніе трубокъ!— О юность! милы твои затѣи!

Еще рухлыя глыбы таявшаго снѣга покрывали дорогу. Въ первой корчмѣ, въ семи верстахъ отъ города, нашъ ротный командиръ далъ прощальный завтракъ немногимъ изъ своихъ пріятелей, или товарищамъ бостона, насъ провожавшимъ. Тутъ явилась картина смѣшенія скудости съ изобиліемъ, нищеты съ богатствомъ: серебро, фаянсъ и прозрачный хрусталь въ закоптѣломъ Жидовскомъ жилищѣ блестѣли съ лакомымъ кушаньемъ и напитками. Тамъ, гдѣ кромѣ водянистаго полугара ничего прежде не разливалось, пѣнилось теперь Шампанское: прощальные бокалы чокались усердно и опоражнивались проворно.

Отъ корчмы продолжали мы путь свой къ Слониму, и пришли туда 4 Марта. Дорогою не столько занимались предметомъ похода, какъ воспоминаніями о Несвижѣ; въ счастливой безпечности распѣ-

вали пѣсенки, а для ночлеговъ останавливались въ закоптѣлыхъ, смрадныхъ хижинахъ, въ которыхъ душную атмосферу прочищали табачнымъ дымомъ.

Въ Слонимѣ, богатый помѣщикъ Маршалъ П**, въ знакъ своей пріязни къ Рускимъ, задалъ балъ, на который пригласилъ и нашихъ Офицеровъ. Тутъ увидѣли мы опять миленькихъ паненокъ; но мысли наши, не измѣняя первому впечатлѣнію, были заняты Несвижскими. Настоящія обстоятельства не позволяли веселиться откровенно: лица у всѣхъ были пасмурныя, недовѣрчивыя, и гости, казалось, собрались не для удовольствія, а въ угодность хозяину. Самъ Маршалъ (*) важно расхаживалъ въ блестящихъ отъ освѣщенія комнатахъ, среди многочисленнаго собранія, и рѣдко кого удостоивалъ немногими словами. Тутъ увидѣли мы своего начальника, Артиллеріи Генерала Л***.

На другой день рано по утру объявили намъ приказъ отъ Генерала Л***, что при выступленіи Артиллеріи онъ будетъ насъ инспектировать въ полномъ парадѣ. Вотъ

(*) Въ Польшѣ Предводители Дворянства назывались Маршалами, Губернскими и Повѣтовыми, или Уѣздными. Это званіе присвоивается въ титуляціи дворянамъ и по сложеніи обязанности.

кстати, думали мы, после одного бала другой. Къ несчастію нашему, по утру, во время смотра, поднялась страшная вьюга: мокрый снѣгъ съ вѣтромъ затмѣвалъ всю чистоту нашу и заслѣплялъ намъ глаза. Не смотря на это, въ полной формѣ, костенѣя отъ холода, мы за городомъ выжидали Генерала, который также явился къ намъ въ одномъ мундирѣ. По отъѣздѣ его мы переодѣлись по походному, и пошли къ мѣстечку Ружаны. 6 Марта пришли въ Сельцо, на рѣчкѣ Яселдѣ, потомъ въ гор. Пружаны; отсюда 8 Марта пришли въ Великое-Село.

Здѣсь мы простояли съ недѣлю, и потомъ всею бригадою двинулись чрезъ гор. Волковискъ по направленію къ Вильнѣ. Наша Артиллерійская бригада изъ 6 Корпуса войскъ поступила въ 4-й, подъ команду Генералъ-Адъютанта Графа Шувалова.

Отъ Великаго Села поручено мнѣ быть походнымъ Квартирмейстеромъ; моя обязанность состояла въ томъ, чтобы уѣзжая наканунѣ впередъ, всегда приготовлять квартиры для ночлеговъ ротѣ, устроивать переправы черезъ рѣки для артиллеріи, и пріискивать фуражъ для продовольствія лошадей. Послѣдняя статья была очень затруднительна. По нашему пути не было учреждено этапныхъ мага-

зиновъ. Правительство, можетъ быть изъ бережливости, не выпускало денегъ въ тотъ край, въ которомъ готовилась встрѣча непріятелю; а потому на мѣстахъ ночлеговъ было позволено брать фуражъ подъ квитанціи.

На пути изъ гор. Волковиска, для переправы артиллеріи чрезъ р. Зельву и Нѣманъ, при мѣстечкахъ Пяски и Мосты, я собралъ пароны; но въ прiисканiи фуража встрѣтилъ большое затрудненiе. Польскiе паны добровольно нигдѣ не давали сѣна за бумагу, чуждой для нихъ грамоты (большая часть Русскихъ Поляковъ не умѣютъ читать по-Русски), а потому надлежало брать, гдѣ что найдется, почти насильно. Такимъ образомъ на одной мызѣ пана Графа С***, въ отпускѣ сѣна подъ квитанцiю, мнѣ было отказано; я пошелъ самъ осматривать дворъ, и подъ крышею конюшни замѣтивъ сѣно, позвалъ свою команду. Графъ увидѣлъ изъ окна великолѣпнаго дома въ своемъ дворѣ человѣкъ десять солдатъ, готовыхъ, по его мнѣнiю, грабить, вышелъ ко мнѣ, и атаковалъ меня угрозами, что онъ сей часъ ѣдетъ къ прiятелю своему Генералу Б***, жаловаться на насилiе, которое я намѣренъ дѣлать въ его дворѣ; что если въ минуту не оставлю его, то онъ соберетъ подвластныхъ своихъ и

велитъ меня выгнать. Графъ задыхался отъ гнѣва, но можетъ быть въ жизнь свою онъ не встрѣчалъ подобнаго мнѣ грубіяна. Довольно равнодушно и почтительно я отвѣчалъ Его Сіятельству, что угрозы его для меня не страшны, ибо исполняю волю Начальства, которое позволяетъ брать фуражъ своею рукою тамъ, гдѣ не даютъ его добровольно; что инаго средства нѣтъ для продовольствія казенныхъ лошадей. Я повторилъ ему покорнѣйшую просьбу приказать выдать мнѣ сѣна, сколько надобно, подъ квитанцію; въ противномъ случаѣ, сказалъ, буду брать самъ вооруженною рукою, и ежели встрѣчу непріязненное сопротивленіе отъ дворовыхъ людей его, то велю привезти пушку и стану дѣйствовать какъ противъ бунтовщиковъ, противящихся назначенію Правительства; о поступкахъ-же моихъ предоставляю ему доносить кому угодно. Графъ, видя предъ собою рѣшительнаго артиллериста, спасовалъ, и пылая отъ гнѣва приказалъ отпустить моей командѣ фуража, но самъ, переодѣвшись, тотчасъ поѣхалъ съ жалобою на меня къ пріятелю своему Генералу Б***. — Въ то время велъ роту старшій Поручикъ Г**, по приказанію котораго я такъ смѣло вездѣ распоряжался, а потому онъ и получилъ за

меня выговоръ отъ Начальства въ утѣшеніе обезпокоенному Графу, у котораго болѣе крови испортилось, нежели сколько стоило взятое мною сѣно. Дальнѣйшихъ непріятностей намъ не было потому, что соблюдая на маршѣ строгій порядокъ, мы за собственное продовольствіе вездѣ платили деньги, и ни одна курица отъ насъ не погибла даромъ.

Съ приближеніемъ къ Вильнѣ оказывалось болѣе недостатка въ фуражѣ, и для меня увеличивалось затрудненіе въ его прісканіи. Всѣ запасы обывателями были употреблены на зимнее продовольствіе собственнаго скота; подножный кормъ еще не показывался, хотя снѣгъ съ полей уже стаялъ; а потому небольшіе остатки сѣна или соломы жители берегли въ сокровенныхъ мѣстахъ, какъ драгоцѣнность. За мѣстечкомъ Лидою, въ сел. Беняконяхъ, одинъ старый и больной панъ Хорунжій вздумалъ было также не давать мнѣ фуража; но какъ онъ не сказался Графомъ, то я обходился съ нимъ рѣшительнѣе. Бѣдняжка тотчасъ велѣлъ принести яичницу и бутылку вина, сталъ меня угощать, а самъ, охая отъ подагры, безпрестанно приговаривалъ: *ой! бида биду гонитъ!* — Я, занявшись своимъ дѣломъ, не внималъ словамъ его, но онъ, конечно, хо-

рошо разумѣлъ ихъ. Можетъ быть ему приказано было секретно имѣть запасъ всего для заграничныхъ гостей, а тутъ еще надобно было давать своимъ Москалямъ! Да когда еще подагра ломитъ ноги, такъ по неволѣ запоешь: *бида биду гонитъ.*

Въ началѣ Апрѣля дошли мы до временныхъ кварпиръ своихъ подъ гор. Вильну. Двѣ роты артиллеріи нашей бригады расположились въ сел. Большихъ и Малыхъ Солешникахъ, а 3-я легкая рота, въ которой я служилъ, стала въ дер. Яшунахъ, 25-ть верстъ отъ города.

10-го Апрѣля Государь Императоръ нашъ изволилъ проѣхать въ Вильну чрезъ м. Лиды, и на пути осматривалъ войска. Въ Большихъ Солешникахъ, Бригадный Командиръ нашъ, Полковникъ Котляровъ, представлялъ Его Величеству ординарцевъ, которые обратили на себя вниманіе Императора, и удостоились получить денежное награжденіе.

Между тѣмъ какъ производились окончательные переговоры дипломатовъ, и Наполеонъ сближалъ свои войска къ нашимъ границамъ, весь Апрѣль мы простояли на мѣстѣ.

Въ Маѣ, по приказу Главнокомандующаго, догадывались мы, что дѣло идетъ о войнѣ съ Французами. Три роты артил-

лерiи 11-й бригады собрались при Больших Солешникахъ, для инспекторскаго смотра отъ начальника всей Артиллерiи Графа Кутайсова, а потомъ, чрезъ нѣсколько дней послѣ, прiѣзжалъ смотрѣть насъ Корпусный Командиръ Графъ Шуваловъ.

Инспекторскiе смотры во всей армiи безпрерывно продолжались. Въ это время отъ бригады командировали меня въ Бобруйскъ и въ Слонимъ, выписывать изъ гошпиталей на службу выздоравливающихъ артиллеристовъ. Я проѣзжалъ чрезъ Несвижъ. Тутъ воспоминанiе о прошедшихъ радостяхъ тронуло мою сантиментальность. Я не могъ отказать себѣ въ удовольствiи, чтобы не погулять уединенно въ пустынной Альбѣ, прекрасномъ звѣринцѣ Князя Радзивила, за городомъ. При входѣ въ эту очаровательную рощу, воображенiе представило мнѣ картины минувшаго; тутъ подъ тѣнiю березъ собирались мы любоваться природою, валялись на свѣжей муравѣ, и вдыхали въ себя аромать благоухающихъ цвѣтовъ; тамъ въ густотѣ липъ внимали трелямъ соловья, и отголоски нѣжныхъ тоновъ его провожали страстными вздохами; а тамъ, подъ сводами вѣтвистыхъ дубовъ, въ прохладные вечера, пивали душистый чай, и, покуда еще кипѣло въ самоварѣ, играли на

полянѣ въ горѣлки и въ веревочку. Здѣсь румяная брюнетка подарила своему обожателю ленточку; а тамъ стыдливая блондинка такъ мило улыбалась другому, что заставила его нѣсколько дней сряду вздыхать и видѣть ее во снѣ. Иногда, на лодочкѣ, по озеру отваживались онѣ съ нами пускаться въ чащу камыша, гдѣ мы гонялись за гордыми лебедями.... Правду сказалъ одинъ умный человѣкъ, что мы живемъ воспоминаніями! Такъ воспоминаніе въ пустынной Альбѣ о минувшихъ радостяхъ усладило на нѣсколько минутъ мою печальную существенность.

Въ самомъ Несвижѣ все приняло какой-то чуждый видъ: люди, чѣмъ-то озабоченные, являли угрюмыя, пасмурныя лица. Гимназисты и школьники, большими партіями, подъ предводительствомъ Доминиканскихъ монаховъ, гуляли по городу съ барабаннымъ боемъ и воинственнымъ крикомъ, неся на шестахъ пестрые платки въ видѣ знаменъ. Это меня изумило. Я подошелъ къ полуобритому ихъ предводителю, и спросилъ, что̀ это значитъ? — *Муштра* (ученье) отвѣчалъ онъ. — Для чего? — Такъ, для *пшиклада* — (для примѣра). Отвѣтъ показался мнѣ подозрительнымъ; я отыскалъ Городничаго, и замѣтилъ ему, что при настоящихъ обсто-

ятельствахъ, кажется, неумѣстна такая муштра школьниковъ.—Да они шалятъ!— отвѣчалъ Городничій, разумѣя самъ къ чему клонилась эта шалость. Онъ былъ изъ правдивыхъ Поляковъ.

Въ Минскѣ не встрѣтилось мнѣ ничего замѣчательнаго, кромѣ унылой пустоты, и я скоро пріѣхалъ въ Бобруйскъ, гдѣ по порученію прожилъ три дня. Тутъ увидѣлъ большую дѣятельность между Инженерами, которые занимались построеніемъ недавно начатой крѣпости. Они поправляли главный парапетъ, который отъ слабости песчанаго грунта земли часто обваливался. При всей дѣятельности Инженеровъ, наружныя пристройки еще не были кончены.

На обратномъ пути отъ Бобруйска, я встрѣчалъ на почтовыхъ станціяхъ вездѣ остановки и затрудненія въ полученіи лошадей. Порядокъ, казалось, разрушался, и все выходило изъ повиновенія. Содержатели почти были чѣмъ-то озабочены, ямщики пьянствовали, буянили; никто не хотѣлъ смотрѣть на мою подорожную; только угрозами, или добавкою прогоновъ я могъ себѣ выхлопатывать лошадей; а на станцію Пяски принужденъ былъ послать формальную жалобу въ Литовскій Почтамтъ.

3-я легкая рота артиллеріи, въ которой я служилъ, долго оставалась безъ командира послѣ того, какъ Полковникъ Котляровъ назначенъ былъ командиромъ бригады и 1-й батарейной роты, на мѣсто Полковника Гине, переведеннаго въ другую бригаду. Уже въ концѣ Мая пріѣхалъ къ намъ въ роту, въ дер. Яшуны, новый командиръ, Подполковникъ М***, и за нимъ Штабсъ-Капитанъ Фигнеръ, сдѣлавшійся послѣ извѣстнымъ партизаномъ.

Въ первыхъ числахъ Іюня Корпусъ нашъ двинулся къ границѣ; корпусная штабъ-квартира находилась въ Ольконикахъ, а наша бригадная въ Ойшишкахъ. Авангардъ Корпуса, подъ командою Генерала Дорохова, стоялъ въ Оранахъ. Войска, сблизившись, расположились въ тѣсныхъ квартирахъ. Легкую артиллерію раздѣлили по бригадамъ армейскихъ полковъ. Нашей ротѣ досталось быть въ 1-й бригадѣ 11-й дивизіи, между отличными полками Перновскимъ и Кексгольмскимъ, подъ командою Генерала Чоглокова. — Мы отбыли еще нѣсколько смотровъ отъ Бригадныхъ и Дивизіонныхъ командировъ.

Войска вообще были хорошо одѣты и выучены; солдаты рослые, стройные, добрые, ожидали съ нетерпѣніемъ похода за

границу, чтобы ударить на Француза по старой привычкѣ.

Въ Ольконикахъ мы стояли около недѣли, ожидая со дня на день похода впередъ, но вдругъ получили приказъ, 12 Іюня, идти поспѣшно назадъ въ Яшуны. Причиною столь внезапнаго движенія были Французы, которые предупредили насъ, и сего числа до разсвѣта перешли границу чрезъ р. Нѣманъ. Въ Меричѣ они захватили всѣ команды нашей дивизіи, посланныя туда для принятія изъ магазина провіанта.

Отъ Ольконикъ въ Яшуны, 40 верстъ разстоянія, мы прошли въ одинъ переходъ; кажется, не одни мы такъ поторопились: война началась не на шутку.

ГЛАВА II.

ОТЪ ВИЛЬНЫ ДО ДВИНЫ.

Объявленіе войны. — Разсужденіе о кампаніи. — Лагерь предъ Вильною. — Начало ретирады. — Встрѣча съ непріятелемъ. — Открытіе сообщенія между корпусами. — Лагерь при Двинѣ. — Молебствія о побѣдахъ. — Состояніе войскъ непріятельскихъ и нашихъ.

14 Іюня, 11-я артиллерійская бригада выступила къ Вильнѣ, и не доходя версты три до города, стала на большой дорогѣ у корчмы, въ ожиданіи приказаній. Окрестности Вильны принимали видъ воинственный; со всѣхъ сторонъ сходились войски; дороги были заставлены обозами. Это новое и необычайное для насъ, молодыхъ воиновъ, зрѣлище возбуждало общее любопытство. Тутъ бригадный командиръ получилъ пакетъ съ Высочайшимъ манифестомъ о войнѣ съ Французами. Самъ Полковникъ въ кругу офицеровъ прочиталъ вслухъ незабвенныя строки Царскаго слова, положившія въ сердца Русскихъ сѣмя мщенія врагу Россіи, и начало со-

крушенія его могущества. Особенно последнія слова одушевили всѣхъ, и глубоко врѣзались въ память каждаго. Сказано было: «Громкая побѣдами кровь Славянъ течетъ въ васъ. — Воины! — вы защищаете вѣру, отечество, независимость; — Я съ вами! на начинающаго Богъ!» — «Война!» вскричали офицеры, весьма тѣмъ довольные, и воинственная искра пробѣжала электрически по жиламъ присутствующихъ.

Если-бъ зналъ тогда Наполеонъ сколько было духа и охоты въ Руских подраться съ его войсками, не страшась ихъ множества; если-бъ могъ онъ проникнуть въ смыслъ Царскаго изрѣченія, объявленнаго народу: « Я не положу оружія, доколѣ ни единаго непріятельскаго воина не останется въ Царствѣ моемъ!» — если-бъ, говорю, Наполеонъ зналъ рѣшительность нашего Императора, и твердость Русскаго народа, готоваго бороться съ нимъ до послѣдней крайности, то не имѣлъ-бы суетной надежды, занятіемъ Москвы покорить Россію. Но *онъ увлеченъ былъ неизбѣжнымъ рокомъ*: *судьба его долженствовала совершиться* (*).

(*) Извѣстное изрѣченіе Наполеона о Россіи предъ начатіемъ войны.

Мы думали, что непремѣнно пойдемъ на встрѣчу Французамъ, сразимся съ ними на границѣ и погонимъ ихъ далѣе. Но кто зналъ политическія обстоятельства, тотъ иначе разсуждалъ: собственно первое наше нападеніе было-бы дерзко и несчастливо; судя по превосходству силъ непріятельскихъ передъ нашими, даже безразсудно-бъ было при встрѣчѣ давать рѣшительное сраженіе. Французскихъ войскъ, привыкшихъ къ побѣдамъ, собралось тогда вдвое противъ нашихъ; о самомъ предводителѣ ихъ должно сказать, что Исторія новѣйшихъ временъ не представляла ему подобнаго ни въ счастіи, ни въ искусствѣ побѣждать. Кто-бы осмѣлился состязаться съ нимъ? кто-бы превозмогъ его стратегію и тонкую политику? — Наполеона стали побѣждать только собственнымъ его оружіемъ: принявъ ту-же систему политики, и тотъ-же образъ войны. И такъ слабѣйшему надлежало прибѣгнуть къ военной хитрости: уступать шагъ за шагомъ сильному непріятелю, заводить его далѣе и далѣе, въ лѣса и болота, гдѣ недостатокъ продовольствія, изнеможеніе отъ продолжительныхъ маршей, и суровость климата столько-бы истощили его, чтобы, наконецъ, слабѣйшій осмѣлился напасть на обезсиленнаго врага

своего. Примѣръ гибели Карла XII освѣжился въ памяти Рускихъ. Наполеонъ, путеводимый судьбою, хотѣлъ быть безпримѣрнымъ.

Рускіе до сего времени не умѣли ходить назадъ, и слово *ретирада*, въ ихъ понятіи, заключало въ себѣ нѣчто предосудительное, несвойственное достоинству храбрыхъ воиновъ, пріученныхъ Румянцовымъ и Суворовымъ ходить всегда впередъ, и побѣждать. Иной полководецъ, можетъ быть, никогда-бы не рѣшился на продолжительную ретираду; онъ скорѣе-бъ легъ, какъ Леонидъ, со всѣми воинами у рубежа границы, а не повелъ-бы за собою непріятелей въ сердце отечества. Но какъ-бы хорошо ни былъ составленъ планъ нашей кампаніи, только едва-ли возможно было заставить непріятеля дѣйствовать по предположенію, особенно Наполеона, который умѣлъ пользоваться чужими ошибками. Избалованный фортуною, онъ хотѣлъ однимъ полетомъ пронестись до Москвы, чтобы такъ-же скоро и славно кончить въ ней Русскую кампанію, какъ удалось ему совершить Австрійскую и Прусскую взятіемъ Вѣны и Берлина. Но, кажется, Россію онъ худо зналъ, и впослѣдствіи времени, думая восторжеество-

ватъ силою своего генія надъ всѣми бѣдствіями, былъ жестоко наказанъ.

14 Іюня, пѣхотные корпусы Генераловъ Тучкова и Графа Шувалова, соединившись, стали въ боевомъ порядкѣ передъ Вильною; нашъ 4-й Корпусъ занялъ лѣвый флангъ позиціи, на мѣстѣ, называемомъ *Погулянки*, и примыкалъ къ большой дорогѣ, идущей отъ Новыхъ-Трокъ въ Вильну. Здѣсь увидѣли мы большое собраніе войскъ и услышали разныя вѣсти о вторженіи Французовъ; говорили, что многіе Поляки намъ измѣнили, перебѣжавъ къ Наполеону, и что отъ всѣхъ нихъ ожидается возмущеніе. Такія новости были непріятны, однако при видѣ собранныхъ войскъ мы не страшились непріятелей. Изъ окрестныхъ селеній, впереди насъ находившихся, Казаки сгоняли въ лагерь множество рогатаго скота, который раздавали въ полки на порцію. Все принимало военный видъ: странная смѣсь разнаго рода войскъ, обоза, артиллеріи, съ лошадьми и скотомъ, всеобщее движеніе взадъ и впередъ, звукъ оружія, мычаніе воловъ, ржаніе коней и говоръ солдатъ, представляли любопытное зрѣлище для тѣхъ, кто въ первый разъ вступалъ на военное поприще. Окрестности дымились отъ бивачнаго огня. Къ вечеру, передъ лагеремъ, загорѣлась корчма; пылающій

огонь среди зеленаго кустарника и съ последнимъ лучемъ заходящаго солнца увеличивалъ красоту воинственной картины. Взоры мои развлекались многими предметами, которые своею занимательностію погрузили меня потомъ на несколько минутъ въ мрачную думу.... Въ сумерки, нашу артиллерію повели на левый флангъ, въ первую линію.

Следующаго дня (15 Іюня) восходящее солнце осветило Россійское неустрашимое воинство въ боевомъ порядке передъ Вильною. Съ первымъ лучемъ дневнаго светила, во всехъ полкахъ музыка съ барабанами возвестила зорю. У каждаго воина кипелъ духъ брани за родину. Утренній холодъ освежалъ мужественныя лица солдатъ. Важная тишина и спокойствіе въ лагере скрывали въ себе нечто страшное. Съ пробужденіемъ всехъ началась воинская деятельность: разводы по карауламъ, дежурство, и проч.; команды съ артельными котлами гремели къ речке за водою, задымились кухни, и заварилась солдатская кашица.

Наша рота артиллеріи стала въ боевомъ порядке на самомъ конце леваго фланга первой линіи, на возвышеніи, съ котораго открывалось вдоль все расположеніе войскъ обоихъ корпусовъ. Впереди отъ ли-

нія, на дальнее разстояніе простирался частый кустарникъ; назади оставался городъ. Утренній звонъ колоколовъ возвѣщалъ печальную молитву жителей, ожидавшихъ своей участи. Страшный гулъ носился по всей окрестности. Мы стояли, готовые къ бою, въ какомъ-то ожиданіи, и помышляли о непріятелѣ, который таился передъ нами; казалось, онъ, пробираясь въ тишинѣ чрезъ кустарникъ, скоро сдѣлаетъ нападеніе; какъ вдругъ изъ-за кустовъ выскочилъ — заяцъ, и бросился къ фронту пѣхоты. Всѣ встревожились, стали кричать, махать руками, и гонять дезертёра; устрашенный звѣрь, прижавъ уши, обратился на нашу батарею: шутъ, что чѣмъ попало, бросалъ въ него, и заяцъ попалъ подъ канонера, который, упавши нарочно, придавилъ несчастнаго. Старые бомбардиры замѣтили въ этомъ зайцѣ счастливое для себя предзнаменованіе; нѣкоторые говорили: « Бѣда была-бы неминучая, если-бы косой перебѣжалъ черезъ батарею; такъ случилось подъ Фридландомъ. » — Мы зайца велѣли изжарить, и шутя говорили за обѣдомъ, что ѣдимъ какого нибудь знатнаго непріятеля, превращеннаго вѣдьмою въ животное, эмблему трусости.

Цѣлый день простояли мы благополучно

на мѣстѣ. Слышно было, что Французы въ 20 верстахъ отъ насъ, при Новыхъ Тро-кахъ, стягиваютъ войски, а потому ожидали мы, что непремѣнно завтра у насъ будетъ сраженіе; но ввечеру получили приказъ — ретироваться.

16 Іюня, съ разсвѣтомъ дня войски тронулись въ ретираду. Нашъ 4-й Корпусъ выступилъ съ мѣста послѣдній, часу въ десятомъ до полудни, и проходилъ чрезъ Виленское предмѣстіе Остробраму. Въ продолженіе перехода войскъ не было никакой суетливости; все шло въ должномъ порядкѣ, только съ нѣкоторою унылостію. Артиллеріи шесть орудій нашей роты шли послѣднія за егерями 33-го полка; насъ прикрывали сто Черноморскихъ Лейбъ-Казаковъ. Но только что мы перешли за городъ чрезъ р. Вилію, какъ увидѣли позади себя пожаръ: Казаки зажгли мостъ и городскіе магазины, чтобы остановить на нѣкоторое время Французовъ, которые близко за нами слѣдовали, и безъ выстрѣла заняли городъ.

Пройдя верстъ 12-ть мы остановились. Нашъ арріергардъ состоялъ изъ четырехъ баталіоновъ пѣхоты, сотни Казаковъ, и полуроты артиллеріи, всѣ подъ командою Полковника Бистрома, которому приказано было прикрывать отступленіе третьей

нія, на дальнее разстояніе простирался частый кустарникъ; назади оставался городъ. Утренній звонъ колоколовъ возвѣщалъ печальную молитву жителей, ожидавшихъ своей участи. Страшный гулъ носился по всей окрестности. Мы стояли, готовые къ бою, въ какомъ-то ожиданіи, и помышляли о непріятелѣ, который таился передъ нами; казалось, онъ, пробираясь въ тишинѣ чрезъ кустарникъ, скоро сдѣлаетъ нападеніе; какъ вдругъ изъ-за кустовъ выскочилъ — заяцъ, и бросился къ фронту пѣхоты. Всѣ встревожились, стали кричать, махать руками, и гонять дезертёра; устрашенный звѣрь, прижавъ уши, обратился на нашу батарею: шутъ, что чѣмъ попало, бросалъ въ него, и заяцъ попалъ подъ канонера, который, упавши нарочно, придавилъ несчастнаго. Старые бомбардиры замѣтили въ этомъ зайцѣ счастливое для себя предзнаменованіе; нѣкоторые говорили: « Бѣда была-бы неминучая, если-бы косой перебѣжалъ черезъ батарею; такъ случилось подъ Фридландомъ. » — Мы зайца велѣли изжарить, и шутя говорили за обѣдомъ, что ѣдимъ какого-нибудь знатнаго непріятеля, превращеннаго вѣдьмою въ животное, эмблему трусости.

Цѣлый день простояли мы благополучно

на мѣстѣ. Слышно было, что Французы въ 20 верстахъ отъ насъ, при Новыхъ Трокахъ, стягиваютъ войски, а потому ожидали мы, что непремѣнно завтра у насъ будетъ сраженіе; но ввечеру получили приказъ — ретироваться.

16 Іюня, съ разсвѣтомъ дня войски тронулись въ ретираду. Нашъ 4-й Корпусъ выступилъ съ мѣста послѣдній, часу въ десятомъ до полудни, и проходилъ чрезъ Виленское предмѣстіе Остробраму. Въ продолженіе перехода войскъ не было никакой суетливости; все шло въ должномъ порядкѣ, только съ нѣкоторою унылостію. Артиллеріи шесть орудій нашей роты шли послѣднія за егерями 33-го полка; насъ прикрывали сто Черноморскихъ Лейбъ-Казаковъ. Но только что мы перешли за городъ чрезъ р. Вилію, какъ увидѣли позади себя пожаръ: Казаки зажгли мостъ и городскіе магазины, чтобы остановить на нѣкоторое время Французовъ, которые близко за нами слѣдовали, и безъ выстрѣла заняли городъ.

Пройдя верстъ 12-ть мы остановились. Нашъ аррьергардъ состоялъ изъ четырехъ батальоновъ пѣхоты, сотни Казаковъ, и полуроты артиллеріи, всѣ подъ командою Полковника Бистрома, которому приказано было прикрывать отступленіе третьей

колонны; направленіе дано чрезъ дер. Варжовку къ Копунжѣ. Проселочная дорога вела насъ по неровнымъ возвышеніямъ, черезъ кустарникъ. Остановившись на полянѣ, въ виду города, артиллерія заняла высоты, стрѣлки разсыпались впереди по опушкѣ лѣса; прочіе стали въ боевой порядокъ. Штабсъ-Капитанъ Фигнеръ передвигалъ свои пушки съ одного бугорка на другой, и съ карандашемъ въ рукѣ снималъ на бумажку положеніе мѣста; онъ велѣлъ зарядить пушки ядрами, и приготовить картечь. Мимо насъ по дорогѣ тянулись изъ города обозы; Казаки безпрестанно летали съ извѣстіями къ Полковнику Бистрому, потомъ стали погонять обозныхъ, которые и пустились рысью; но выстрѣла еще не было слышно и вовсе не видно Французовъ. Я выходилъ изъ терпѣнія отъ любопытства, желая увидѣть страшныхъ непріятелей, отъ которыхъ всѣ такъ поспѣшно уходили.

Здѣсь узнали мы, что нашей бригады весь походный лазаретъ, съ больными, съ лекаремъ, фельдшеромъ и коноваломъ, которые не успѣли за нами изъ Олькеникъ въ Яшуны, попались въ руки Французамъ. Это обыкновенная участь ретирующихся, гдѣ, при всемъ возможномъ порядкѣ, всегда что нибудь теряется безъ драки.

17 Іюня войски трепьей колонны перешли еще разъ р. Вилію въ сел. Брижахъ, а мы съ арріергардомъ осшались не переходя рѣчки. Я съ двумя пушками шелъ всегда послѣдній, подъ прикрышіемъ баталльона егерей. Черноморскіе Казаки осшавались за полверсшы назади; они изрѣдка пересшрѣливались съ непріяшельскими фланкерами. Дорога вела насъ большею часшію чрезъ неровныя, покрышыя куспарникомъ мѣсша.

Будучи первый разъ въ жизни употребленъ для дѣйсшвія съ аршиллеріею, я въ продолженіе всей реширады, по неопышносши своей, день и ночь безпокоился, покуда не увидѣлъ непріяшелей; воображеніе пугало меня какими-шо призраками. На привалѣ, или для ночлега, башальонъ егерей съ моими двумя пушками сшановился оптдѣльно, позади всѣхъ войскъ; егери сшроили себѣ биваки, варили кашицу, и ошдыхали, а я на аванпосшѣ, въ цѣпи со сшрѣлками и Казаками, находясь въ безпресшанномъ ожиданіи нападенія ошъ непріяшелей, не смѣлъ дашь свободы канонерамъ распрячь лошадей, ни самъ ошдохнушь. Часшо, ушомленный переходомъ, я прислонялся къ лафешу и засыпалъ; волненіе крови и безпокойсшво мыслей воспламеняли мое воображеніе. Однажды, по-

грузившись въ сладкую дремошу, я мечшалъ видѣшь предъ собою выбѣгающихъ изъ кусшарника Французовъ, кошорые съ саблями въ рукахъ бросались на меня — и вдругъ вскрикнулъ: »Сшрѣляй!« — Но очнувшись, видѣлъ шолько своихъ канонеровъ, кошорые во всей гошовносши спокойно лежали при пушкахъ. Сердишый Маіоръ, башаліонный командиръ, не позволялъ моимъ аршиллерисшамъ варишь кашицы; они нѣсколько дней ѣли одни сухари.

18 Іюня арріергардъ перешелъ р. Вилію по новому мосшу, и расположился на возвышенномъ берегу, надъ самою рѣчкою. Здѣсь къ нашему арріергарду присоединили еще двѣнадцашь башарейныхъ орудій, весь 33-й Егерскій полкъ, и два полка линейныхъ, Перновскій и Кексгольмскій. Казалось, мы намѣрены были выждашь шушъ непріяшеля, кошорый передъ нами шанлся, не смошря на наше добровольное ошсшупленіе. Казаки по шу сшорону рѣчки мелькали въ кусшарникахъ, и кой-гдѣ пускали писшолешный дымокъ. Къ вечеру, на деревянный мосшъ нанесли соломы и смолы. Среди шаинсшвенной шишины мы чего-шо ожидали; но съ насшупленіемъ ночи мосшъ запылалъ и предсшавилъ намъ пріяшную каршину.

На другой день по ушру шелъ сильный

дождь, отъ чего мы всѣ очень перемокли и передрогли. Войски арріергарда только что отошли версты три къ пустому селенію, какъ получили приказаніе опять воротиться на прежнее мѣсто, и ожидать непріятеля. Но тщетно; онъ скрывался передъ нами, или, лучше сказать, въ общемъ движеніи главныя силы Французовъ были обращены противъ средней колонны, а мы, какъ сторонніе, оставлены были ими почти безъ вниманія. — Пополудни мы пошли далѣе.

20 Іюня, подходя къ Свенціянамъ, мы увидѣли съ нѣсколькихъ сторонъ сходящіяся войски; это значило соединеніе арріергардовъ 3-го и 4-го корпусовъ, которые сами вчера пришли сюда. Здѣсь находилась главная квартира Государя Императора. Это извѣстіе для войскъ было весьма радостно: присутствіе Царя оживляло ихъ. — Изъ городскихъ магазиновъ всѣ полки запаслись провіантомъ. Нашъ арріергардъ смѣнили, и я имѣлъ удовольствіе присоединиться къ ротѣ, послѣ четырехдневнаго безпокойства и трудовъ. Главнокомандующій осмотрѣлъ насъ, и благодарилъ Полковника Бистрома за благоразумное отступленіе съ сбереженіемъ людей.

Въ слѣдующій день, на маршѣ отъ Свенціянъ всею колонною, мы услышали позади

себя ружейную перестрѣлку. Французская кавалерія, занимая городъ, столкнулась съ нашею.

Отъ сел. Мелисянъ спокойно продолжалось наше отступленіе къ Тверечу. Войски шли по травѣ, смоченной дождями. Полная, взращенная повсюду зелень хлѣба представляла тучный кормъ для нашихъ лошадей. Воздухъ, освѣженный дождями, подкрѣплялъ усталыхъ. Въ пищѣ не было недостатка, и даже прихоти роскоши удовлетворялись маркитантами. Только часто встрѣчались по дорогѣ упалыя обозныя лошади; въ топкихъ мѣстахъ валялось ихъ по нѣскольку вмѣстѣ, чѣмъ не мало затруднялся переѣздъ нашей артиллеріи.

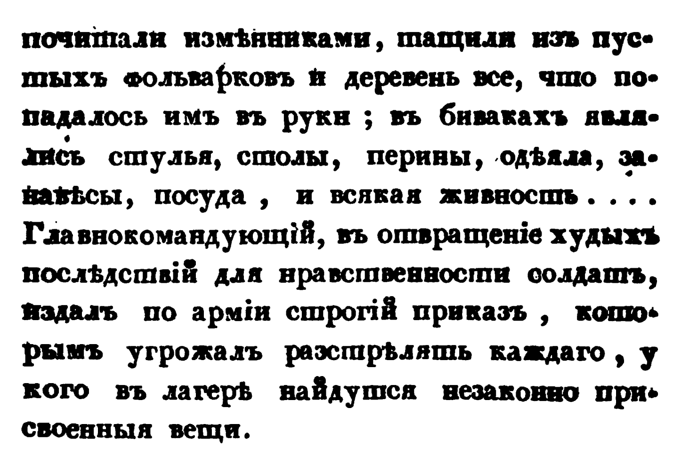
23 Іюня, съ самаго утра слышали мы позади себя и влѣво ружейную перестрѣлку, которая безпрестанно усиливалась. Генералы распоряжались, Адъютанты безпрестанно летали взадъ и впередъ съ извѣстіями и приказаніями; но въ лѣсу намъ нѣгдѣ было развернуться, а перестрѣлка все ближе и ближе трещала почти надъ ушами. Мы, закрытые съ обѣихъ сторонъ тѣсной дороги лѣсомъ, не могли ничего видѣть; но прибавляя безпрестанно шагу, вышлелись благополучно изъ общей завязки. Дѣло, по разсказамъ, вышло горячее. При

селенія Давгелишкахъ непріятельскій авангардъ нагналъ нашъ арріергардъ подъ командою Генерала Корфа, который успѣлъ перейдти р. Десну и разрушить мостъ. Французы, подъ прикрытіемъ своей батареи въ 30 орудій, снова навели мостъ и перешли; нашъ арріергардъ расположился на ближайшихъ высотахъ, и храбро отражалъ преслѣдователей. Виртембергскіе егери лѣзли, какъ бѣшеные. Это обстоятельство произвело сильную перестрѣлку съ обѣихъ сторонъ, весьма близко отъ пути нашей колонны. Французы усиливали натискъ, а Руские, упорно защищаясь, отступали. При семъ случаѣ, Казачій Полковникъ въ атакѣ ранилъ и взялъ въ плѣнъ Виртембергскаго Принца Гогенлоге. Покуда продолжалась перестрѣлка, мимо насъ, изъ лѣса на дорогу, провезли въ тѣлежкѣ темномалиноваго гусара: высокій киверъ, длинные височные плетешки, и толстый пучекъ на затылкѣ являли въ немъ воина съ чужеземными для насъ признаками. Это былъ первый непріятель, котораго я увидѣлъ, и разсматривалъ съ особеннымъ любопытствомъ. Фигура его обнаруживала стройнаго мужчину; онъ сидѣлъ на тѣлежкѣ склонивъ голову и потупя взоры; онъ не хотѣлъ взглянуть на идущихъ мимо его Русскихъ солдатъ, и,

казалось, стыдился своего плѣна — это былъ дремлющій драконъ.

Причиною сильнаго натиска Французовъ было то, что они хотѣли отрѣзать 3-й Корпусъ. Правѣе нашего, 6-й Корпусъ Генерала Дохтурова, отошедшій отъ 2-й арміи, почитался уже пропащимъ. Проходя лѣсомъ, ежечасно и мы ожидали, что съ какой нибудь стороны выскочатъ на насъ Французы. Для Рускихъ, не привыкшихъ ходить назадъ безъ драки, непріятно было видѣть, что вездѣ при ночлегахъ являлись имъ укрѣпленныя лагерныя мѣста, гдѣ войски строились въ боевой порядокъ, почти не выходили изъ фронта, и, переночевавши съ опасеніемъ отъ нечаяннаго нападенія, при наступленіи дня опять уходили. Солдаты говорили: видно Французы очень сильны, что бросая укрѣпленія, мы по неволѣ должны убѣгать отъ нихъ. Такъ ретирада всегда ослабляетъ духъ въ войскѣ.

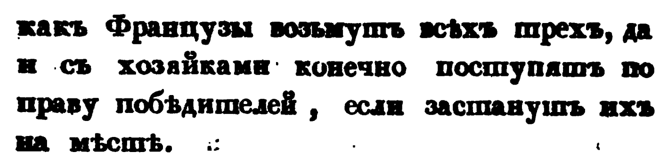
Въ слѣдующій день мы вышли изъ лѣсовъ на открытыя мѣста, пересѣкаемыя рощами и заселенныя деревеньками, которыя, однако, были пусты; крестьяне оставляли свои жилища на произволъ пріятелей и непріятелей. Команды, посылаемыя изъ лагерей за дровами и соломою, по ненависти къ Полякамъ, которыхъ

почитали измѣнниками, тащили изъ пустыхъ фольварковъ и деревень все, что попадалось имъ въ руки; въ бивакахъ являлись стулья, столы, перины, одѣяла, занавѣсы, посуда, и всякая живность.... Главнокомандующій, въ отвращеніе худыхъ послѣдствій для нравственности солдатъ, издалъ по арміи строгій приказъ, которымъ угрожалъ разстрѣлять каждаго, у кого въ лагерѣ найдутся незаконно присвоенныя вещи.

Графъ Остерманъ-Толстой, по болѣзни Графа Шувалова, принялъ начальство надъ 4 пѣхотнымъ Корпусомъ. Онъ потребовалъ къ себѣ одного артиллерійскаго офицера для порученій, и меня тотчасъ къ нему командировали. Я засталъ Графа на привалѣ съ пѣхотою. Онъ лежалъ, подъ сосною, укутанный въ бурку; около него стояли Генералъ Корфъ и Квартирмейстерской части штабъ-офицеръ. Узнавъ обо мнѣ, Графъ спросилъ: «Есть-ли у тебя лошадь?» — Никакой, Ваше Сіятельство, кромѣ этой — указывая на клячу. — «Ну, такъ поди, возьми тамъ на дворѣ—сказалъ онъ показывая на высоту, гдѣ стояло нѣсколько домиковъ — дайте ему унтеръ-офицера!» — Я пошелъ въ фольваркъ, и прямо на конюшню; тутъ увидѣлъ тройку добрыхъ коней, выбралъ себѣ вороного

жеребца и велѣлъ унтеръ-офицеру вести его за собою. Вдругъ выскочили изъ дома три красавицы, и Полячекъ, какъ Амуръ съ Граціями; онѣ со слезами стали упрашивать меня, чтобъ я оставилъ имъ жеребца, на котораго полагали всю свою надежду для спасенія отъ Французовъ. Въ такомъ случаѣ не льзя было не разсмѣяться, видя, какъ неравнодушно красавицы разставались съ своимъ жеребцомъ; однако я былъ неумолимъ къ ихъ просьбѣ, и съ добычею сталъ уходить; вопли красавицъ меня преслѣдовали, добрый жеребецъ отвѣчалъ имъ ржаніемъ, а Полячекъ бѣжалъ вслѣдъ за мною со слезами. Не допуская къ Графу, меня встрѣтилъ Генералъ Корфъ, который внимая отчаянію Полячка, умолявшаго объ освобожденіи жеребца, и видя на горкѣ женщинъ въ отчаяніи, съ платками въ рукахъ, сказалъ мнѣ: «Отдай, братецъ, имъ; пусть отвяжутся. Выпроси у Командира своего отъ имени Графа артиллерійскую лошадь, и поѣзжай, куда прикажутъ.» — Повинуясь Генералу, я нехотя уступилъ красиваго жеребчика, который къ общей радости панночекъ запрыгалъ съ Полячкомъ домой. Досадно мнѣ было, что я по пустому трудился, и не понималъ, почему красавицы не хотѣли уступить мнѣ одной лошади, между тѣмъ

какъ Французы возьмутъ всѣхъ трехъ, да и съ хозяйками конечно поступятъ по праву побѣдителей, если застанутъ ихъ на мѣстѣ.

Штабъ-офицеръ Квартирмейстерской части показалъ мнѣ карту, разныя по ней дороги, и вручивъ пакетъ, сказалъ, чтобъ я ѣхалъ.

Предметъ даннаго мнѣ порученія состоялъ въ томъ, чтобы открыть сообщеніе съ 6-мъ Корпусомъ Генерала Дохтурова, который въ началѣ ретирады будучи отдѣленъ Французами отъ 2-й Арміи, хотя и успѣлъ сблизиться съ нашими корпусами, но Графъ Остерманъ желалъ удостовѣриться, въ какомъ отдаленіи и гдѣ подлинно находился онъ.

Я выпросилъ себѣ изъ роты артиллерійскую лошадь, и вооруженный шпагою, безъ всякаго конвоя, взялъ въ сопутницы одну нагайку, и поскакалъ по данному мнѣ направленію. Я выѣхалъ пополудни, и скакалъ во весь галопъ до вечера. На пути не встрѣчалъ ни души; отдаляясь вправо отъ направленія своей колонны, ѣхалъ проселочными дорогами, черезъ поля и рощи, болѣе наугадъ, и не безъ опасенія попасть въ руки Французамъ. Ввечеру пріѣхалъ я къ одному фольварку, гдѣ, по счастію, нашелъ добраго эконома, который накормилъ меня,

и по поверке моего пути, сказалъ, что я несколько сбился; при чемъ означилъ обстоятельно дорогу, по которой мне должно было ехать ночью, и советовалъ быть осторожнее, чтобы не попасть къ Французамъ, которые находились близко. Онъ даже переменилъ мою усталую лошадь, съ темъ, чтобы по возвращенiи отдать ее обратно. Само счастiе навело меня на столь добраго человека; не знаю, успелъ-ли-бы я возвратиться безъ его пособiя. Подкрепившись себя ужиномъ, и на свежей лошади, я снова пустился въ скачку.

Ночь сначала была темная; потомъ взошла луна, которая бледно освещая предметы, казала ихъ въ обманчивомъ виде и более устрашала призраками, нежели путеводила освещенiемъ. Я въехалъ въ одну пустую деревню, и въ конце длинной улицы заметилъ движущiяся две конныя фигуры. Это заставило меня остановиться и повернуть лошадь въ сторону, къ ближайшему двору; тутъ, не слезая съ лошади, я притаился въ стенке, подъ тенью дома, такъ, что меня не могли заметить. Вскоре проехали шагомъ два драгуна; только при слабомъ свете луны я не могъ разсмотреть, непрiятельскiе они, или наши. По удаленiи патруля я тихонько выехалъ на улицу, пробираясь около строе-

-ній; наконецъ, прибавя рыси, пустился скакать въ сторону отъ дороги съ большею осмотрительностію. Проѣхавши версты три, я увидѣлъ вдали огни; но какъ удостовѣриться чьи они, наши, или непріятельскіе? Для этого надлежало мнѣ своротить еще къ кустарникамъ; я сталъ пробираться по-маленьку, минуя пикеты, все ближе и ближе къ огнямъ; наконецъ, сажепяхъ въ десяти, по длиннымъ пикамъ и говору, узналъ своихъ Казаковъ. Удовольствіе мое было неизъяснимо. Я въѣхалъ къ нимъ такъ тихо, что они меня не замѣтили, и тотчасъ спросилъ, не Дохтурова-ли Корпуса? — Получивъ подтвердительный отвѣтъ, велѣлъ провести себя къ Генералу. Была глухая полночь, и луна спряталась въ облака. Войска, казалось, недавно пришли, и Генералъ спалъ въ сараѣ. Меня встрѣтилъ его адъютантъ, которому я подалъ пакетъ, и требовалъ, чтобъ онъ разбудилъ Генерала. Дохтуровъ проснулся при мнѣ, велѣлъ подать свѣчу, и прочитавъ бумагу сказалъ: »Экъ они встревожились! скажи, братецъ: я цѣлъ и здоровъ. Дубельтъ! напиши отвѣтъ!» — Дубельтъ, адъютантъ, пошелъ въ свой сарай и принялся писать. Тутъ узналъ я, что въ послѣдней стычкѣ аррьергарда этого Корпуса на р. Скврѣ, Маріупольскіе гуса-

ры, прикрывая обозъ, рубились съ Французами на поромахъ, потерпѣли уронъ, и часть нашего обоза была отхвачена непріятелемъ. — Усталость одолѣвала мною. Проѣхавши около пятидесяти верстъ, почти все вскачь, и первый разъ въ жизни такъ много верхомъ, я чувствовалъ изнеможеніе; голова моя горѣла, сонъ сразилъ меня. Пока адъютантъ написалъ отвѣтъ, снесъ его для подписи, и запечаталъ, я, прислонившись къ столу, спалъ, какъ убитый; но по первому слову его: Эй! готово! — вскочилъ, взялъ бумагу за пазуху, сѣлъ на лошадь, и поскакалъ прежнимъ путемъ, только гораздо надежнѣе. Передъ свѣтомъ пріѣхалъ я въ фольваркъ къ доброму эконому, взялъ свою лошадь, поблагодарилъ его, и отправился далѣе.

25 Іюня, въ 8 часовъ утра, я встрѣтилъ 4-й Корпусъ на походѣ изъ Гайдуковщизны, и слѣзъ съ лошади передъ Графомъ въ то самое время, когда онъ вышелъ изъ избы, чтобы садиться на подведенную ему лошадь. Шатаясь отъ усталости и безсонницы, я подалъ ему пакетъ. Графъ, всегда суровый, явилъ тогда мнѣ пріятное лицо, и взглянулъ на меня благосклонно. Прочитавъ бумагу, съ довольною миною сказалъ: « Ступай, отдохни, и о-

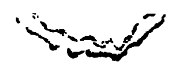
стаяься при мнѣ.»—Куда мнѣ было идти отдыхать? все на походѣ. Изъ нуждъ физическихъ наиболѣе одолѣвалъ меня сонъ. Съ утомленнымъ конемъ своимъ, и самъ весь какъ разбитый, пошелъ я стороною въ лѣсокъ, повалился на мягкой лужайкѣ, обвертѣлъ поводъ около руки и легъ спать тогда, какъ всѣ давно уже выспались. Конь мой съ жадностію рвалъ около моей головы траву, и этимъ шумомъ услаждалъ, вмѣсто журчанія ручейка, давно желанный сонъ.

Часа два я спалъ какъ убитый; солнце припекло мнѣ голову, и заставило пробудиться; оно ярко блестѣло въ голубомъ небѣ, и лучами позлащало вершины высокихъ березъ около меня. Мой конь стоялъ повѣся голову, и дремалъ въ свою очередь—вокругъ унылая тишина.

Подкрѣпленный сномъ, я освѣжился, и какъ ни въ чемъ не бывало, сѣлъ на вѣрнаго товарища, который маленькой рысцою понесъ меня впередъ. По дорогѣ обгонялъ я усталыхъ; они отдыхали на пенькахъ около лужицъ. Проѣхавши верстъ пятнадцать, я догналъ пѣхоту 4-го Корпуса, проходившую чрезъ селеніе, гдѣ передъ господскимъ дворомъ стояли лошади свиты Графской. Тутъ, исполняя приказаніе Графа, мнѣ должно было остановить-

ся; я привязалъ свою лошадь къ рѣшетчатому забору дома, между другими лошадьми, и вошелъ въ горницу. По срединѣ стоялъ большой, накрытый столъ, и на немъ опустошенный завтракъ. Для меня остались только опрокинутые стаканы, пустыя бутылки, разлитый по скатерти соусъ, просыпанная соль, и корки хлѣба; еще стояло блюда два съ кускомъ битка и съ спинкою жареной курицы. У большихъ оконъ сидѣли три порядочно одѣтыя дамы, съ заплаканными глазами и съ платочками въ рукахъ, смотрѣвшія печально на гостей, которые безпрестанно приходили, уходили, и не спрашиваясь ихъ хозяйничали въ домѣ. Молодежь, гусары и адъютанты Графской свиты, расправляя усики свои и побрякивая шпорами, старались любезничать для развлеченія грусти унылыхъ дамъ, и невольно выманивали у нихъ — горестныя улыбки.

Въ горницѣ я сдѣлалъ легкій поклонъ присутствующимъ и, послѣ трудной поѣздки весьма проголодавшись, съ удовольствіемъ приступилъ къ любезному битку и закусилъ имъ. Обшаривая бутылки, я нашелъ въ одной нѣсколько жидкости, и выпилъ чего-то кислаго, похожаго на вино.—Потомъ всѣ мы сѣли на коней, простились съ гостепріимными хозяйками,

и оставя ихъ на произволъ судьбы и Французовъ, поѣхали догонять Графа, который ѣхалъ впереди войскъ, погруженный въ думу.

Ввечеру, въ лагерѣ при Новоселкахъ, я увидѣлся съ товарищами своей роты, разсказалъ имъ о чудномъ странствіи своемъ, и переночевалъ въ бивачномъ шалашѣ такъ пріятно, какъ у родныхъ на лежанкѣ.

Въ слѣдующій день мнѣ перемѣнили лошадь и велѣли присоединиться опять къ Графской свитѣ. Тутъ адъютанты, ординарцы и прочіе щеголи, въ красивыхъ, узорчатыхъ мундирахъ, на рѣзвыхъ коняхъ, смотрѣли изъ-за плеча на меня, съ чернымъ ворошникомъ, ѣдущаго на подъемной клячѣ съ казачьимъ сѣдломъ. Я видѣлъ, что мнѣ тутъ не ловко, и товарищи не по рукѣ, а потому очень скучалъ; наконецъ, когда Графъ цѣлый день меня не спрашивалъ, то я, не сказавшись никому, тихонько утелся къ своимъ, разсудивъ, что если буду нуженъ, такъ меня позовутъ — этимъ и балъ кончился.

27 Іюня, ввечеру, войски вступили въ укрѣпленный лагерь на Двинѣ. Нашей артиллеріи досталось мѣсто въ концѣ лѣваго фланга, по отлогости берега, такъ, что мы съ пушками спрятавшись въ высокую, зеленую рожь, не могли ничего ви-

дѣшь предъ собою. 4-й Корпусъ съ 2-мъ Кавалерійскимъ расположились на лѣвомъ флангѣ, позади послѣднихъ редушовъ.

Укрѣпленный лагерь на Двинѣ изгошовлялся еще до ошкрышія кампаніи, а пошому намѣреніе наше: решироващься, должно-бъ бышь извѣсшно Наполеону, кошорый могъ предпринящь заранѣе мѣры для раздѣленія нашихъ силъ. Положеніе эшого лагеря во многомъ уподоблялось лагерю Петра I-го подъ Полшавою. Тамъ, позади лагеря, находились рѣка и крушые овраги, чшобы для Рускихъ не осшавалось ничего инаго, кромѣ смерши или побѣды; здѣсь шакже позади была большая рѣка и крушой берегъ, но для спасенія войскъ, въ случаѣ неудачи, пригошовлено было шри большихъ мосша подъ прикрышіемъ окоповъ. Тамъ впереди находились закрышыя лѣсомъ мѣсша, и усшроенные редушы; здѣсь шакже былъ лѣсъ, и очень близко къ лѣвому флангу, гдѣ подѣлали засѣки; передъ фроншомъ-же всего лагеря было десяшь редушовъ. Наконецъ, ошъ учасши сраженія шакже и здѣсь зависѣло спасеніе или гибель одной арміи изъ двухъ враждующихъ силъ. Судя по великимъ шрудамъ и издержкамъ, для усшройсшва укрѣпленій обширнаго Двинскаго лагеря, надлежало предполагашь, чшо Главнокомандующій намѣревался здѣсь дашь

генеральное сраженіе ; однако намѣреніе его не исполнилось. Можетъ быть Наполеонъ избѣгалъ съ нами встрѣчи въ Двинскомъ лагерѣ, опасаясь участи, постигшей героя Швеціи, или вовсе не намѣренъ былъ пробиваться чрезъ безплодныя губерніи къ сѣверной столицѣ нашей; однимъ словомъ, онъ не хотѣлъ приступить къ Двинскому лагерю и оставилъ насъ въ покоѣ.

Скрывшись за редуты, мы имѣли ту выгоду, что нѣсколько дней отдыхали спокойно. Главнокомандующій ожидалъ здѣсь прибытія второй арміи, которая по назначенію долженствовала слѣдовать чрезъ Вилейку и Минскъ ; но путь ея былъ въ одно время продолжительнѣе пути первой арміи; сверхъ того, въ началѣ ретирады Наполеонъ употребилъ стратегическое средство для разобщенія двухъ армій нашихъ, пославъ изъ Вильны Маршала Даву съ войсками въ разрѣзъ между нами. Мы не безъ причины безпокоились объ участи Князя Багратіона, и солдаты называли его армію *второю западною*.

День вступленія войскъ въ Двинской лагерь былъ знаменитымъ днемъ Полтавской битвы; по этому случаю объявленъ Высочайшій приказъ, которымъ поддержали нѣсколько въ Рускихъ солдатахъ духъ, колебавшійся уже отъ начала не-

обыкновенной ретирады. Сказано было: «что до соединенія армій, временнымъ и нужнымъ отступленіемъ, удерживаемо было кипящее мужество воиновъ остановить дерзкій шагъ непріятеля; но теперь предстоитъ новый случай оказать извѣстную храбрость и пріобрѣсть награду за понесенные труды.» — Въ силу этого приказа всѣ полагали рѣшительно выждать здѣсь непріятеля. Мужество снова закипѣло въ сердцахъ Русскихъ солдатъ; другъ другу напоминали преданіе о Полтавской битвѣ, и всѣ готовы были на Двинѣ послѣдовать достохвальному примѣру предковъ.

Слухи носились, что на аванпосты непріятельскіе была подкинута съ нашей стороны прокламація къ Французскимъ и Нѣмецкимъ войскамъ. Первымъ представляли, что они суть слѣпыя орудія неограниченнаго и ненасытнаго честолюбца, а вторымъ объясняли униженіе, которому они подвергались служа утѣснителю ихъ отечества. Если подлинно была выпущена отъ насъ такая прокламація, какъ одно изъ средствъ, вредящихъ непріятелю развращеніемъ нравственности солдатъ, то едва-ли она могла быть тогда дѣйствительною. Французы были ослѣплены славою Наполеона, доколѣ орлы его влекли за

собою побѣду; Нѣмцы-же столь были увѣрены въ неизмѣнности его могущества, и такъ сильно страшились мщенія, что не могли прельститься никакими предложеніями.

Между тѣмъ въ лагерѣ у насъ вездѣ служили благодарственные молебны о побѣдахъ Атамана Платова подъ гор. Миромъ, гдѣ онъ разбилъ Польскую кавалерію. Кто могъ проникнуть въ будущее, и предузнать тайны судебъ? Продолжительная ретирада, столь необычайная для Рускихъ, и воспоминаніе о безпрерывныхъ побѣдахъ Французовъ въ послѣднія кампаніи, невольно колебали твердость духа нашихъ солдатъ. Въ откровенныхъ бесѣдахъ ихъ часто вызывались незабвенныя имена Румянцова, Суворова. Во время службы церковной и молебствія, Русскіе солдаты, дотолѣ увѣренные въ своемъ мужествѣ, стояли въ унылонъ наклоненіи съ опущенными взорами, какъ будто признаваясь въ своемъ безсиліи, и въ упованіи единственно на помощь небесную, на силу сверхъестественную для защиты любезной родины. Среди печальной тишины и благоговѣйнаго служенія церковнаго, каждый молился съ усердіемъ; у многихъ навертывались въ глазахъ слезы.

Побѣды Матвѣя Ивановича Платова не

шолько радовали солдашъ, но и оживляли въ нихъ надежду на будущіе успѣхи. Они говорили между собою: Вошъ одинъ молодецъ, который еще бьешъ Французовъ по-Русски! — Надобно замѣтишь, что солдашы, въ знакъ особеннаго уваженія къ Ашаману Казаковъ, называли его не по фамиліи, а всегда по имени и отчеству.

Въ Двинскомъ лагерѣ доходили до насъ вѣсши, что Французская армія уже шерпишъ во всемъ большой недосташокъ. Точно, идучи слѣдомъ за нами, она долженсшвовала нуждашься въ продовольствіи. Страна, оставляемая нами, была нарочно опустошаема, чтобы затруднить существованіе непріятелей: густую, высокую зелень разнаго рода яроваго и озимаго хлѣба, наливавшагося въ тучные колосья, мы топтали безъ всякой жалости. Пѣхота наша, идучи всегда по обѣ стороны дороги въ дивизіонныхъ колоннахъ, оставляла по себѣ широкій слѣдъ помятой, мертвой зелени: за войскомъ простирались полосы ея, какъ-бы выжженныя ужаснымъ бѣгомъ молніи. Земля отъ дождей и росы была всегда влажна и вредна для здоровья непривычныхъ еще къ бивачной жизни солдатъ; изъ пустыхъ селеній солома съ крышь была разносима въ лагери; заборы, двери, ставни разбирались на дрова; осталь-

ное, по выходѣ войскъ, сожигали Казаки, и непріятель по слѣдамъ нашимъ вездѣ находилъ опустошеніе. Дороги и плотины были повреждаемы; болотныя, низкія мѣста наводнялись дождями. Все это много препятствовало движенію непріятельскихъ войскъ, особенно артиллеріи и обозамъ. Однимъ словомъ, природа, въ лучшее время года безпорядкомъ стихій, благопріятствовала намъ ко вреду непріятелей.

Въ такихъ обстоятельствахъ, наши люди и лошади переносили болѣе, родившись въ свойственномъ климатѣ, и привыкнувъ къ грубой жизни. Напротивъ того нѣжные Французы, Нѣмцы, Итальянцы должны были чувствовать, что зашли въ страну своей гибели. Для нашихъ солдатъ несносенъ былъ только лѣтній зной. Въ продолженіе большихъ переходовъ, подъ тяжестію ранцевъ и киверовъ, въ суконной толстой одеждѣ, молодые солдаты скоро уставали; при всякой лужицѣ они съ манерками бросались черпать теплую, грязную воду, которую пили съ жадностію, никогда не утоляя жажды; наконецъ, изнеможенные, отставали отъ полковъ своихъ, заходили въ сторону, и гдѣ нибудь завалившись для отдыха, попадались въ руки непріятелю. Хотя арріергардъ обязанъ былъ всегда подбирать усталыхъ, но въ

разныхъ обстоятельствахъ, по невозможности исполнять это, въ продолженіе ретирады таковая потеря должна быть не малозначуща въ нашей арміи.

Съ 27 Іюня по 2 Іюля мы благополучно отдыхали въ Двинскомъ лагерѣ. О движеніи непріятеля не было никакихъ слуховъ, и войски ободрились, полагая, что Французы, истощенные переходами, уже поравнялись съ нами въ силахъ, и не смѣютъ нападать на насъ въ укрѣпленіяхъ. Благодаря попеченіямъ Правительства, мы не терпѣли никакого недостатка: войски получали мясную и винную порцію, лошади овесъ, маркитанты снабжали офицеровъ чаемъ, сахаромъ и винами. Вечернія зори всегда отходили парадно съ музыкою. Солдаты выстроили себѣ хорошіе балаганы, въ которыхъ и офицеры имѣли довольно простора. Веселое товарищество сослуживцевъ развлекало предстоящее горе объ опасности отечеству. Дни отдыха были ясные, ночи прохладныя. Валяясь подъ бурками и любуясь звѣздами вечерняго неба, мы засыпали въ спокойной безпечности; только часовые вокругъ лагеря протяжными отзывами на разныхъ голосахъ иногда будили насъ, и этой дикою гармоніею напоминали — о войнѣ бѣдственной.

ГЛАВА III.

ОТЪ ДВИНЫ ДО СМОЛЕНСКА.

Переправа черезъ Двину. — Переходъ черезъ Полоцкъ. — Ночлегъ въ корчмѣ. — Армія при Витебскѣ. — Сраженіе при Островно. — Операція надъ раненымъ. — Отступленіе отъ Витебска. — Биваки у Порѣчья. — Армія у Смоленска. — Разныя извѣстія. — Военное замѣчаніе.

Тщетно ожидали мы Наполеона. Казалось, онъ съ своими войсками также покоился; но если-бы продолжалъ безпрерывно движеніе внутренняго разобщенія къ Витебску, то могъ-бы успѣть прежде насъ занять этотъ городъ, и заставить первую армію описывать дальнѣйшій кругъ пути, для соединенія со второю. — Въ ожиданіи Наполеона, мы узнали, что колонны его взяли направленіе мимо насъ къ Полоцку; тогда и намъ надлежало оставить укрѣпленія Двинскаго лагеря, чтобы поспѣшить для соединенія со второю арміею въ Витебскѣ, куда, полагали, она прибудетъ непремѣнно.

2 Іюля, войски первой арміи стали переправляться чрезъ Двину: пѣхота по двумъ понтоннымъ мостамъ, артиллерія по плашкотамъ. Всѣ три моста находились подъ защитою большаго тетъ-де-понъ. Переправа произведена съ надлежащимъ порядкомъ; только на противномъ берегу, отъ скопившихся во множествѣ обозовъ, тѣсно было пробираться; сверхъ того глубокій песокъ, между сосновымъ лѣсомъ, не мало затруднялъ движеніе. Подъ выстрѣлами и въ виду непріятеля на такой переправѣ не обошлось-бы безъ потери; но мы перешли благополучно.

4-й Пѣхотный Корпусъ, вмѣстѣ съ своимъ спутникомъ, 3-мъ Корпусомъ, въ день переправы черезъ Двину, перешелъ по ту сторону черезъ лѣсъ, песчаною дорогою, только до деревни Юстиновой.

На другой день первая армія, исключая Корпуса Графа Витгенштейна, оставленнаго для защиты С. Петербургской дороги, двинулась вверхъ по Двинѣ двумя колоннами: лѣвая состояла изъ 2-го и 5-го Пѣхотныхъ Корпусовъ, а наша правая изъ 3-го и 4-го. Отъ непріятелей мы отдѣлялись Двиною, и сего числа близъ сел. Прудники бивакировали въ боевомъ порядкѣ.

6 Іюля, въ полдень переходили мы По-

лицы. Большія каменныя строенія обращали на себя вниманіе проходящихъ. Жителей не было видно; рѣдко гдѣ кто показывался; повсюду унылая пустота. Только слышенъ былъ стукъ отъ проходящей артиллеріи; ржаніе коней, и вполголосный говоръ солдатъ, шедшихъ въ густыхъ колоннахъ. Идучи при своихъ пушкахъ, я вслушался въ разговоръ между кононерами. Одинъ говорилъ: — Видно у него большая сила, проклятаго; смотри, пожалуй, сколько отдали даромъ, почти всю старую Польшу; вотъ и этотъ городъ ему-же достанется. — «Еще увидимъ, сказалъ другой, можетъ, его нарочно такъ далеко заводятъ.» — «Нарочно, или нѣтъ, а все это что-то небывалое. Слыханное ли дѣло, чтобы безъ драки уходить такъ далеко, и отдавать то что наше, даромъ! Вѣдь Поляки теперь всѣ соберутся за нами, и пристанутъ къ нему; анъ войска-та у него втрое прибавится.:..» — «Толкуй!» отвѣчалъ старый бомбардиръ. «Видно тебя не спросили, что пошли!»... — Прочіе засмѣялись. Между тѣмъ, по ту сторону пушекъ я замѣтилъ подошедшаго къ зарядному ящику гражданина въ синемъ сюртукѣ, который въ полголоса спрашивалъ у ѣздоваго: «Послушай, сколько въ ящикѣ зарядовъ?» — Тебѣ на что? » отвѣ-

чалъ этотъ грубо. — «Это шпіонъ! вскричалъ я, держи! лови его!» — Канонеры бросились за нимъ, но онъ шмыгнулъ въ переулокъ, и пропалъ. . . . . .

За городомъ, прошедъ версты три, мы остановились на биваки въ боевомъ порядкѣ: пѣхота въ двѣ линіи, артиллерія на флангахъ и между полками. Съ нашею колонною слѣдовала квартира Главнокомандующаго. . . . .

Въ слѣдующій день мы расположились биваками за сел. Островлянами, надъ Двиною. Земная природа являлась тогда во всей полнотѣ своихъ прелестей. Заходящее солнце золотило пригорки и деревья; свѣтлыя воды Двины, отражая въ себѣ лазурь небесную, спокойно протекали между возвышенными берегами, и свѣжестію прохлады привлекали къ струямъ своимъ; деревья съ густою, яркою зеленью, отъ тяжести листьевъ нагибались вѣтвями къ водѣ и, казалось, пили живительную влагу; носившееся въ воздухѣ благоуханіе цвѣтовъ пріятно услаждало обоняніе. Отдалившись отъ лагеря, уединенно для прогулки, я зашелъ на берегъ, развалился на зелени, и надъ водою, въ тишинѣ любовался природою. Сантиментальность моя растрогалась; я устремилъ взоры на отдаленный берегъ и погрузился въ романическую меч-

тательность. Видя птичекъ, которыя, гоняясь однѣ за другими, прятались въ кустарникъ, говорилъ я самъ себѣ: Природа дышитъ любовью и разсыпаетъ свои дары для наслажденія человѣку, а онъ къ чему стремится? къ истребленію себѣ подобныхъ, къ разрушенію общественнаго благосостоянія .... Неизвѣстная грусть давила мое сердце, мой духъ отдѣлился отъ враждебнаго міра людей, и носился въ прелестной области фантазіи; воображеніе рисовало мнѣ очаровательный садъ; я слышалъ звукъ арфы и нѣжный голосъ пѣвицы; вдали на берегу видѣлъ рѣзвыхъ Нимфъ, играющихъ цвѣтами .... и веселый хохотъ ихъ разносился эхомъ .... Но что это? — Увы! это артельщики съ гремящими котлами, шедшіе черпать воду для своей кашицы! — Простите милые призраки фантазіи; я вспомнилъ о своей печальной существенности, вздохнулъ — и пошелъ на биваки.

10 Іюля перешли мы за Старое Село. Нашей артиллеріи досталось стоять близъ корчмы. Пошелъ сильный дождь, и мы, не имѣя палатокъ, побѣжали подъ защиту Жидовскаго жилища; но оно было заперто. Принесли топоры — и внутренность храма отверзлась передъ нами. Радуясь пристанищу, мы расположились въ пустой

корчмѣ, какъ не льзя лучше. Каждый занялъ себѣ уголокъ, кто на лавкѣ, кто на печкѣ, кто въ Жидовской спальнѣ. Принесли сѣна, разостлали ковры — такой доброй квартиры у насъ не было отъ самой Вильны, а биваки уже надоѣли. Принесли самоваръ; сѣли въ кружекъ, закурили табачекъ, напились чаю, обсушились, развеселились. Тутъ кто во что гораздъ: одинъ забавникъ гдѣ-то открылъ старый гардеробъ Жидовскій, нарядился, и представилъ намъ Еврея на молитвѣ; другой нарядился Жидовкой — и прелестничалъ. Мы хохотали. Но эта площадная фарса скоро наскучила важнымъ командирамъ; они разочаровали Жида и Жидовку. Явилась другая, милѣйшая сцена. Передъ походомъ поступилъ къ намъ въ бригаду молодой лекарь, который для услажденія сердца везъ съ собою молодую, прекрасную супругу, сантиментальную Нѣмочку. Видѣть на походѣ красавицу, есть что-то особенно привлекательное для холостыхъ и женатыхъ, ибо одинъ взглядъ ея возжигаетъ — животный магнетизмъ. Бѣдный лекарь въ дождливую погоду не зналъ куда дѣваться съ милою подругою; кромѣ брички онъ ничего не имѣлъ, но вѣчно жить въ бричкѣ — въ такой тѣснотѣ — хоть кому наскучитъ. Мы вспомнили о

красавицѣ, и, для сохраненія ея здоровья, предложили лекарю на время укрыться отъ непогоды съ нами, въ собраніи честныхъ кавалеровъ. Скромность и стыдливость колебали даму принять предложеніе; однако необходимость отдохновенія подъ какимъ-либо сухимъ кровомъ, превозмогла ея робость: супруги перешептались между собою, взялись за руки, и, казалось, условились не разлучаться, разумѣя у насъ какую-то для себя опасность. Они вошли, и сѣли вмѣстѣ. Ей поднесли чаю, а лекарю пуншу — стаканъ за стаканомъ; начались вопросы, отвѣты, шутки — лекаря оттерли отъ подруги и усыпили. Тутъ (однакожъ не то, что вы думаете, любезный читатель) вся молодежь стала увиваться около улыбающейся, румяной Нѣмочки, какъ шмели около розы... иные вздыхали, иные были внѣ себя отъ какого-то магнетическаго или гальваническаго дѣйствія взоровъ красавицы.... Развязка была-бы любопытна, но вдругъ принесли кастрюлю съ кашицею, и сковороды съ биткомъ. Тогда отъ идеальнаго перешли къ матеріяльному; сѣли обѣдать— при захожденіи солнца. Супный ароматъ защекоталъ обоняніе спящаго лекаря, звонъ жестяныхъ тарелокъ и ложекъ коснулся его слуха; онъ проснулся, вспомнилъ

12 верстахъ отъ Витебска. Нашъ авангардъ былъ уже въ дѣйствіи. Лейбъ-Гусары у корчмы сняли пикетъ Французовъ, и столько ободрились успѣхомъ, что бросились съ 6-ю конными орудіями преслѣдовать бѣгущихъ; но Французы этого ожидали; они въ превосходныхъ силахъ напали на Гусаровъ, порубили, погнали ихъ и отняли всѣ 6 пушекъ. Нѣжинскій Драгунскій полкъ подоспѣлъ на помощь Гусарамъ, а Сумской и 1-й Егерскій полки удержали дальнѣйшій натискъ непріятеля.

Мы приближались къ мѣсту сраженія, и видѣли возвращавшихся Лейбъ Гусаровъ въ красивыхъ мундирахъ, подъ киверами съ Императорскимъ гербомъ, на статныхъ сѣрыхъ лошадяхъ; они ѣхали шагомъ, съ опущенными поводами, покрытые пылью, иной съ перевязанною рукою, другой съ окровавленнымъ лицомъ. Сколько эти раненые возбуждали въ насъ сострадавія, столько, напротивъ, утѣшительно было видѣть раненыхъ Французовъ, которыхъ тутъ-же, человѣкъ шесть, гнали въ плѣнъ Нѣжинскаго полка Драгуны. Я съ любопытствомъ разсматривалъ страшныхъ враговъ: въ синихъ и красныхъ панталонахъ, они шли безъ мундировъ; на затылкахъ у нихъ висѣли толстые пучки съ плетешками подъ саломъ; люди были

рослые, здоровые — драгуны. Шапкая походка ихъ обнаруживала усталость; потъ, мѣшаясь съ пылью, обезображивалъ лица. У иныхъ щеки были порублены и покрыты запекшеюся кровію; у другихъ разсѣчены руки; однако всѣ они смотрѣли бодро и безъ унынія.

Чѣмъ ближе подходили мы къ мѣсту сраженія, по аллеѣ большой дороги, тѣмъ сильнѣе были слышны пушечные выстрѣлы. Не доходя до мѣста съ версту, остановились: велѣно приготовиться. Пѣхотинцы стали заряжать ружья и зазвенѣли шомполами; артиллеристы наполнили сумы зарядами, офицеры обнажили шпаги. Уже по дорогѣ валялись каски нашихъ драгуновъ, изломанные палаши и мундирные лоскуты; уже мимо насъ часто стали проходить раненые, окровавленные и хромающіе егери — но убитыхъ еще не было видно. Явленіе близкаго сраженія, первый разъ въ жизни, меня очень занимало. Я не могъ еще составить себѣ яснаго понятія о битвахъ; мнѣ казалось, что всѣ сходящіеся должны непремѣнно погибнуть, что каждое ядро или каждая пуля убьетъ или ранитъ человѣка, а потому полагалъ навѣрное, что врядъ-ли и мнѣ уцѣлѣть. По крайней мѣрѣ, видя какъ всѣ идутъ отважно умирать, мнѣ ничего

о женѣ, бросился къ ней, и вотъ — съ улыбкою удовольствія они опять сидятъ вмѣстѣ, и вмѣстѣ изъ одной тарелки кушаютъ Русскій супъ.

Такимъ образомъ нашли мы въ корчмѣ доброе пристанище, сухой ночлегъ, веселую бесѣду, насмѣялись досыта, и понѣжились передъ красавицею; потомъ проспали ночь видя пріятные сны.

На другой день, къ вечеру, три Пѣхотные Корпуса первой арміи, 3-й, 4-й и 5-й, съ однимъ Кавалерійскимъ, перешли на лѣвый берегъ Двины за Витебскъ, и расположились въ боевомъ порядкѣ близъ р. Лучесны, на равнинѣ, противъ дороги къ г. Бабиновичи. Солдаты стали веселѣе, когда перешли по сю сторону Двины, и, построившись въ боевой порядокъ, думали встрѣтить непріятеля; каждый горѣлъ нетерпѣніемъ сразиться, и удостовѣрить Французовъ, что мы уходили отъ нихъ не побѣжденные. Представляя себѣ опасность, которой подвергалось отечество, никто не думалъ о собственной жизни, но каждый желалъ умереть, или омыть въ крови враговъ униженіе, нанесенное Русскому оружію безконечною ретирадою.

Сближеніе съ непріятелемъ готовило жестокую битву. Солдаты думали не сегодня такъ завтра вступить въ бой. Уже

пронеслись пріятныя вѣсти, что, для почина, Лейбъ-Гвардіи Уланскаго полка одинъ Корнетъ, во время разъѣзда отъ праваго фланга арміи, съ своимъ взводомъ напалъ на пикетъ красныхъ Улановъ Французскихъ, и, порубивъ нѣсколько, взялъ 30 человѣкъ въ плѣнъ.

13 Іюля, съ 2 часовъ по полуночи, до свѣта приказано было нашему 4-му Корпусу, въ которомъ считалось тогда не болѣе 8000 подъ ружьемъ, двинуться по лѣвому берегу Двины на встрѣчу непріятелю, по дорогѣ къ м. Островно. Къ сему корпусу причислили еще Драгунскую дивизію, Лейбъ-Гвардіи и Сумской Гусарскіе полки, и роту конной артиллеріи. Всего въ отрядѣ было до 11,000 человѣкъ, подъ начальствомъ Графа Остермана-Толстаго.

Главнокомандующій намѣренъ былъ удержать съ этой стороны стремленіе непріятеля, для безпрепятственнаго соединенія своей арміи со второю, и въ ожиданіи оной расположился, по видимому, дать генеральное сраженіе.

Съ разсвѣтомъ дня мы тронулись изъ лагеря. Солдаты крестились для добраго начала, и шли съ твердостію. Только что вышли мы на Островскую дорогу, какъ услышали пушечные выстрѣлы въ

42 верстахъ отъ Витебска. Нашъ авангардъ былъ уже въ дѣйствіи. Лейбъ-Гусары у корчмы сняли пикетъ Французовъ, и столько ободрились успѣхомъ, что бросились съ 6-ю конными орудіями преслѣдовать бѣгущихъ; но Французы этого ожидали; они въ превосходныхъ силахъ напали на Гусаровъ, порубили, погнали ихъ и отняли всѣ 6 пушекъ. Нѣжинскій Драгунскій полкъ подоспѣлъ на помощь Гусарамъ, а Сумской и 1-й Егерскій полки удержали дальнѣйшій натискъ непріятеля.

Мы приближались къ мѣсту сраженія, и видѣли возвращавшихся Лейбъ Гусаровъ въ красивыхъ мундирахъ, подъ киверами съ Императорскимъ гербомъ, на статныхъ сѣрыхъ лошадяхъ; они ѣхали шагомъ, съ опущенными поводами, покрытые пылью, иной съ перевязанною рукою, другой съ окровавленнымъ лицомъ. Сколько эти раненые возбуждали въ насъ состраданія, столько, напротивъ, утѣшительно было видѣть раненыхъ Французовъ, которыхъ тутъ-же, человѣкъ шесть, гнали въ плѣнъ Нѣжинскаго полка Драгуны. Я съ любопытствомъ разсматривалъ страшныхъ враговъ: въ синихъ и красныхъ панталонахъ, они шли безъ мундировъ; на затылкахъ у нихъ висѣли толстые пучки съ плетешками подъ саломъ; люди были

рослые, здоровые — драгуны. Шаткая походка ихъ обнаруживала усталость; потъ, мѣшаясь съ пылью, обезображивалъ лица. У иныхъ щеки были порублены и покрыты запекшеюся кровію; у другихъ разсѣчены руки; однако всѣ они смотрѣли бодро и безъ унынія.

Чѣмъ ближе подходили мы къ мѣсту сраженія, по аллеѣ большой дороги, тѣмъ сильнѣе были слышны пушечные выстрѣлы. Не доходя до мѣста съ версту, остановились: велѣно приготовиться. Пѣхотинцы стали заряжать ружья и зазвенѣли шомполами; артиллеристы наполнили сумы зарядами, офицеры обнажили шпаги. Уже по дорогѣ валялись каски нашихъ драгуновъ, изломанные палаши и мундирные лоскуты; уже мимо насъ часто стали проходить раненые, окровавленные и хромающіе егери — но убитыхъ еще не было видно. Явленіе близкаго сраженія, первый разъ въ жизни, меня очень занимало. Я не могъ еще составить себѣ яснаго понятія о битвахъ; мнѣ казалось, что всѣ сходящіеся должны непремѣнно погибнуть, что каждое ядро или каждая пуля убьетъ или ранитъ человѣка, а потому полагалъ навѣрное, что врядъ-ли и мнѣ уцѣлѣть. По крайней мѣрѣ, видя какъ всѣ идутъ отважно умирать, мнѣ ничего

инаго не оставалось, какъ слѣдовать ихъ примѣру. Въ такомъ раздумьѣ сидѣлъ я на лафетѣ своей пушки и разсматривалъ съ большимъ вниманіемъ все происходящее. Бригадный командиръ нашей артиллеріи, проходя мимо, увидѣлъ меня спокойно сидящимъ на лафетѣ, и сказалъ: « Отдыхай, братъ, скоро начнется работа. » — Это были послѣднія слова его, ибо едва онъ показался на мѣсто сраженія, какъ вдругъ ядро непріятельское ударило его въ грудь, и, пролетѣвши насквозь, растопило вмѣстѣ съ сердцемъ червонцы, которые находились у него въ боковомъ карманѣ.

Солдаты приготовились къ бою и смѣло пошли на встрѣчу смерти, которой, казалось, съ нетерпѣніемъ ожидали. Наша рота артиллеріи шла между Кексгольмскимъ и Перновскимъ полками 11-й дивизіи; начальникъ оной, Генералъ Бахметьевъ 1-й, и Бригадный Генералъ Чоглоковъ, ѣхали впереди; за нами шла вторая бригада той-же дивизіи, Елецкій и Полоцкій полки; потомъ 23-я дивизія Генерала Бахметьева 2-го; пѣхота въ сомкнутыхъ дивизіонныхъ колоннахъ шла впередъ довольно скоро. — Уже начали визжать надъ нашими головами убійственныя ядра и вырывать ряды; пѣхота побѣжала впередъ, артиллерія рысью; стрѣлки разсыпались по кустар-

никамъ, батареи построились — и началась потѣха.

Десять орудій 3-й легкой роты нашей повернули на мѣстѣ сраженія вправо съ дороги, и тутъ-же выстроившись, начали дѣйствовать; непріятельскія батареи съ трехъ сторонъ сбивали наши орудія: ядра прыгали всюду, какъ зайцы. На дорогѣ лежали убитые солдаты: у одного голова оторвана, у другаго вырванъ животъ, третій лежалъ безъ ногъ.... Сердце содрогалось отъ такихъ предметовъ. Непріятное чувство овладѣло мною, глаза помрачались, колѣна сгибались.... Я оставался еще съ двумя пушками на дорогѣ безъ дѣйствія, но вотъ Свитскій Полковникъ подъѣхалъ ко мнѣ и велѣлъ стать по лѣвую сторону аллеи, указавши тамъ на небольшое возвышеніе. Тогда я очнулся отъ онѣмѣнія, въ которомъ нѣсколько минутъ находился. Между тѣмъ Кексгольмскій и Перновскій полки пошли съ дороги, одинъ вправо, другой влѣво; оба развились фронтомъ по опушкѣ лѣса, для подкрѣпленія находившихся впереди стрѣлковъ и для прикрытія артиллеріи; къ Перновскому полку на лѣвомъ флангѣ пристроился въ линію Елецкій полкъ.—Смертоносная канонада съ обѣихъ сторонъ усилилась.

Старые воины замѣчаютъ, что страхъ тревожитъ сердце молодаго солдата только до вступленія въ сраженіе, когда еще вниманіе его на свободѣ занимается окружающими ужасами смерти, которые производятъ въ немъ непріятное впечатлѣніе; но когда онъ вступилъ въ битву, страхъ заглушается ожесточеніемъ. Солдатъ, жертвуя тогда собою, дѣлается самъ дѣйствующимъ лицемъ, и смерть перестаетъ пугать его; сердце заливается кровію, онъ презираетъ опасность, и дѣлается какъ будто безчувственнымъ. Тутъ человѣкъ выходитъ изъ сферы обыкновеннаго существа своего: физическій организмъ его раздражается, и всѣ способности души дѣлаются напряженными. — Я находился въ такомъ положеніи, когда началъ съ пушками выстроиваться на показанномъ мѣстѣ. Вдругъ засвистѣли мимо меня ядра: одно ударило въ коннаго артиллериста, а другое оторвало ноги у канонера съ зарядною сумою; онъ упалъ передо мною, и жалобно вскричалъ: «Ваше Благородіе! спасите!» При видѣ убитыхъ передъ этимъ я содрогался, но теперь былъ безжалостенъ, и велѣлъ только оттащить его въ сторону, чтобы не мѣшалъ стрѣлять намъ.

Двѣ пушки мои стали противъ трехъ

еипріятельскихъ, и объ, наведенныя мною а одну противную, съ первыхъ выстрѣловъ рикошетомъ подбили ее; солдаты увидѣвши что Французы свозятъ подбитую пушку, отъ радости крикнули: Ура! оравнявшись въ числѣ орудій, мы начали одчивать другъ друга съ равнымъ успѣомъ. Ядра непріятельскія, ударяя вблизи оихъ пушекъ, засыпали насъ землею, а ранаты разрывались на воздухѣ съ адкимъ визгомъ. Замѣтивъ, что Французы прѣляютъ по моимъ пушкамъ довольно ѣльно, и убили еще одного кононера, я одвинулся шаговъ на десять впередъ; тода большая часть смертоносныхъ ядеръ пали перелетать черезъ меня; но за то ли вырывали ряды изъ стоявшей позади ѣхоты. Вмѣсто одного подбитаго орудія, ранцузы противъ моихъ двухъ выставили еще два, и стали крѣпко жарить по нѣ изъ четырехъ. Между оглушительымъ стукомъ пушечныхъ выстрѣловъ, иороховымъ дымомъ, вниманіе мое развлелось. Непріятельскія ядра жестоко би стоявшую позади меня пѣхоту; тогда самъ вздумалъ обратить свои выстрѣлы непріятельскія колонны, которыя въ ю время стали двигаться впередъ по лытой дорогѣ. Кононеры, повернувъ пуш вправо, пустили рикошетомъ такъ

удачно, что содѣйствіемъ своихъ выстрѣловъ съ среднею батареею произвели замѣшательство въ непріятельской пѣхотѣ, которая не пошла далѣе. Генералъ Чоглоковъ, стоявшій тутъ-же передъ линіею, замѣтилъ это, и подозвавъ меня, благодарилъ за удачное дѣйствіе артиллеріи. Ободренный, я усерднѣе приступилъ къ пушкамъ, какъ вдругъ канонеры закричали: «Ваше Благородіе! Кавалерія! — смотрите, въ кустахъ близко!» Точно, я увидѣлъ впереди линію красныхъ Гусаровъ, приближавшихся рысью, и до половины видныхъ изъ-за кустовъ; тотчасъ велѣлъ зарядить картечью, но вдругъ непріятельское ядро ударило въ колесо моей пушки, и она сѣла на бокъ; ее потащили назадъ. Между тѣмъ подскакалъ ко мнѣ Елецкаго полка Маіоръ Тишинъ, и просилъ, чтобы я поспѣшилъ съ оставшеюся пушкою на лѣвый флангъ линіи, гдѣ ничего не было для подкрѣпленія противъ кавалеріи. Это случилось въ то самое время, какъ Французскій Генералъ Орнано съ легкою кавалеріею повелъ атаку по обѣимъ сторонамъ дороги на нашу линію. Я съ пушкою побѣжалъ за Маіоромъ. Впереди по кустарникамъ засѣвшіе стрѣлки наши старались удержаться, но красные Гусары ихъ окружали; егери отстрѣлива-

лась во всѣ стороны, сбѣгались въ кучку. Только успѣлъ я съ пушкою въѣхать въ линію пѣхоты, какъ вижу, эскадронъ храбрыхъ Французскихъ гусаровъ завернулъ правое плечо впередъ, и съ саблями бросился на стрѣлковъ нашихъ; вдругъ пѣхота изъ линіи пустила батальный огонь, я ударилъ картечью, и весь этотъ эскадронъ разсыпался: многіе попадали съ лошадей, другіе бросились назадъ, и стрѣлки наши были спасены. Такимъ образомъ первая атака Французовъ была неудачна.

Между тѣмъ мои артиллеристы простреѣлялись зарядами. Я взялъ отъ ящика лошадь и поскакалъ черезъ дорогу отыскивать ротнаго командира, чтобы попросить у него пушку и зарядовъ. Но въ какомъ положеніи представилась мнѣ наша артиллерія по правую сторону дороги! Нѣсколько пушекъ лежало подбитыхъ или опрокинутыхъ; между ними валялись убитые канонеры и лошади. Составляя центральную батарею, наша рота была пронзаема непріятельскими выстрѣлами съ трехъ сторонъ, потомъ Французская кавалерія пролетѣла сквозь картечь всей батареи, ворвалась между орудіями, порубила канонеровъ, схватила въ плѣнъ офицера, и чуть не увезла двухъ пушекъ; но Кексгольмскій полкъ такъ-же хорошо от-

билъ отсюда Французовъ, какъ Елецкій и Перновскій на лѣвомъ флангѣ. — Подполковника своего я нашелъ въ большихъ суетахъ. Увидѣвши меня, онъ спросилъ: «Ты еще живъ?» — Какъ видите, только дайте мнѣ пушку и зарядовъ. — «Чего, братецъ!» продолжалъ онъ: «у меня вся рота разбита; Горяинова взяли въ плѣнъ, Шлиппенбаху и Брайко отбили ноги (*)....» Подполковникъ подъѣхалъ тогда къ Графу Остерману, и сталъ докладывать ему, что на его батареѣ много убитыхъ канонеровъ, и есть поврежденныя пушки, которыя не могутъ дѣйствовать. «Какъ прикажете, Ваше Сіятельство?» — Графъ, нюхая табакъ, отвѣчалъ отрывисто: *Стрѣлять изъ тѣхъ, какія остались.* — Съ другой стороны кто-то докладывалъ Графу, что въ пѣхотѣ много бьютъ ядрами людей, не прикажетъ-ли отодвинуться? — «*Стоять и умирать*!» отвѣчалъ Графъ рѣшительно. Еще третій Адъютантъ подъѣхалъ и хотѣлъ Графу что-то говорить, какъ вдругъ ядро оторвало у него руку и пролетѣло мимо Графа. Офицеръ свалился на лошадь, которая замялась. «*Возьмите его*!» сказалъ Графъ, и повернулъ свою лошадь. Такое непоколеби-

---

(*) Три ротные офицера.

мое присутствіе духа въ начальникѣ, въ то время какъ всѣхъ бьютъ вокругъ него, было истинно по характеру Рускаго, ожесточеннаго бѣдствіемъ отечества. Смотря на него, всѣ скрѣпились сердцемъ и разъѣхались по мѣстамъ, умирать.

Я отыскалъ зарядный ящикъ, привезъ его къ своей пушкѣ, и опять принялся за работу. Въ помощь мнѣ прислали съ однимъ Прапорщикомъ два батарейныя орудія, и мы стали смѣло огрызаться отъ усиленной непріятельской батареи.

Канонада возобновилась по всей линіи съ большимъ ожесточеніемъ. По нашей упорности, Французы, конечно, думали, что мы подкрѣпляемы были значительными силами, скрывавшимися за лѣсомъ, передъ которымъ стояли войски по обѣимъ сторонамъ дороги. Генералы ихъ, чтобъ лучше высмотрѣть насъ, выѣхали съ дороги впередъ, противъ лѣваго фланга. Я тотчасъ велѣлъ повернуть на нихъ пушку, при чемъ артиллеристы такъ удачно навели, что ядро ударило прямо въ кучу генераловъ и разсыпало ихъ; тогда нѣсколько нашихъ штабъ-офицеровъ подъѣхали къ пушкѣ и похвалили канонеровъ. Мнѣ пріятно было видѣть вредъ, наносимый непріятелю моими пушками: конечно, только въ одномъ этомъ случаѣ

позволительно радоваться злу, причиняемому людямъ, сдѣлавшимся волею или неволею нашими врагами. Я еще навелъ съ усердіемъ, и отошелъ, чтобы видѣть удачу прицѣла, какъ вдругъ изъ непріятельской пушки, среди густаго дыма, показалось противъ меня ядро, въ видѣ черной точки. Это былъ ударъ смерти, но внутреннее чувство спасенія или инстинктъ толкнулъ меня опять къ пушкѣ; однако я упалъ: ядро меня сшибло. Солдаты подбѣжали и, положивъ меня на ружья, отнесли за линію. Я думалъ, что мнѣ оторвало ноги, и не смѣлъ взглянуть на нихъ. Едва мои носильщики вошли въ лѣсъ, какъ вдругъ открылась по линіи еще разъ ужасная ружейная стрѣльба противъ непріятельской кавалеріи; несшіе меня солдаты, полагая видѣть близко Французовъ, оставили меня въ лѣсу, и сами возвратились на свое мѣсто.

Я чувствовалъ, что правая нога у меня была въ ступени разбита, а на лѣвую могъ ступить. Поднявши толстый сукъ для подпоры себѣ, я, кой-какъ, вышелъ на дорогу. Тутъ увидѣлъ страшную суматоху: пьяные уланы непріятельскіе прорвались по дорогѣ даже до обоза нашего, и надѣлавъ тамъ кутерьмы, сами большею частію остались жертвою своей дерзости,

не наіпедъ себѣ выхода. Мнѣ встрѣпился ползущій и раненый въ ногу спарый фейерверкеръ Осиповъ, копорый, увидѣвъ меня чушь передвигающагося изъ лѣса, вскричалъ почпи со слезами: «Ахъ! Ваше Благородіе! вы еще живы; а у насъ прокляпые Радзивиловскіе уланы всѣхъ порубили!» Опъ эпого добраго солдаша узналъ я, какъ пьяные уланы впоричнo перелепѣли черезъ каршечь нашей башареи, ворвались и рубили безъ разбора все, чпо попадалось: людей, лошадей, колеса, лафешы, даже царапали саблями пушки. «Они — говорилъ эпопъ солдашъ — шакъ безъ шолку махали, чпо фейерверкеръ Максимовъ сшибъ одного съ лошади прибойникомъ, ударивъ его по запылку.» Кексгольмскій и Перновскій полки впоричнo ошбили Французовъ и спасли нашу башарею. Фейерверкеру моему попала писполепная пуля въ ляшку, въ самую косшь. Я, оперпшись на свою дубину, помогъ ему, кой какъ, подняшься, и подалъ другой сукъ для подпоры; шогда вмѣсшѣ, ковыляя и охая, мы дошащились до своего обоза. Сраженіе продолжалось. Во время пупи я не смѣлъ взглянушь на свою правую ногу, и съ шрудомъ могъ волочишь ее; боль усиливалась и ломопа распросшранялась по всей ногѣ; я весь горѣлъ, какъ въ огнѣ.

Въ обозѣ случился нашъ бригадный казначей; онъ совѣтовалъ мнѣ скорѣе садиться на артиллерійскія дроги, которыя везутъ раненаго Тутолмина, Дивизіоннаго Адъютанта. У этого несчастнаго была оторвана правая рука выше локтя. Взмостившись на дроги, я рѣшился взглянуть на свою ногу, и съ удовольствіемъ увидѣлъ, что только задняя часть сапога у пятки была разбита, и прогорѣла, какъ отъ огня: ядро летѣло оторвать мнѣ ноги, но внутренній инстинктъ спасъ меня и ударъ коснулся только пятки правой ноги, прорвавши весь сапогъ. Ударъ былъ очень силенъ; я не могъ пошевелить ногою и держалъ ее согнувши. Тутолминъ, безъ руки, тяжеле меня раненый, лежалъ какъ полумертвый. Казначей разсказывалъ мнѣ, что Шлиппенбахъ и Брайко ранены въ ноги гранатными черепками, а старшій Поручикъ Горяиновъ взятъ въ плѣнъ.

Наша рота въ этомъ сраженіи потерпѣла значительный уронъ: канонеровъ было перебито человѣкъ до 60, и выброшено до 30 лошадей; у четырехъ пушекъ подбиты лафеты и колеса; одинъ офицеръ взятъ въ плѣнъ и трое ранено; она выдержала двѣ кавалерійскія атаки и непріятельскій перекрестный огонь изъ нѣсколькихъ батарей. Польскіе уланы, сфор-

мированные Князем Радзивиломъ, нанесли много вреда намъ; за то и самъ Князь во время атаки раненъ картечью въ ногу. — Когда еще до открытія кампаніи мы квартировали въ Несвижѣ, то Князь часто бывалъ у насъ, въ лагерѣ на практической стрѣльбѣ, при разбитіи городка, или на пирушкахъ у ротныхъ командировъ; даже передъ походомъ мы были у него два раза на великолѣпныхъ балахъ. Кто-бы подумалъ, что обстоятельства сведутъ насъ, сдѣлаютъ врагами, и заставятъ нанести другъ другу такой вредъ?

За это сраженіе, по представленію Графа Остермана, Главнокомандующій наградилъ насъ, кромѣ раненыхъ офицеровъ, первымъ военнымъ орденомъ Св. Анны 4-й степени на шпагу, а командира роты того-же ордена 2-й степени на шею.

Какъ думали, такъ и случилось. Первое сраженіе вышло горячее и упорное. Графъ Остерманъ-Толстой отразилъ мужественно непріятелей, и вознаградилъ тѣмъ первую неудачу своего авангарда; къ вечеру онъ отступилъ за лѣсъ.

Такимъ образомъ случилось, въ первой встрѣчѣ двухъ враждующихъ силъ, гвардейской кавалеріи нашего Императора рубиться съ такою-же кавалеріею Наполе-

она, 4-му Корпусу Русскихъ войскъ спрѣляться съ таковымъ-же Корпусомъ Французовъ, и Князю Радзивилу съ своими уланами бросаться на картечи нашей артиллеріи, которая гостила у него въ Несвижѣ. Странная встрѣча!

Дроги, на которыхъ я лежалъ съ Тутолминымъ, проѣхали мимо колоннъ 3-й пѣхотной дивизіи, стоявшей по сторонамъ дороги для подкрѣпленія Корпуса войскъ Графа Остермана. Изъ одного дома передъ городомъ выскочилъ слуга и спросилъ у меня: «Не прикажете-ли, сударь, вина?» — «Кто послалъ тебя?» — «Баринъ.» — «Благодари его; нѣкогда намъ пить вино теперь.» — Это угощеніе предлагаемо было всѣмъ раненымъ отъ добраго дворянина, который изъ сострраданія желалъ оказать послѣднюю услугу своимъ соотечественникамъ. Насъ привезли въ городъ, и положили въ одной комнатѣ, въ домѣ мѣщанина. У Тутолмина открылась горячка. Ввечеру пришли къ намъ городовые хирурги. У меня разрѣзали сапогъ и скинули его; пятка правой ноги моей оказалась вздутою, посинѣвшею и своротченною на сторону. Она горѣла, какъ въ огнѣ, и прикосновеніе къ ней причиняло нестерпимую боль; однако прохладительныя примочки утоляли воспаленіе. Насъ обо-

ихъ перевязали. Бѣдный Тутолминъ, изнуренный истеченіемъ крови и жизненныхъ соковъ, долженъ былъ пригошовишься къ страшной операціи: рука у него, оторванная выше локтя, и перевязка, сдѣланная въ полѣ наскоро, представляли хирургамъ необходимость сравнять кость, подобрать въ одинъ узелокъ жилки, однимъ словомъ— рѣзать. Они обнадежили насъ своимъ завтрашнимъ посѣщеніемъ, и тѣмъ навели безсонницу.

14 Іюля, между тѣмъ какъ Генералъ Коновницынъ отражалъ Французовъ на своей позиціи при корчмѣ Песчанкѣ, господа городовые хирурги, по обѣщанію, не замедлили явиться къ намъ — съ инструментами. Тогда показались они мнѣ страшнѣе Французской кавалеріи. Синій фракъ и пудреный парикъ главнѣйшаго Оператора съ длиннымъ носомъ, нѣсколько ночей сряду снились мнѣ ужасными привидѣніями. Хирурги обратились сперва къ Тутолмину, ободрили его, обласкали, дали какихъ-то капель, потомъ посадили на стулъ, и стали развязывать руку. Я съ постели своей устремилъ внимательные взоры на происходящее. Рѣзатели обмыли рану, изъ которой клочьями висѣло мясо и видѣнъ былъ острый кусокъ кости. Операторъ въ пудреномъ па-

рикѣ вынулъ изъ ящика кривой ножъ, засучилъ рукава по локоть, потомъ тихонько приблизился къ поврежденной рукѣ, схватилъ ее, и такъ ловко повернулъ ножемъ выше клочьевъ, что они мигомъ отпали. Тутолминъ вскрикнулъ и сталъ охать; хирурги заговорили, чтобы шумомъ своимъ заглушить его, и съ крючками въ рукахъ бросились ловить жилки изъ свѣжаго мяса руки; они ихъ вытянули и держали; между тѣмъ пудреный Операторъ сталъ пилить кость. Это причиняло, видно, ужасную боль: Тутолминъ вздрагивалъ, стоналъ, и, терпя мученіе, казался изнеможеннымъ до обморока; его часто вспрыскивали холодною водою, и давали ему нюхать спиртъ. Отпиливши кость, они подобрали жилки въ одинъ узелокъ, и затянули. отрѣзанное мѣсто натуральною кожею, которая для этого была оставлена и отворочена; потомъ зашили ее шелкомъ, приложили компрессъ, увязали руку бинтами — и тѣмъ кончилась операція. Тутолминъ легъ въ постель, какъ полумертвый.

Страшный Операторъ въ пудреномъ парикѣ, съ засученными рукавами, не оставляя криваго ножа обратился ко мнѣ, и, видно, разохотившись рѣзать, спросилъ: «Ну, какъ у васъ?» *Я* испугался, и за-

крывая ногу рукою, отвѣчалъ: — У меня хорошо-съ, мнѣ не надобно рѣзать. — «Посмотримъ, покажи!» Я не смѣлъ сопротивляться: моя скривленная пятка, раздувшись, была вся синяя и казалась охваченною Антоновымъ огнемъ. Хирурги въ очкахъ разсматривали ее со вниманіемъ, прикасались къ ней, заговорили между собою по-Латыни, и пудреный парикъ былъ въ нерѣшимости, рѣзать-ли ему мою ногу, или нѣтъ. Можетъ быть онъ думалъ, что у меня повреждена въ пяткѣ Ахиллесова жила. Признаюсь, въ такомъ положеніи, почтенный Операторъ, съ кривымъ ножемъ предъ моими глазами, былъ ужаснѣе Наполеона съ Французами. Въ его наморщенномъ челѣ я читалъ себѣ приговоръ жизни или смерти, потому что, по слабости своего здоровья, не надѣялся выдержать операціи. Къ счастію моему, приговоромъ общей Латыни кривой ножъ былъ отложенъ, и вынутъ маленькій перочинный — однако все не обошлось безъ рѣзанья. Меня повернули навзничь, схватили крѣпко мою ногу, и по распухшей пяткѣ вдругъ черкнули ножемъ. Я вскрикнулъ, и вмѣстѣ съ болью почувствовалъ облегченіе: изъ раны пошла густая кровь, которая, отъ удара скопившись подъ кожею, своею синетою казалась Антоновымъ ог-

немъ и тѣмъ привела въ сомнѣніе хирурговъ. Такимъ образомъ нога моя уцѣлѣла, бывши близка къ разлученію съ тѣломъ. Я очень обрадовался, когда меня оставили не изуродованнымъ; за то послѣ открылась сильная горячка, какъ необходимое послѣдствіе ранъ, отъ воспаленія крови.

Подъ утру, когда мы отдыхали, пришли къ намъ разные офицеры, знакомые и незнакомые; они разсказывали о дѣйствіи происходящаго сраженія. Всѣ радовались, что наши не уступаютъ Французамъ, и не смотря на великія силы ихъ, храбро отражаютъ нападенія.

Передъ вечеромъ, когда мы съ Тутолминымъ остались одни, вошелъ къ намъ мѣщанинъ, хозяинъ дома; побрякивая въ рукѣ рублевиками, онъ спросилъ: «Нѣтъ-ли у васъ, господа, серебреца? Я-бы вамъ далъ съ *промѣнтомъ* ассигнаціями, сколько угодно.» — «На что тебѣ?» — «Да вотъ, придутъ гости — отвѣчалъ онъ улыбаясь — чтобъ спасти душу и домишко, надобно чѣмъ нибудь отплатиться.» — «Хорошъ гусь! — сказалъ я. Онъ усмѣхнулся и вышелъ. Въ семьѣ не безъ урода.

15 Іюля войски нашей арміи стояли въ боевомъ порядкѣ на правой сторонѣ р. Лучесны, за городомъ, на открытыхъ воз-

вышеніяхъ; правый флангъ былъ прикрываемъ большою массою кавалеріи, а лѣвый упирался въ лѣсистыя высоты. По упорному сопротивленію Руских въ первые два дни, Наполеонъ могъ думать безошибочно, что нашъ Главнокомандующій намѣренъ тутъ состязаться съ нимъ воинскими талантами и счастіемъ; онъ могъ съ удовольствіемъ ожидать торжества, ибо, имѣя подъ рукою войска до 190,000, надѣялся нашихъ 90,000 смять и потопить въ Двинѣ. Главнокомандующій, казалось, готовъ былъ на отважное предпріятіе, въ ожиданіи, что армія Князя Багратіона будетъ ему содѣйствовать и наляжетъ на Французовъ съ тылу, въ то время какъ завяжется дѣло, и еще въ томъ соображеніи, что войски, нетерпѣливо желая сразиться, уже показали въ первые два дни опытъ своего ожесточенія и храбрости. Но вдругъ получено извѣстіе, что Князь Багратіонъ нашелъ Могилевъ занятымъ Французами, и не будучи въ состояніи овладѣть имъ, обратился чрезъ Старый Быховъ къ Рогачеву, чтобы тамъ, переправившись черезъ Днѣпръ окольною дорогою, соединиться съ первою арміею, хотя въ Смоленскѣ. Столь важное извѣстіе произвело тотчасъ всеобщее движеніе въ нашей арміи. Среди дня войски начали сни-

маться съ лагеря и проходить черезъ городъ. Французы, удаленные за пять верстъ отъ главныхъ силъ нашихъ, не могли замѣтить этого движенія, а если и замѣтили, то конечно приняли за обыкновенную перестановку войскъ для генеральнаго сраженія, и не ожидали чтобъ мы, показавши грозный видъ, отступили.

Въ этотъ день мы съ Тутолминымъ пролежали спокойно; намъ было легче, только діета привела насъ въ ослабленіе; приносимую намъ деньщиками Спартанскую похлебку мы не могли ѣсть съ аппетитомъ. У меня горячка начинала разыгрываться, но я могъ сидѣть у окна и смотрѣть на мимо проходящія войски; стукъ и шумъ отъ ретирующихся продолжался день и ночь; только на разсвѣтѣ слѣдующаго дня, мы съ Тутолминымъ могли уснуть немного.

Наполеонъ, конечно, удивился, и вмѣстѣ съ тѣмъ прогнѣвался, когда по утру 16 Іюля, не только Большой арміи нашей, но даже ни одного Казака не увидѣлъ предъ собою; путь для него былъ открытъ до города, и въ пустомъ городѣ — открытыя ворота. Только тяжело раненые и убитые встрѣчались его побѣдоносному войску, подходившему къ городу съ тріумфомъ. Въ продолженіе ночи, арріергардъ нашъ

умѣлъ искусно уйдти изъ виду непріятелей; Руские показали тутъ, что они научились также мастерски отступать, гдѣ это нужно, какъ и наступать.

По утру въ городѣ была отмѣнная тишина; ни въ домѣ нашемъ, ни на улицѣ не слышно никакого шума. Отъ скуки я поднялся съ постели, и, какъ день былъ ясный, то, протащившись, сѣлъ у открытаго окна: мнѣ въ голову не приходило, чтобы войски наши совершенно оставили городъ и Французы шли къ нему безпрепятственно. Вижу — проскакало нѣсколько Казаковъ; потомъ какой-то гражданскій чиновникъ, верхомъ, замѣтивъ мое блѣдное, изнеможенное лицо, подъѣхалъ къ окну и спросилъ торопливо: «Кто тутъ?» — Раненые, отвѣчалъ я. — «Какъ! васъ еще не убрали?...» и скрылся. Чрезъ пять минутъ явился онъ съ двумя крестьянскими тѣлежками, и велѣлъ намъ, какъ можно поспѣшнѣе садиться и ѣхать, потому что Французы уже у заставы города. — «Право? а наши гдѣ?» спросилъ я. — «Садитесь, садитесь....» и ускакалъ.

Съ помощію крестьянъ - погонщиковъ (деньщики наши спаслись заблаговременно) мы вышли и сѣли, каждый на свою тѣлежку, запряженную парою лошадей. На улицѣ не видно было ни души — повсюду

таинственная, ужасная тишина, прерываемая только стономъ раненыхъ, которые въ разномъ положеніи валялись на мостовой; между этими несчастными замѣтилъ я наиболѣе сѣрыхъ Сумскихъ гусаровъ и Егерей.

Здѣсь я разстался съ Тутолминымъ, и не знаю спасся-ли онъ, будучи не въ состояніи скоро ѣхать отъ чрезмѣрной боли въ рукѣ, причиняемой тряскою тѣлежкою; но мой мужичекъ погналъ своихъ клячей рысцою прямо за городъ, куда пошли войски. Тамъ я увидѣлъ Казаковъ, и далѣе велѣлъ ѣхать тише, потому что и мнѣ было весьма дурно отъ насильственнаго движенія. Отъѣхавши верстъ 12 по дорогѣ къ Порѣчью, я увидѣлъ войски, расположенныя въ боевомъ порядкѣ на бивакахъ, и тутъ-же нашелъ свою роту. Меня почитали пропащимъ, и удивлялись спасенію, которое, точно, было счастливо: не встань я съ постели къ окну, то дождался-бы Французовъ.

Меня извѣстили о продолженіи ретирады всей Первой арміи къ Смоленску, для соединенія тамъ со Второю. Нашъ 4-й Корпусъ съ 2-мъ составляли лѣвую колонну. — Между тѣмъ артиллерійскую роту, въ которой я служилъ, разстроенную въ сраженіи подъ Островно, пополнили

людьми, лошадьми и зарядами, но не офицерами. Послѣ Подполковника М*** оставался только одинъ казначей съ братомъ, да я больной; Штабсъ-Капитанъ Фигнеръ находился гдѣ-то въ командировкѣ; Шлиппенбахъ и Брайко были отправлены съ подвижнымъ госпиталемъ.

17-го Іюля пришли мы къ гор. Порѣчью. Войски расположились на долинѣ передъ городомъ; для ночлега построили биваки, между которыми скоро задымились утѣшительные огоньки. Погода была сырая и ночь холодная. Горячка обнаружилась во мнѣ сильнѣйшимъ образомъ, и я пересѣлъ въ коляску убитаго Полковника Коплярова, которая оставалась въ ротномъ обозѣ.

Устрашенные жители Порѣчья, съ семействами, въ слезахъ и отчаяніи, въ виду нашемъ разбѣгались изъ города въ лѣсъ, на разныя стороны; дома ихъ наполнились войсками, которыя растаскивали все на биваки, и только тѣ строенія оставались неприкосновенными, гдѣ становились Генералы и полковые командиры съ своимъ штабомъ. Тутъ сошлись три пѣхотные Корпуса: 2-й, 3-й, 4-й, и потому всѣмъ было очень тѣсно.

Картина разрушенія и человѣческихъ бѣдствій, въ моемъ положеніи представля-

лась ужасною : мы коснулись отечественной собственности ; окружающіе предметы, въ болѣзненномъ состояніи моемъ, приводили меня въ глубокое уныніе ; мрачныя мысли кружили голову ; я бредилъ о предательствѣ , объ измѣнникахъ , о страшномъ Наполеонѣ , который дѣйствительно въ умѣ, распаленномъ горячкою, представлялся какимъ - то сверхъестественнымъ существомъ подъ покровительствомъ адскихъ силъ. Мнѣ мерещились красные Гусары въ медвѣжьихъ шапкахъ , скачущіе прямо на меня съ обнаженными саблями ; мерещились тощіе и загорѣлые Итальянскіе стрѣлки, пробирающіеся, какъ гіены, между кустами, и цѣлящіе въ меня смертоносньмъ оружіемъ . . . . Такъ всѣ предметы прошедшихъ ужасовъ представлялись теперь гораздо живѣе ; я закрывался руками, чтобы не видѣть этихъ призраковъ, и съ содроганіемъ воображалъ гибель Россіи. Въ жару горячки , я нѣсколько дней не могъ дѣлать никакихъ наблюденій.

20-го Іюля, всѣ Корпусы подошли къ Смоленску, съ правой стороны Днѣпра, и расположились въ боевомъ порядкѣ, на возвышенной равнинѣ въ виду города , лицемъ къ Порѣчью , предполагая тамъ главныя силы непріятелей.

Раненыхъ велѣно было отправить въ

Духовщину; хотѣли и меня разлучить съ ротою, но я страшился отдаться въ незнакомыя руки и сказалъ, что мнѣ легче, надѣясь отъ ротнаго фельдшера болѣе удачи въ пользованіи, нежели отъ походнаго лекаря, занятаго сотнями больныхъ въ подвижномъ госпиталѣ. Въ своей ротѣ я былъ какъ у родныхъ; каждый солдатъ принималъ участіе въ моемъ положеніи, такъ-же какъ и оставшіеся офицеры; всѣ оказывали мнѣ возможное пособіе. До сего времени ѣхалъ я въ коляскѣ, вмѣстѣ съ обозомъ, но потòмъ, какъ шумъ и стукъ артиллеріи меня безпокоили, я пересѣлъ въ тѣлежку, и, взявши одного погонщика, поѣхалъ особо. Пользуясь благопріятною погодою, останавливался я подъ тѣнію рощицъ, у свѣтлаго ручейка, въ сторонѣ отъ дороги, валялся на мягкой зелени, щипалъ около себя цвѣты, и на нѣсколько минутъ забывалъ о своей болѣзни; между тѣмъ погонщикъ мой, пустивши лошадей на траву, варилъ кашицу и жарилъ грибы; я любовался огонькомъ и суетливостію своего повара-самоучки. Такимъ образомъ, не принимая никакихъ лекарствъ, и пользуясь одною перевязкою раны, я сталъ чувствовать облегченіе; можетъ быть чистота воздуха, діета, сама натура моя, и нѣсколько дней отдохновенія послужили къ

укрощенію горячки. Я пріѣхалъ къ Смоленску 22-го Іюля, съ значительнымъ облегченіемъ отъ болѣзни, но будучи слабъ, все еще жилъ въ обозѣ, который стоялъ позади войскъ, надъ Днѣпромъ, противъ города. Впереди, версты за двѣ, видны были биваки, отъ которыхъ доходилъ ко мнѣ только гулъ, а за Днѣпромъ представлялся городъ съ златоглавыми церквами и съ бѣлокаменными палатами, окруженный древнею стѣною, какъ въ косморамѣ. По дорогѣ, между городомъ и войскомъ, была безпрерывная дѣятельность; поминутно взадъ и впередъ ходили обозы и команды. Въ хорошую погоду я выходилъ изъ повозки на костыляхъ и садился на разостланномъ коврѣ; отсюда любовался окрестностями, картиною воинскаго стана, и видомъ города; читалъ книги и составлялъ свои походныя Записки. Такимъ образомъ я прожилъ около шести дней. Отдохновеніе на чистомъ воздухѣ, свобода и спокойствіе были для меня целительнѣе всякихъ микстуръ въ госпитальной атмосферѣ. День отъ дня становилось мнѣ лучше, и моя рана заживлялась.

Слухи были, что Атаманъ Платовъ съ Казаками переправился ниже города, для присоединенія къ первой арміи и прикрытія ея лѣваго фланга. Вскорѣ за симъ у-

зналъ я, что и вся Вторая армія подошла къ Смоленску съ лѣвой стороны Днѣпра. Тогда у насъ радость была всеобщая, потому болѣе, что армію Князя Багратіона почитали мы, по незнанію, пропащею. Руские снова ободрились; собранныя силы нашего православнаго воинства внушали каждому солдату пріятную увѣренность, что отъ стѣнъ Смоленска побѣда будетъ въ нашихъ рукахъ, вмѣстѣ съ тѣмъ предѣлъ стремленію завоевателей и нашей безконечной ретирадѣ. Одно имя Генерала Багратіона, извѣстнаго храбростію, подкрѣпляло надежду въ войскахъ. Я самъ, соглашаясь съ общимъ ожиданіемъ, столько былъ въ томъ увѣренъ, что въ письмѣ къ отцу своему, жившему въ Ярославской губерніи, писалъ между прочимъ: «Войски «наши отступили къ Смоленску; можетъ «быть пойдутъ и далѣе; но—*Богъ*—*рати Онъ* съ нами, и мы—будемъ въ Парижѣ!»— При тогдашнихъ обстоятельствахъ, имя Багратіона для Рускихъ заключало въ себѣ какое-то таинственное знаменованіе противъ апокалипсическаго имени Наполеона, какъ добраго генія противъ демона.

Послѣ ретирады, почти два мѣсяца продолжавшейся, войски нуждались въ отдохновеніи и подкрѣпленіи свѣжимъ продовольствіемъ. Слухи носились, что непріятель-

ская армія имѣла во всемъ недостатокъ и была изнурена отъ безпрерывныхъ маршей по опустошенной странѣ. Такія извѣстія насъ радовали. Говорили, что въ арміи Наполеона ропотъ: будто войски его не хотѣли идти далѣе — въ страну Скиѳовъ. Но по надменности и кичливому духу плѣнныхъ Французовъ, не льзя было въ томъ удостовѣриться. Они вовсе не унывали, и говорили, что скоро всѣхъ насъ постигнетъ равная имъ участь — столько они были увѣрены въ непобѣдимости Наполеона.

Сосредоточенное отступленіе нашихъ двухъ армій отъ границъ Имперіи до Смоленска, позволило непріятелю, почти безъ боя, овладѣть пространствомъ земли на 800 верстъ пути. Губерніи Виленская, Гродненская, Минская, Курляндія, часть Бѣлоруссіи и Смоленской губерніи были заняты войсками Наполеона. Первая армія прошла безъ усилія около 550 верстъ почти въ 30 дней, за исключеніемъ отдыха въ Двинскомъ лагерѣ; но Вторая армія принуждена была усильно пройдти отъ Гродно до Могилева пространство 650 верстъ въ 18 дней, то есть болѣе 35 верстъ въ сутки. Какъ-бы ни крѣпились духомъ Рускіе, но физическія силы, отъ безпрерывнаго напряженія, приходили въ ослабленіе;

трудный путь по пескамъ и болотамъ, гдѣ проходила Вторая армія, могъ изнурить солдатъ и предать въ руки непріятеля не малое число усталыхъ, которыхъ не успѣвали подбирать. Россія всегда будетъ признательна къ воинскимъ достоинствамъ Князя Багратіона, который съ особеннымъ благоразуміемъ умѣлъ избѣгнуть разставленныхъ ему сѣтей, и весьма искусно довелъ свою армію до Смоленска.

Соединившись, двѣ арміи наши составляли около 120,000; у Наполеона-же отъ Витебска до Днѣпра находилось до 200,000 войска.

Наполеонъ, приводя въ исполненіе превосходное соображеніе свое, раздѣлить наши арміи, не достигъ желаемой цѣли! Какъ самыя лучшія предположенія полководцевъ всегда совершаются въ половину, потому что не въ силахъ умъ человѣческій управлять всѣми обстоятельствами по своему произволу, то и намѣреніе Наполеона въ раздѣленіи нашихъ армій свершилось въ половину; неудача его относится къ чести нашихъ Генераловъ столько-же, сколько удача зависѣла отъ искуства его военачальниковъ, которые дѣйствовали нерѣшительно.

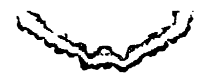
ГЛАВА XV.

ОТЪ СМОЛЕНСКА ДО БОРОДИНА.

Движенія войскъ передъ Смоленскомъ. — Нападеніе Французовъ. — Картина Смоленской битвы. — Отступленіе. — Сраженіе на р. Страгани. — Подвигъ Фигнера. — Движеніе къ Дорогобужу. — Переходъ чрезъ Вязьму. — Прибытіе къ арміи Князя Кутузова. — Отступленіе къ Бородину.

Вслѣдствіе принятаго на военномъ совѣтѣ нашихъ Генераловъ предположенія: атаковать отдѣльный непріятельскій Корпусъ у Порѣчья, соединенныя войски обѣихъ армій нашихъ, изъ занятаго ими лагеря двинулись впередъ, по направленію къ м. Руднѣ.

Послѣ продолжительной ретирады это былъ первый наступательный шагъ; движеніе само по себѣ малозначащее, но въ военномъ отношеніи довольно важное по своему грозному виду; и этого достаточно было, чтобы оживить надежду Русскихъ воиновъ съ перваго шага, по старой привычкѣ — идти впередъ.

27-го Іюля узнали мы, что Французы, укрѣпившись въ Порѣчьѣ, засѣли въ лѣса позади болотъ, оградились засѣками и не смѣютъ идти далѣе. Это ободрило солдатъ нашихъ, которые уже начали усматривать счастливыя послѣдствія отъ ретирады. Полагая непріятелей въ изнеможеніи, послѣ перенесенныхъ трудовъ и нужды, мы почитали вѣроятною его мнимую робость. Уже, страшное до сего времени, превосходство силъ Французскихъ казалось теперь незначительнымъ противъ твердости силъ Рускихъ.

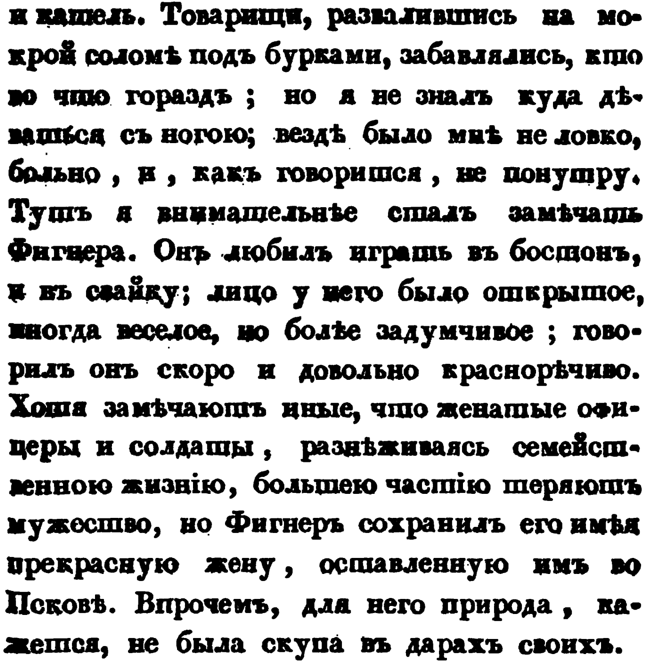
Казалось, Главнокомандующій намѣренъ былъ дѣйствительно атаковать скрывающагося за лѣсами у Порѣчья непріятеля; но войски стояли три дня на мѣстѣ и скучали бездѣйствіемъ.

Насъ обрадовало пріятное извѣстіе о первомъ ударѣ наступательнаго дѣйствія: говорили, что Атаманъ Платовъ, наканунѣ, съ Казаками въ авангардѣ, напалъ на Французовъ при с. Молево - болото, взялъ въ плѣнъ одного Генерала, до 30 офицеровъ, и 500 рядовыхъ. Эта новость принята всѣми съ восторгомъ; никто не сомнѣвался въ вѣроятности, потому что каждый солдатъ принялъ тогда грозный видъ защитника отечества — каждый былъ героемъ; побѣда казалась обыкновеннымъ дѣ-

ломъ, неудача была-бы почтена невѣроятною, постыдною. Раздраженное мщеніе Россіянъ требовало не одной побѣды — истребленія враговъ.

1-го Августа явился я, полуздоровый, къ ротѣ. Еще рана моя не совсѣмъ зажививлась; нога была перевязана бинтами, и костыль еще служилъ мнѣ подпорою. Свою роту нашелъ я расположенною между линіями пѣхоты, въ кустарникѣ; ею командовалъ Штабсъ-Капитанъ Фигнеръ. Отъ самыхъ Свенціянъ до сюда я съ нимъ не видался. Прежняго командира роты, Подполковника М***, перевели въ батарейную роту на мѣсто убитаго Полковника Котлярова, съ назначеніемъ командиромъ бригады. — Здѣсь войски 2-го и 4-го Корпусовъ бивакировали близъ сел. Лущи, и находились подъ начальствомъ Генерала отъ кавалеріи Уварова.

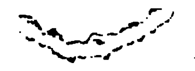
Въ первый разъ я почувствовалъ здѣсь безпокойство бивачной жизни: цыганскіе шалаши изъ хвороста, кой-какъ сплоченные и покрытые травою, составляли временныя жилища наши. Дождевая мокрота и ночной холодъ заставляли безпрестанно передъ шалашами имѣть курящіеся костры; дымъ отъ сыраго хвороста, мѣшаясь съ табачнымъ отъ курильщиковъ, выѣдалъ глаза, щекоталъ горло и вынуждалъ слезы

и капель. Товарищи, развалившись на мокрой соломѣ подъ бурками, забавлялись, кто во что гораздъ; но я не зналъ куда дѣваться съ ногою; вездѣ было мнѣ не ловко, больно, и, какъ говорится, не понутру. Тутъ я внимательнѣе сталъ замѣчать Фигнера. Онъ любилъ играть въ бостонъ, и въ свайку; лицо у него было открытое, иногда веселое, но болѣе задумчивое; говорилъ онъ скоро и довольно краснорѣчиво. Хотя замѣчаютъ иные, что женатые офицеры и солдаты, разнѣживаясь семейственною жизнію, большею частію теряютъ мужество, но Фигнеръ сохранилъ его имѣя прекрасную жену, оставленную имъ во Псковѣ. Впрочемъ, для него природа, кажется, не была скупа въ дарахъ своихъ.

2-го Августа войски перешли верстъ 15 впередъ, и расположились на равнинѣ противъ Касплина озера. Яровые хлѣба были въ полной зрѣлости, высокіе, наливные, такъ, что выше пояса закрывали солдатъ. Разноцвѣтныя полосы хлѣбной зелени на поляхъ прельщали зрѣніе; жаль было смотрѣть, какъ все это солдаты равнодушно топтали, становясь лагеремъ — и плоды трудолюбія истреблялись.

Между тѣмъ какъ наши войски переходили съ мѣста на мѣсто передъ Порѣчьемъ, Наполеонъ приготовлялъ намъ ударъ

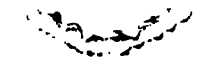

съ тыла. Отрядъ Генерала Невѣровскаго въ гор. Красномъ едва не былъ истребленъ; особенное присутствіе духа этого Генерала и мужество солдатъ сохранили честь Русскаго оружія: они пробились чрезъ многочисленныхъ непріятелей съ немалою жертвою, но ни одинъ не сдался. Объ этомъ мы узнали не прежде какъ въ ночь съ 3-го на 4-е Августа, когда уже Французы подступили къ Смоленску.

Съ разсвѣтомъ дня 4-го Августа всѣ войски наши двинулись къ городу весьма поспѣшно. Полки перегоняли одинъ другой, спѣша для защиты Смоленска, къ которому пришли ввечеру, почти бѣгомъ сдѣлавши 30 верстъ, и стали на правомъ берегу Днѣпра. Войски 4-го Корпуса расположились правѣе, ниже предмѣстья. На пути мы слышали канонаду, и думали, что городъ уже въ рукахъ Французовъ. Всѣ съ безпокойствомъ спрашивали встрѣчающихся объ участи Смоленска, столь важнаго своимъ положеніемъ и славнаго древностію, на который Россія всегда опиралась, какъ на твердыню: Смоленскъ всегда былъ ключемъ къ ея сердцу. Узнали съ удовольствіемъ, что Генералъ Раевскій отразилъ Французовъ, подступавшихъ къ Королевскому бастіону. Они думали въ этотъ день тезоименитства Наполеонова взять городъ, и

шѣмъ подаришь его; для шоржества, говоряшъ, напились до пьяна и бросились къ крѣпосши; но храбрый Генералъ, съ часшію войскъ запершись въ городѣ, уничшожилъ первое покушеніе ошважныхъ. Говорили, чшо Французы, сбивши Казаковъ и ошрядъ Невѣровскаго, успѣли подойдши уже къ вороshамъ городскимъ, и были задержаны шолько семью сшами хлѣбопековъ, подъ начальсшвомъ одного храбраго Маіора, доколѣ не подоспѣлъ Генералъ Раевскій съ своимъ Корпусомъ. Впрочемъ, вреда городу еще никакого не было сдѣлано; шолько лучшіе жишели выѣхали.

5-е Авгусша, день роковой для города, и кровопролишный для враждующихъ войскъ! Еще до свѣша, 6-й Корпусъ Генерала Дохшурова и 3-я дивизія Генерала Коновницына, смѣнивши Корпусъ Раевскаго, заняли городъ, наружные посшы и всѣ укрѣпленія. Прочіе корпусы Первой арміи сшояли на правой сшоронѣ рѣки, за Днѣпровскимъ предмѣсшіемъ; Вшорая армія сшояла по Дорогобужской дорогѣ, въ 8-ми версшахъ ошъ Смоленска. — Намъ предсшояло двѣ крайносши: или выдержашь генеральное сраженіе, или ретироваться; перваго, по неудобносши мѣсшоположенія, невозможно было сдѣлашь не подвергаясь великой опасносши въ случаѣ неудачи, а на вшорое

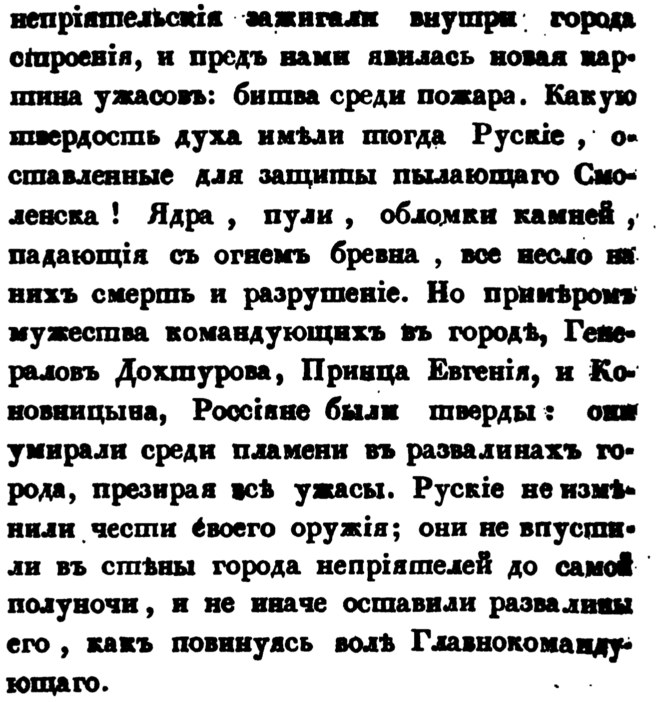
пуститься было-бы не ловко. И такъ, мы рѣшились на то и другое: защищать городъ, и ретироваться.

Наполеонъ обложилъ Смоленскъ сперва со стороны Малаховскихъ воротъ. Съ 4-хъ часовъ утра началась тамъ перестрѣлка, которая продолжалась до полудня съ равномѣрнымъ усиліемъ съ обѣихъ сторонъ. Наполеонъ, казалось, выжидалъ отъ насъ наступательнаго дѣйствія на свой правый флангъ, который былъ нарочно открытъ; ему весьма желательно было выманить наши войски за Днѣпръ, чтобъ послѣ написнуть на нихъ; однако, замѣтивъ осторожность нашего Главнокомандующаго, который ограничивался только защитою города, онъ съ полудня началъ дѣлать рѣшительное нападеніе. Тогда, противъ правой стороны и средины города, открылась ужасная канонада. Маршалъ Ней сталъ тѣснить справа, а Даву приступилъ къ Мстиславскому предмѣстію. Окрестности Смоленска, по лѣвую сторону Днѣпра покрытыя кустарникомъ и пересѣкаемыя оврагами, весьма способствовали непріятельскимъ стрѣлкамъ. Мы съ праваго берега видѣли, какъ они, перебѣгая изъ куста въ кустъ, пускали гибельный дымокъ. Уже Французы близко подступали къ городу по Красненской дорогѣ. Канонада продол-

жалась ужасная; наша аршиллерія, въ глазахъ передъ нами, взрывала непріяшельскіе зарядные ящики, и смѣшивала его колонны; наши сшрѣлки безпрерывнымъ огнемъ всшрѣчали Французовъ, но они лѣзли, какъ бѣшеные. Скоро и съ лѣвой стороны города показались ихъ сшрѣлки, а пошомъ и колонны; за ними выскочила конная башарея, и, высшроившись близъ рѣки, сшала бишь по мосшамъ, чшобы прервашь сообщеніе города съ нашимъ берегомъ. У насъ шошчасъ была выставлена башарея, кошорая ошвѣчала непріяшельской съ равнымъ упорсшвомъ: канонада громила съ обѣихъ сшоронъ убійсшвенно.

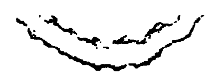
Къ вечеру сраженіе усилилось до ошчаяннаго боя, и ужасы его были неизъяснимы! Нѣсколько сошъ ядеръ и гранашъ свисшѣли и лопались одни за другими, воздухъ вокругъ города помрачался ошъ дыма, земля сшонала, и, казалось, изъ ушробы своей извергала адское пламя — смершь не успѣвала глошашь свои жершвы. Громъ, шрескъ, пламя, дымъ, сшонъ, крикъ, все вмѣсшѣ предсшавляло ужасный хаосъ разрушенія міра.

Въ 6 часовъ вечера Французы овладѣли всѣми предмѣсшіями города по шу сшорону рѣки; шолько осшавалось у насъ одно Днѣпровское на правомъ берегу. Гранашы

непріятельскія зажигали внутри города строенія, и предъ нами явилась новая картина ужасовъ: битва среди пожара. Какую твердость духа имѣли тогда Руские, оставленные для защиты пылающаго Смоленска! Ядра, пули, обломки камней, падающія съ огнемъ бревна, все несло на нихъ смерть и разрушеніе. Но примѣромъ мужества командующихъ въ городѣ, Генераловъ Дохтурова, Принца Евгенія, и Коновницына, Россіяне были тверды: они умирали среди пламени въ развалинахъ города, презирая всѣ ужасы. Руские не измѣнили чести своего оружія; они не впустили въ стѣны города непріятелей до самой полуночи, и не иначе оставили развалины его, какъ повинуясь волѣ Главнокомандующаго.

Съ другой стороны представилось намъ трогательное зрѣлище. Несчастные жители, бѣдные граждане, старцы и жены, въ слезахъ, съ отчаяннымъ воплемъ выбѣгали изъ города черезъ мостъ и, поднимая руки къ небу, взывали горестно: « Гдѣ Ты, Наша Матушка! Чудотворная Икона! » Эта икона Смоленской Божіей Матери заблаговременно была вывезена изъ города; въ продолженіе ретирады къ Москвѣ ее везли въ общемъ паркѣ артиллеріи, на запасномъ лафетѣ батарейной роты Полков-

ника Воейкова. — Не мало жителей погибло въ городѣ и на мосту. Это бѣдствіе казалось имъ свѣтопреставленіемъ, а Наполеонъ сущимъ Антихристомъ, съ воинствомъ дьяволовъ.

Съ берега Днѣпра смотрѣли мы на пылающій городъ, и невольный трепетъ сердца показалъ намъ, что мы еще слабы числомъ противъ сильнаго завоевателя. Въ 9 часовъ вечера стрѣльба утихла — Рускіе удержались въ городѣ.

Въ Смоленской битвѣ наши войски показали примѣръ отчаяннаго сопротивленія. Можетъ быть, здѣсь они въ состояніи были-бы остановить стремленіе непріятеля, если-бъ бой продолжился, ибо въ цѣлый день, при всемъ усиліи, Французы не могли овладѣть городомъ. Въ арміи носились слухи, что, по окончаніи этой кровопролитной битвы, старшіе Генералы Русскіе упрашивали Главнокомандующаго, чтобы еще, хотя на одинъ день, замедлилъ сдачею города, представляя въ уваженіе ему разстройство непріятеля; они ручались за успѣхъ твердостію Русскихъ солдатъ, готовыхъ до послѣдняго погибнуть въ развалинахъ Смоленска, или истребленіемъ непріятеля спасти отечество. Но Главнокомандующій имѣлъ болѣе причинъ поступить иначе; онъ приказалъ ретироваться.

ГЛАВА IV.

ОТЪ СМОЛЕНСКА ДО БОРОДИНА.

Движеніе войскъ передъ Смоленскомъ. — Нападеніе Французовъ. — Картина Смоленской битвы. — Отступленіе. — Сраженіе на р. Страгани. — Подвигъ Фигнера. — Движеніе къ Дорогобужу. — Переходъ чрезъ Вязьму. — Прибытіе къ арміи Князя Кутузова. — Отступленіе къ Бородину.

Вслѣдствіе принятаго на военномъ совѣтѣ нашихъ Генераловъ предположенія: атаковать отдѣльный непріятельскій Корпусъ у Порѣчья, соединенныя войски обѣихъ армій нашихъ, изъ занятаго ими лагеря двинулись впередъ, по направленію къ м. Руднѣ.

Послѣ продолжительной ретирады это былъ первый наступательный шагъ; движеніе само по себѣ малозначащее, но въ военномъ отношеніи довольно важное по своему грозному виду; и этого достаточно было, чтобы оживить надежду Русскихъ воиновъ съ перваго шага, по старой привычкѣ — идти впередъ.

27-го Іюля узнали мы, что Французы, укрѣпившись въ Порѣчьѣ, засѣли въ лѣса позади болотъ, оградились засѣками и не смѣютъ идти далѣе. Это ободрило солдатъ нашихъ, которые уже начали усматривать счастливыя послѣдствія отъ ретирады. Полагая непріятелей въ изнеможеніи, послѣ перенесенныхъ трудовъ и нужды, мы почитали вѣроятною его мнимую робость. Уже, страшное до сего времени, превосходство силъ Французскихъ казалось теперь незначительнымъ противъ твердости силъ Рускихъ.

Казалось, Главнокомандующій намѣренъ былъ дѣйствительно атаковать скрывающагося за лѣсами у Порѣчья непріятеля; но войски стояли три дня на мѣстѣ и скучали бездѣйствіемъ.

Насъ обрадовало пріятное извѣстіе о первомъ ударѣ наступательнаго дѣйствія: говорили, что Атаманъ Платовъ, наканунѣ, съ Казаками въ авангардѣ, напалъ на Французовъ при с. Молево - болото, взялъ въ плѣнъ одного Генерала, до 30 офицеровъ, и 500 рядовыхъ. Эта новость принята всѣми съ восторгомъ; никто не сомнѣвался въ вѣроятности, потому что каждый солдатъ принялъ тогда грозный видъ защитника отечества — каждый былъ героемъ; побѣда казалась обыкновеннымъ дѣ-

домъ, неудача была-бы почтена невѣроятною, постыдною. Раздраженное мщеніе Россіянъ требовало не одной побѣды — истребленія враговъ.

1-го Августа явился я, полуздоровый, къ ротѣ. Еще рана моя не совсѣмъ зажилась; нога была перевязана бинтами, и костыль еще служилъ мнѣ подпорою. Свою роту нашелъ я расположенною между линіями пѣхоты, въ кустарникѣ; ею командовалъ Штабсъ-Капитанъ Фигнеръ. Отъ самыхъ Свенціянъ до сюда я съ нимъ не видался. Прежняго командира роты, Подполковника М***, перевели въ батарейную роту на мѣсто убитаго Полковника Котлярова, съ назначеніемъ командиромъ бригады. — Здѣсь войски 2-го и 4-го Корпусовъ бивакировали близъ сел. Лущи, и находились подъ начальствомъ Генерала отъ кавалеріи Уварова.

Въ первый разъ я почувствовалъ здѣсь безпокойство бивачной жизни: цыганскіе шалаши изъ хвороста, кой-какъ сплоченные и покрытые травою, составляли временныя жилища наши. Дождевая мокрота и ночной холодъ заставляли безпрестанно передъ шалашами имѣть курящіеся костры; дымъ отъ сыраго хвороста, мѣшаясь съ табачнымъ отъ курильщиковъ, выѣдалъ глаза, щекоталъ горло и вынуждалъ слезы

и кашель. Товарищи, развалившись на мокрой соломѣ подъ бурками, забавлялись, кто во что горазды; но я не зналъ куда дѣваться съ ногою; вездѣ было мнѣ не ловко, больно, и, какъ говорится, не поутру. Тутъ я внимательнѣе сталъ замѣчать Фигнера. Онъ любилъ играть въ бостонъ, и въ свайку; лицо у него было открытое, иногда веселое, но болѣе задумчивое; говорилъ онъ скоро и довольно краснорѣчиво. Хотя замѣчаютъ иные, что женатые офицеры и солдаты, разнѣживаясь семейственною жизнію, большею частію теряютъ мужество, но Фигнеръ сохранилъ его имѣя прекрасную жену, оставленную имъ во Псковѣ. Впрочемъ, для него природа, кажется, не была скупа въ дарахъ своихъ.

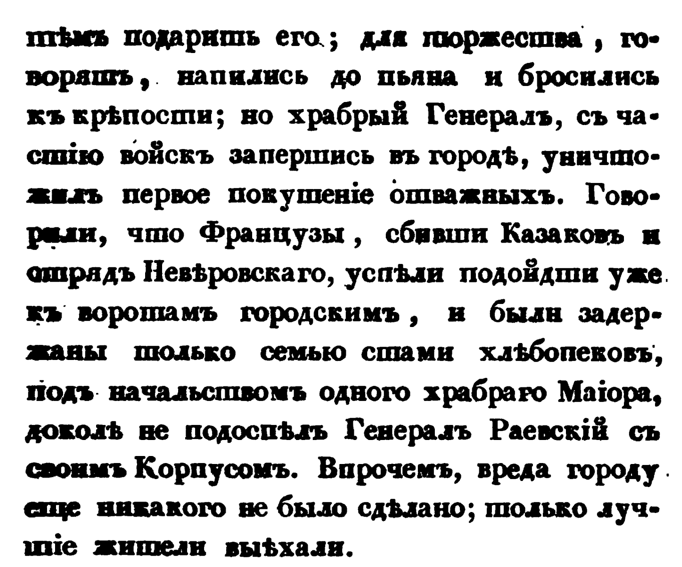
2-го Августа войски перешли верстъ 15 впередъ, и расположились на равнинѣ противъ Касплина озера. Яровые хлѣба были въ полной зрѣлости, высокіе, наливные, такъ, что выше пояса закрывали солдатъ. Разноцвѣтныя полосы хлѣбной зелени на поляхъ прельщали зрѣніе; жаль было смотрѣть, какъ все это солдаты равнодушно топтали, становясь лагеремъ — и плоды трудолюбія истреблялись.

Между тѣмъ какъ наши войски переходили съ мѣста на мѣсто передъ Порѣчьемъ, Наполеонъ приготовлялъ намъ ударъ

съ шыла. Отрядъ Генерала Невѣровскаго въ гор. Красномъ едва не былъ истребленъ; особенное присутствіе духа этого Генерала и мужество солдатъ сохранили честь Русскаго оружія: они пробились чрезъ многочисленныхъ непріятелей съ немалою жертвою, но ни одинъ не сдался. Объ этомъ мы узнали не прежде какъ въ ночь съ 3-го на 4-е Августа, когда уже Французы подступили къ Смоленску.

Съ разсвѣтомъ дня 4-го Августа всѣ войски наши двинулись къ городу весьма поспѣшно. Полки перегоняли одинъ другой, спѣша для защиты Смоленска, къ которому пришли ввечеру, почти бѣгомъ сдѣлавши 30 верстъ, и стали на правомъ берегу Днѣпра. Войски 4-го Корпуса расположились правѣе, ниже предмѣстья. На пути мы слышали канонаду, и думали, что городъ уже въ рукахъ Французовъ. Всѣ съ безпокойствомъ спрашивали встрѣчающихся объ участи Смоленска, столь важнаго своимъ положеніемъ и славнаго древностію, на который Россія всегда опиралась, какъ на твердыню: Смоленскъ всегда былъ ключемъ къ ея сердцу. Узнали съ удовольствіемъ, что Генералъ Раевскій отразилъ Французовъ, подступавшихъ къ Королевскому бастіону. Они думали въ этотъ день тезоименитства Наполеонова взять городъ, и

тѣмъ подарить его; для торжества, говорятъ, напились до пьяна и бросились къ крѣпости; но храбрый Генералъ, съ частію войскъ заперщись въ городѣ, уничтожилъ первое покушеніе отважныхъ. Говорили, что Французы, сбивши Казаковъ и отрядъ Невѣровскаго, успѣли подойдти уже къ воротамъ городскимъ, и были задержаны только семью стами хлѣбопековъ, подъ начальствомъ одного храбраго Маіора, доколѣ не подоспѣлъ Генералъ Раевскій съ своимъ Корпусомъ. Впрочемъ, вреда городу еще никакого не было сдѣлано; только лучшіе жители выѣхали.

5-е Августа, день роковой для города, и кровопролитный для враждующихъ войскъ! Еще до свѣта, 6-й Корпусъ Генерала Дохтурова и 3-я дивизія Генерала Коновницына, смѣнивши Корпусъ Раевскаго, заняли городъ, наружные посты и всѣ укрѣпленія. Прочіе корпусы Первой арміи стояли на правой сторонѣ рѣки, за Днѣпровскимъ предмѣстіемъ; Вторая армія стояла по Дорогобужской дорогѣ, въ 8-ми верстахъ отъ Смоленска. — Намъ предстояло двѣ крайности: или выдержать генеральное сраженіе, или ретироваться; перваго, по неудобности мѣстоположенія, невозможно было сдѣлать не подвергаясь великой опасности въ случаѣ неудачи, а на второе

пуститься было-бы не ловко. И такъ, мы рѣшились на то и другое: защищать городъ, и ретироваться.

Наполеонъ обложилъ Смоленскъ сперва со стороны Малаховскихъ воротъ. Съ 4-хъ часовъ утра началась тамъ перестрѣлка, которая продолжалась до полудня съ равномѣрнымъ усиліемъ съ обѣихъ сторонъ. Наполеонъ, казалось, выжидалъ отъ насъ наступательнаго дѣйствія на свой правый флангъ, который былъ нарочно открытъ; ему весьма желательно было выманить наши войски за Днѣпръ, чтобъ послѣ натиснуть на нихъ; однако, замѣтивъ осторожность нашего Главнокомандующаго, который ограничивался только защитою города, онъ съ полудня началъ дѣлать рѣшительное нападеніе. Тогда, противъ правой стороны и средины города, открылась ужасная канонада. Маршалъ Ней сталъ тѣснить справа, а Даву приступилъ къ Мстиславскому предмѣстію. Окрестности Смоленска, по лѣвую сторону Днѣпра покрытыя кустарникомъ и пересѣкаемыя оврагами, весьма способствовали непріятельскимъ стрѣлкамъ. Мы съ праваго берега видѣли, какъ они, перебѣгая изъ куста въ кустъ, пускали гибельный дымокъ. Уже Французы близко подступали къ городу по Красненской дорогѣ. Канонада продол-

жалась ужасная; наша аршиллерія, въ глазахъ передъ нами, взрывала непріяшельскіе зарядные ящики, и смѣшивала его колонны; наши сшрѣлки безпрерывнымъ огнемъ всшрѣчали Французовъ, но они лѣзли, какъ бѣшеные. Скоро и съ лѣвой сшороны города показались ихъ сшрѣлки, а пошомъ и колонны; за ними выскочила конная башарея, и, высшроившись близъ рѣки, сшала бишь по мосшамъ, чшобы прервашь сообщеніе города съ нашимъ берегомъ. У насъ шошчасъ была высшавлена башарея, кошорая ошвѣчала непріяшельской съ равнымъ упорсшвомъ: канонада громила съ обѣихъ сшоронъ убійсшвенно.

Къ вечеру сраженіе усилилось до ошчаяннаго боя, и ужасы его были неизъяснимы! Нѣсколько сошъ ядеръ и granaшъ свисшѣли и лопались одни за другими, воздухъ вокругъ города помрачался ошъ дыма, земля сшонала, и, казалось, изъ ушробы своей извергала адское пламя — смершь не успѣвала глошашь свои жершвы. Громъ, шрескъ, пламя, дымъ, сшонъ, крикъ, все вмѣсшѣ предсшавляло ужасный хаосъ разрушенія міра.

Въ 6 часовъ вечера Французы овладѣли всѣми предмѣсшіями города по шу сшорону рѣки; шолько осшавалось у насъ одно Днѣпровское на правомъ берегу. Гранашы

непріятельскія зажигали внутри города строенія, и предъ нами явилась новая картина ужасовъ: битва среди пожара. Какую твердость духа имѣли тогда Руские, оставленные для защиты пылающаго Смоленска! Ядра, пули, обломки камней, падающія съ огнемъ бревна, все несло на нихъ смерть и разрушеніе. Но примѣромъ мужества командующихъ въ городѣ, Генераловъ Дохтурова, Принца Евгенія, и Коновницына, Россіяне были тверды: они умирали среди пламени въ развалинахъ города, презирая всѣ ужасы. Руские не измѣнили чести своего оружія; они не впустили въ стѣны города непріятелей до самой полуночи, и не иначе оставили развалины его, какъ повинуясь волѣ Главнокомандующаго.

Съ другой стороны представилось намъ трогательное зрѣлище. Несчастные жители, бѣдные граждане, старцы и жены, въ слезахъ, съ отчаяннымъ воплемъ выбѣгали изъ города черезъ мостъ и, поднимая руки къ небу, взывали горестно: « Гдѣ Ты, Наша Матушка! Чудотворная Икона! » Эта икона Смоленской Божіей Матери заблаговременно была вывезена изъ города; въ продолженіе ретирады къ Москвѣ ее везли въ общемъ паркѣ артиллеріи, на запасномъ лафетѣ батарейной роты Полков-

ника Воейкова. — Не мало жителей погибло въ городѣ и на мосту. Это бѣдствіе казалось имъ свѣтопреставленіемъ, а Наполеонъ сущимъ Антихристомъ, съ воинствомъ дьяволовъ.

Съ берега Днѣпра смотрѣли мы на пылающій городъ, и невольный трепетъ сердца показалъ намъ, что мы еще слабы числомъ противъ сильнаго завоевателя. Въ 9 часовъ вечера стрѣльба утихла — Руские удержались въ городѣ.

Въ Смоленской битвѣ наши войски показали примѣръ отчаяннаго сопротивленія. Можетъ быть, здѣсь они въ состояніи были-бы остановить стремленіе непріятеля, если-бъ бой продолжился, ибо въ цѣлый день, при всемъ усиліи, Французы не могли овладѣть городомъ. Въ арміи носились слухи, что, по окончаніи этой кровопролитной битвы, старшіе Генералы Русскіе упрашивали Главнокомандующаго, чтобы еще, хотя на одинъ день, замедлилъ сдачею города, представляя въ уваженіе ему разстройство непріятеля; они ручались за успѣхъ твердостію Русскихъ солдатъ, готовыхъ до послѣдняго погибнуть въ развалинахъ Смоленска, или истребленіемъ непріятеля спасти отечество. Но Главнокомандующій имѣлъ болѣе причинъ поступить иначе; онъ приказалъ ретироваться.

Въ полночь Генералъ Дохтуровъ началъ переходить съ остатками храбраго войска, защитниками Смоленска, черезъ мостъ, такъ что Французы не могли того замѣтить. Въ городѣ былъ оставленъ тогда Генералъ Корфъ съ кавалеріею, для прикрытія отступленія.

6-го Августа мы перемѣняли часто позиціи по дорогѣ къ Порѣчью, какъ будто въ ожиданіи генеральнаго сраженія. Французскія колонны показались было на нашей сторонѣ изъ-за Днѣпра, но были прогнаны дивизіею Генерала Коновницына. Мы видѣли съ какимъ торжествомъ Французы вступали въ развалины оставленнаго имъ города: музыка и барабанный бой сопровождали парадъ ихъ. Главнокомандующій нашъ, подъѣхавъ къ одному артиллерійскому офицеру, стоявшему съ пушками противъ города, сказалъ: «Поздравьте ихъ хорошенько!» Офицеръ навелъ пушки на тотъ домъ, гдѣ, полагали, остановился Наполеонъ, и пустилъ въ него два брандскугеля. Пожаръ продолжался въ городѣ, и его зарево, среди пасмурнаго дня, освѣщало печаль на лицахъ Русскихъ солдатъ.

Битва одного дня подъ Смоленскомъ была несравненно кровопролитнѣе трехъ дней сраженія подъ Витебскомъ. Войски обѣихъ

враждующихъ силъ дрались упорно, жестоко, отчаянно. Честь сраженія принадлежала особенно Генералу Дохтурову, который съ 30,000 Рускихъ могъ удержаться противъ 72,000 осаждавшихъ его Французовъ.

Въ ночь на 7-е Августа войски Первой арміи двинулись отъ Смоленска двумя колоннами: лѣвая, состоявшая изъ 5-го и 6-го Корпусовъ пѣхоты съ двумя кавалерійскими, пошла чрезъ сел. Прудище, безопасною дорогою, а правая, состоявшая изъ Корпусовъ 2-го, 3-го, 4-го, съ арріергардомъ Генерала Корфа, долженствовала слѣдовать гористыми мѣстами, чрезъ с. Крахоткино и Жабино къ Бредихину, для достиженія большой дороги, которую прикрывалъ передъ дер. Лубиной отрядъ Генерала Тучкова 3-го.

Мы съ правою колонною тронулись отъ Смоленска въ 9 часовъ вечера 6-го Августа, и во всю ночь на 7-е число шли черезъ горки и овраги, покрытые кустарникомъ. Ночь была темная, сырая. Передъ разсвѣтомъ сонъ отяготилъ глаза мои; я сѣлъ на лафетъ, и прислонясь головою къ передку, сладко задремалъ. Въ то время, какъ пушка моя спускалась съ одной крутизны, случился тутъ Англійскій Лордъ Вильсонъ; канонеры поддерживали меня, что-

бы я сонный не упалъ съ лафета, но увидѣвши Генерала, стали будить; почтенный Лордъ замѣтилъ это, и любуясь попеченіемъ канонеровъ о своемъ офицерѣ, далъ имъ знакъ рукою, чтобъ оставили меня въ покоѣ. Когда я пробудился, то они разсказали о добромъ *красномъ* Генералѣ, о которомъ узналъ я послѣ, что это былъ Англичанинъ, находившійся при Главнокомандующемъ, уполномоченный отъ своего Посланника быть свидѣтелемъ происшествій.

На разсвѣтѣ дня 7-го Августа мы подходили къ большой дорогѣ, гдѣ ожидалъ насъ отрядъ Генерала Тучкова, и слышали позади себя канонаду. 2-го Корпуса дивизія Принца Виртембергскаго отнимала у Французовъ деревню Горбунову, которую они заняли, и тѣмъ отрѣзали аррієргардъ Генерала Корфа. Послѣ этого Французы своротили на большую дорогу и наступательно приближались къ отряду Генерала Тучкова, который занялъ позицію между деревнями Топоровщиной и Латышиной, на рѣчкѣ Страгани. Непріятели завязали дѣло съ этимъ отрядомъ, прежде нежели 2-й Корпусъ нашъ, задержанный въ Горбуновой, успѣлъ выйдти на большую дорогу. Мы съ 4-мъ Корпусомъ, будучи впереди 2-го, уже прошли деревню Лубину, какъ насъ опять

вернули назадъ, для подкрѣпленія отряда Генерала Тучкова, котораго Французы такъ сильно тѣснили, что онъ принужденъ былъ отступить за рѣчку Страгань.

Въ 3 часа по полудни сраженіе усилилось. По всей линіи, черезъ кустарникъ, производилась ужасная стрѣльба; дымъ отъ ружейныхъ выстрѣловъ, выходившій безпрерывно, представлялъ весь кустарникъ горящимъ. Нѣсколько часовъ Французы тщетно старались сбить центръ нашъ; смертоносный свинецъ повергалъ много жертвъ; стрѣлки почти не видали другъ друга, и смерть невидимо похищала храбрыхъ. Наступательныя колонны непріятельскія истреблялись картечью нашихъ батарей и штыками гренадеровъ. Между тѣмъ, противъ лѣваго фланга у насъ, на горѣ показался Французскій Корпусъ Генерала Жюно съ многочисленною кавалеріею; противъ него тотчасъ былъ выставленъ 4-й Корпусъ пѣхоты.

Штабсъ-Капитанъ Фигнеръ, будучи командиромъ 3-й легкой роты артиллеріи, еще находился въ резервѣ, когда полки нашего Корпуса пошли влѣво, на гору; однако предузнавая скорое участіе въ сраженіи, велѣлъ раздать канонерамъ имѣвшуюся въ запасѣ винную порцію. Этотъ способъ

поддерживать храбрость въ солдатахъ онъ перенялъ у Французовъ, у которыхъ, когда они попадались намъ въ плѣнъ, мы находили въ манеркахъ за ранцами, вмѣсто воды, ромъ или водку. Фигнеръ, приготовляя канонеровъ къ дѣйствію, предсказывалъ имъ удачу сраженія, по своимъ замѣчаніямъ надъ дымомъ непріятельскихъ выстрѣловъ: или онъ старался поддерживать суевѣріе солдатъ, или самъ былъ суевѣренъ. Послѣ того Фигнеръ поѣхалъ впередъ, изъ обыкновеннаго любопытства посмотрѣть на сраженіе, но скоро возвратился, и всѣмъ канонерамъ велѣлъ садиться на лафеты и ящики, кто какъ успѣетъ. Вотъ мы поскакали на лѣвый флангъ, черезъ болото, которое быстроту нашу задержало. Проѣхавши топкое мѣсто, пушки стали подниматься на крутую гору, гдѣ происходила кавалерійская свалка; мы слышали оттуда страшный гулъ, крикъ, и изрѣдка пушечные выстрѣлы: вдругъ, влѣво отъ насъ, посыпались съ горы Казаки; нѣкоторые изъ нихъ возвратились опять на гору, а трое спустились, провожая одного Виртембергскаго, толстаго трубача, сбитаго ими съ лошади. Онъ былъ въ синемъ колетѣ съ красными лацканами, и въ большихъ ботфортахъ, въ которыхъ идучи путался; бѣдняга, видно, много

трубилъ, ибо весь былъ въ попу, и очень красенъ, какъ обыкновенно бываетъ послѣ большой рабошы; но онъ, казалось, гордился шѣмъ, что шрое провожали его одного.

Поднявшись на гору, мы увидѣли зрѣлище любопытное. Перновскій полкъ стоялъ въ линіи, на вершинѣ горы; къ правому флангу его пристроились наши шесть пушекъ, а прочія, по недостатку мѣста, осталась всѣ на отлогости. Передъ Перновскимъ полкомъ стояли, за кустарниками, по-эскадронно, синіе, красные, сѣрые и зеленые гусары, съ конными орудіями. Кавалерійская свалка происходила у насъ передъ глазами. Занимательно было видѣть, какъ нѣсколько эскадроновъ Французскихъ гусаровъ бросались на нашихъ, какъ наши уходили во весь галопъ, но, подкрѣпленные свѣжими эскадронами, оборачивались и гнали Французовъ: только картечи и пули останавливали ихъ стремленіе; наши оборачивались назадъ, и были опять преслѣдуемы Французами. Такое дѣйствіе походило болѣе на рыцарскія потѣхи: иные кавалеристы сваливались съ коней; иной, попавши въ средину чужихъ, отмахивался саблею; одинъ стрѣлялъ изъ пистолета, другой рубилъ; лошади сталкивались, мялись, и разбѣгались.... Правѣе горы, по продолженію ея отлогости

поддерживать храбрость въ солдатахъ онъ перенялъ у Французовъ, у которыхъ, когда они попадались намъ въ плѣнъ, мы находили въ манеркахъ за ранцами, вмѣсто воды, ромъ или водку. Фигнеръ, приготовляя канонеровъ къ дѣйствію, предсказывалъ имъ удачу сраженія, по своимъ замѣчаніямъ надъ дымомъ непріятельскихъ выстрѣловъ: или онъ старался поддерживать суевѣріе солдатъ, или самъ былъ суевѣренъ. Послѣ того Фигнеръ поѣхалъ впередъ, изъ обыкновеннаго любопытства посмотрѣть на сраженіе, но скоро возвратился, и всѣмъ канонерамъ велѣлъ садиться на лафеты и ящики, кто какъ успѣетъ. Вотъ мы поскакали на лѣвый флангъ, черезъ болото, которое быстроту нашу задержало. Проѣхавши топкое мѣсто, пушки стали подниматься на крутую гору, гдѣ происходила кавалерійская свалка; мы слышали оттуда страшный гулъ, крикъ, и изрѣдка пушечные выстрѣлы: вдругъ, влѣво отъ насъ, посыпались съ горы Казаки; нѣкоторые изъ нихъ возвратились опять на гору, а трое спустились, провожая одного Виртембергскаго, толстаго трубача, сбитаго ими съ лошади. Онъ былъ въ синемъ колетѣ съ красными лацканами, и въ большихъ ботфортахъ, въ которыхъ идучи путался; бѣдняга, видно, много

трубилъ, ибо весь былъ въ попу, и очень красенъ, какъ обыкновенно бываешъ послѣ большой рабошы; но онъ, казалось, гордился шѣмъ, что трое провожали его одного.

Поднявшись на гору, мы увидѣли зрѣлище любопытное. Перновскій полкъ сшоялъ въ линіи, на вершинѣ горы; къ правому флангу его присшроились наши шесть пушекъ, а прочія, по недосташку мѣсша, осшались всѣ на ошлогосши. Передъ Перновскимъ полкомъ сшояли, за кусшарниками, по-эскадронно, синіе, красные, сѣрые и зеленые гусары, съ конными орудіями. Кавалерійская свалка происходила у насъ передъ глазами. Занимашельно было видѣшь, какъ нѣсколько эскадроновъ Французскихъ гусаровъ бросались на нашихъ, какъ наши уходили во весь галопъ, но, подкрѣпленные свѣжими эскадронами, оборачивались и гнали Французовъ: шолько каршечи и пули осшанавливали ихъ сшремленіе; наши оборачивались назадъ, и были опяшь преслѣдуемы Французами. Такое дѣйсшвіе походило болѣе на рыцарскія пошѣхи: иные кавалерисшы сваливались съ коней; иной, попавши въ средину чужихъ, ошмахивался саблею; одинъ сшрѣлялъ изъ писшолеша, другой рубилъ; лошади сшалкивались, мялись, и разбѣгались. . . . Правѣе горы, по продолженію ея ошлогосши

простирался лѣсъ, въ которомъ стоялъ Князь Гуріаловъ съ Полоцкимъ пѣхотнымъ полкомъ; онъ двинулся было впередъ, чтобы изъ лѣса ударить во флангъ непріятельской кавалеріи, но, самъ угрожаемый тѣмъ-же, пріостановился.

Пушки Фигнера стояли безъ дѣйствія, потому что надобно было стрѣлять черезъ своихъ. Между тѣмъ я, обозрѣвая общій ходъ сраженія, увидѣлъ справа, подъ нашею горою, пробирающуюся черезъ кустарникъ Французскую пѣхоту, которая сильно тѣснила нашихъ егерей, о чемъ сказалъ Фигнеру, и замѣтилъ опасность, если Французы зайдутъ къ намъ въ тылъ. Тогда онъ велѣлъ мнѣ съ шестью орудіями спуститься внизъ, и выйдти на большую дорогу, а съ остальными самъ хотѣлъ слѣдовать за мною. Болото подъ горой меня задержало, хотя я успѣлъ переправить пять пушекъ; но подъ шестою лошади замялись. Стрѣлки изъ кустарника прямо выбѣгали на мои пушки; Французы за ними, видя близко мою артиллерію, спѣшили ко мнѣ. Ихъ пули стали рѣзко жужжать; тѣснота мѣста и косогоръ не позволяли мнѣ выстроиться для дѣйствія, а потому я старался скорѣе выбраться на большую дорогу. Трескъ ружейнаго огня съ дымомъ подходилъ все ближе ко мнѣ съ лѣвой сто-

роны; пули навылетъ стали пробивать канонеровъ, лошадей, и лѣпиться въ лафеты.... Наши егери, свѣсивъ ружья и нагибаясь, спѣшили укрыться за мои пушки отъ смертоноснаго свинца; офицеръ ихъ кричалъ: «Куда вы, братцы? воротитесь, пожалуйста, какъ не стыдно вамъ!» — Никто не слушалъ его. Вдругъ на встрѣчу намъ явились Генералы: Главнокомандующій Барклай-де-Толли, при немъ Лордъ Вильсонъ, Графъ Кутайсовъ, Остерманъ, Орловъ, Корфъ и прочіе. Всѣ они кричали бѣгущимъ: «Куда! стой! назадъ!» — и бѣгущіе останавливались. Главнокомандующій, подъѣхавъ ко мнѣ, спросилъ грозно: «Ты откуда?» — «Оттуда,» отвѣчалъ я, показывая влѣво на гору — и онъ поѣхалъ далѣе. Вслѣдъ за Генералами шли въ густыхъ колоннахъ лейбъ-гренадеры Графа Аракчеева полка и Екатеринославскіе: рослые молодцы, держа ружья на перевѣсъ, съ блѣдными лицами шли скорымъ шагомъ — на встрѣчу смерти. Съ крикомъ ура! они бросились въ кусты, и возстановили порядокъ штыками. Черезъ пять минутъ уже многіе изъ нихъ возвращались окровавленные и полумертвые, на плечахъ своихъ товарищей.... Смотря на этотъ увядающій цвѣтъ силы Россіянъ, не льзя было не содрогаться.

Наступившій мракъ ночи не могъ положить предѣла битвѣ ожесточенныхъ. Не смотря на упорное сопротивленіе съ нашей стороны, не уважая великой потери своей, Французы не переставали драться до глубокой полуночи. Они потеряли тутъ убитымъ своего дивизіоннаго Генерала, но за то и у насъ взяли въ плѣнъ самого отряднаго командира, Генерала Тучкова, отъ чего и стрѣлки побѣжали. Генералъ Коновницынъ съ своими гренадерами поправилъ дѣло, и удержался на мѣстѣ.

Штабсъ-Капитанъ Фигнеръ съ шестью пушками, послѣ меня все еще оставался при Перновскомъ полку, на горѣ лѣваго фланга; только личное его мужество могло спасти завязшую въ болотѣ мою пушку, и явило намъ первый опытъ его удальства. Увидѣвши съ горы, что Французы погнали изъ кустарника стрѣлковъ нашихъ, и, приближаясь къ моей артиллеріи, могли взять завязшую пушку, онъ съѣхалъ внизъ, вооруженный саблею и пистолетомъ. Мужественнымъ голосомъ Фигнеръ вмигъ остановилъ и собралъ человѣкъ пятнадцать бѣгущихъ солдатъ, съ которыми притаился за кустарникомъ. Когда Французы толпою шли впередъ, повторяя безпрестанно: avance! avance! и приблизились къ его засадѣ, онъ велѣлъ своимъ уда-

ришь залпъ, потомъ въ штыки, а самъ съ обнаженною саблею и пистолетомъ бросился на офицера, который велъ толпу, и котораго онъ, схвативши за грудь, грозилъ убить. Этотъ сюрпризъ остановилъ авансеровъ; офицеръ спардонился, а шассёры его показали затылки. Фигнеръ, таща за шиворотъ кавалера почетнаго легіона, встрѣтился съ Главнокомандующимъ, который, узнавъ о подвигѣ, тутъ-же поздравилъ нашего героя Капитаномъ. Мы весьма радовались этому случаю, и поздравляли Фигнера; но онъ съ того времени сталъ необыкновенно задумчивъ и разсѣянъ, не хотѣлъ ничѣмъ заниматься въ ротѣ, и всѣ заботы о ней предоставилъ мнѣ, какъ старшему по немъ офицеру.

Пушечная и ружейная стрѣльба послѣдняго дѣла столько впечатлѣлась въ мою голову, а бѣжавшіе стрѣлки и близкая опасность столько напугали, что, признаюсь, въ продолженіе ночи я все еще слышалъ стрѣльбу, которой не было, и все еще видѣлъ черномазыхъ, тощихъ стрѣлковъ Французскихъ, преслѣдующихъ нашихъ егерей. Недавно прошедшая горячка, и безпрерывное повтореніе военныхъ ужасовъ воспламенили мою голову; сверхъ того, прошедши со вчерашняго вечера отъ Смоленска по весьма дурной дорогѣ, въ ночь,

болѣе 30 верстъ, мы весь день были на ногахъ, въ дѣйствіи, и еще снова пустились на всю ночь ретироваться. Такое напряженіе силъ привело не одного меня въ разслабленіе; люди тащились кой-какъ, а лошади насилу везли.

Послѣ сраженія остановились мы ночью, часа на два, у Главной квартиры, перешли р. Бровенку, и при д. Лубиной примкнули къ прочимъ войскамъ, съ которыми потянулись далѣе въ ретираду.

8-го Августа перешли Соловьеву переправу на Днѣпрѣ. Этотъ пунктъ столько былъ важенъ, что если-бы занятіемъ его Французы насъ предупредили, то надѣлали-бы намъ много хлопотъ. Берега тутъ, низкіе, песчаные, покрытые съ обѣихъ сторонъ небольшимъ лѣсомъ, весьма неспособны были для удержанія непріятеля. — Въ 4-хъ верстахъ за переправою остановились мы для ночлега.

Отсюда Французы не горячо насъ преслѣдовали; послѣднія драки охладили жаръ въ нихъ. Къ тому-же говорили, что Наполеонъ въ Смоленскѣ — призадумался.

Съ разсвѣтомъ слѣдующаго дня вся артиллерія Первой арміи поднялась общимъ паркомъ по Московской дорогѣ; мы шли по-ротно, гдѣ можно, одинъ другаго перегоняя. Пыль и зной были несносны. Ар-

тиллерія тянулась въ шесть рядовъ по широкой дорогѣ, которую такъ взмѣсили, что въ иныхъ мѣстахъ по колѣно шли въ мѣлкоистертой землѣ, какъ въ пуху, и колеса катились безъ стука. Всѣмъ паркомъ артиллеріи командовалъ Полковникъ Воейковъ. На нѣсколько верстъ впередъ и назадъ ничего не видно было, кромѣ артиллеріи и обозовъ, въ густыхъ облакахъ пыли, возносившейся до небесъ. Мы шли, какъ въ туманѣ: солнце казалось багровымъ; ни зелени около дороги, ни краски на лафетахъ не льзя было различить. На солдатахъ съ ногъ до головы, кромѣ сѣрой пыли, ничего инаго не было видно; лица и руки наши были черны отъ пыли и пота; мы глотали пыль и дышали пылью; томясь жаждою отъ зноя, не находили чѣмъ освѣжиться. Въ такомъ положеніи случилось намъ проходить мимо толпы плѣнныхъ Французовъ, взятыхъ въ послѣднемъ сраженіи; они съ удовольствіемъ смотрѣли на нашу поспѣшную ретираду, и насмѣшливо говорили, что мы не уйдемъ отъ Наполеона, потому что они теперь составляютъ авангардъ его арміи.

Должно признаться, что послѣ Смоленскихъ битвъ наши солдаты очень пріуныли. Пролитая на развалинахъ Смоленска кровь, при всѣхъ усиліяхъ упорной за-

щипы нашей, и описпупленіе по Московской дорогѣ въ нѣдра самой Россіи, явно давали чувствовать каждому наше безсиліе передъ спрашнымъ завоевапелемъ. Каждому изъ насъ представлялась печальная каршина погибающаго опечества. Жипели съ приближеніемъ нашимъ выбѣгали изъ селеній, оставляя большую часть своего имущества на произволъ пріяшелей и непріяшелей. Позади насъ и по спторонамъ, вокругъ, пылающія селенія означали пушь приближающихся Французовъ; Казаки истребляли все, что оставалось по проходѣ нашихъ войскъ, дабы непріяшели всюду находили одно опустошеніе. Опчаянная Россія шерзала шогда сама свою ушробу.

Сдѣлавши переходъ 26 версшъ, мы остановились на биваки при селѣ Усвятѣ, не доходя Дорогобужа 8 версшъ.

На другой день аршиллерію опяшь размѣсшили по полкамъ. Двигаясь съ мѣста на мѣсто, войски два раза перемѣнили позицію; къ вечеру едва устроились, какъ и эта позиція оказалась ненадежною. Мы здѣсь простояли шолько до утра слѣдующаго дня.

11-го Августа непріяшель апаковалъ нашъ аррїергардъ, и вся армія встревожилась. Насъ перевели по другую сторону большой

дороги ближе къ городу, гдѣ войски простояли до ночи въ позиціи, между тѣмъ какъ арріергардъ дѣйствовалъ. Въ полночь на 12-е число, разложивъ на бивакахъ большіе огни, мы отошли 7 верстъ, къ самому Дорогобужу. Здѣсь Главнокомандующій, казалось, намѣренъ былъ ожидать Французовъ для генеральной битвы, ибо войски расположены были въ крѣпчайшей позиціи; для прикрытія пушекъ на батареяхъ сдѣлали окопы. Нашей ротѣ артиллеріи досталось мѣсто на краю праваго фланга, въ огородахъ предмѣстія. Городъ на горѣ оставался у насъ почти въ тылу.

Въ арріергардѣ отличались Казаки незабвеннаго Матвѣя Ивановича; они безпрерывно выдерживали стибки съ непріятельскою кавалеріею, и, по собственному ихъ выраженію: несли на плечахъ Французовъ. Мы сошлись на дорогѣ съ нѣсколькими Казаками, провожавшими изъ арріергарда раненыхъ товарищей своихъ, и вступили съ ними въ разговоръ. Они очень жаловались, что даже имъ стало не въ мочь стоять противъ вражеской силы; что именно сего дня (12 числа) они шибко схватились съ Французами, такъ, что въ густой пыли другъ друга не узнавали — «и тутъ-то, «батюшко, примолвилъ Казакъ, нашихъ «пропало сотни три. Нѣтъ ужь мочи

«держаться: такъ и садится; оканнный — «на шею; а не что ихъ пушки: только «что мы приготовимся ударить на гуса- «ровъ, какъ пустятъ, триклятые, въ «насъ хлопушками (гранатами) и катыш- «ками (картечью).... Право, ужъ и Матвѣй Ивановичъ откажется; воюйте себѣ сами, какъ хотите.» — Дѣйстви- тельно, черезъ нѣсколько дней мы услыша- ли, что Атаманъ Платовъ сдѣлался боленъ и уѣхалъ изъ арміи. Такія вѣсти были непріятны. Въ продолженіе похода солда- ты шли повѣсивъ головы; уже не соблюда- лось строгой дисциплины; каждый шелъ, какъ хотѣлъ, и думалъ: что-то будетъ? Офицеры, собираясь по нѣскольку вмѣстѣ, толковали о близкой гибели отечества, и не знали, какая участь ихъ самихъ по- стигнетъ. Оружіе, которое сначала несли такъ бодро для защиты отечества, те- перь казалось безполезнымъ, тягостнымъ; притомъ пыль и зной заставляли мно- гихъ солдатъ быть усталыми и уходить въ сторону отъ дороги — на разгулье.

Подъ Дорогобужемъ мы не долго стояли въ крѣпкой позиціи. Узнавъ, что главныя силы непріятеля стремились вверхъ по Днѣпру, для обхода насъ при Вязьмѣ, 12-го Августа на ночь пустились всѣ войски опять въ ретираду. Арріергардъ зажегъ

мосшы, и пламя отъ нихъ коснулось города.

Опасаясь, чтобы насъ не отрѣзали, мы и во весь день 13-го Августа прошли 60 верстъ, къ самой Вязьмѣ.

Находившись съ ротою близъ Вязьмы, я полюбопытствовалъ съѣздить въ городъ: думалъ, не отыщу-ли тѣхъ пряниковъ, которые столько прославили Вязьму. Городъ показался мнѣ очень порядочнымъ; много каменныхъ домовъ, церквей и лавокъ; но все было пусто. Жители, не успѣвшіе выбраться изъ города, бѣгали въ страшныхъ суетахъ по улицамъ, а иные выпроваживали изъ своихъ дворовъ повозки съ пожитками. Лавки были открыты; товары хотя всѣ убраны, но еще довольно кой-чего оставалось для поживишки солдатамъ, которые, подъ предлогомъ усталости, или водицы напиться, входили въ домы и хозяйничали на просторѣ.—Не нашедши пряниковъ, я посмотрѣлъ на суету мірскую, покачалъ головой, и съ горестію возвратился на биваки.

Въ ночь на 15-е Августа мы выступили съ мѣста, и пройдя городъ, расположились въ виду его на позицію, около 10 часовъ утра. Ночью ходить намъ было легче и прохладнѣе; притомъ мракъ ночи скрывалъ печальныя лица, а дремота дневная

приводила въ забвеніе всю горесть предстоящаго.

На другой день прошли только 10 верстъ къ сел. Өедоровскому. Арріергардъ расположился было въ крѣпкой позиціи передъ Вязьмою, но кто-то ночью поторопился зажечь мосты, отъ чего занялся и городъ пожаромъ; тогда арріергардъ перешелъ въ бродъ и сталъ за городомъ.

Отъ Вязьмы до Царсво-Займища ровное мѣстоположеніе весьма способствовало кавалерійскимъ эволюціямъ; а потому на этихъ равнинахъ стекалось съ непріятельской и нашей стороны по множеству полковъ разнаго рода кавалеріи съ конными батареями. Всѣ они, въ виду одинъ другаго, маневрировали, и подвигались то назадъ, то впередъ, между тѣмъ какъ фланкёры тѣшились перестрѣлкою. Французы не заводили горячей драки, потому что вся наша армія находилась вблизи и была въ готовности подкрѣплять арріергардъ свой; сами-же они, нуждаясь въ продовольствіи, шли отдѣльно, колоннами по обѣимъ сторонамъ большой дороги, потому что по слѣдамъ нашимъ находили одно опустошеніе. Война выходила изъ предѣловъ человѣчества, дѣлалась отчаянною, непримиримою, истребительною; конецъ ея долженствовалъ довести до ги-

били одну изъ двухъ враждующихъ державъ. Но еще Французы, въ превосходствѣ силъ своихъ и въ торжествѣ духа, могли ожидать славнаго для себя окончанія кампаніи; напротивъ того мы, потерявши нѣсколько губерній, утратившии половину силъ своихъ, не бывши въ состояніи остановить непріятелей ни въ Витебскѣ, ни въ Смоленскѣ, были повергнуты въ глубокое уныніе, и помышляли единственно о несчастной участи своего отечества. Имѣя силы, мы казались безсильными; имѣя оружіе, казались обезоруженными; нѣсколько тысячь храбрыхъ шли разсѣянно. Такъ настоящія бѣдствія родины повергали Русскихъ въ извинительную слѣпоту. Кто могъ ожидать счастливаго переворота событій? Всѣ жаждали рѣшительнаго боя, какъ единой отрады, единаго средства побѣдою искупить спасеніе погибающему отечеству, или пасть подъ его развалинами.

Въ такомъ расположеніи духа находились войски, какъ вдругъ электрически пробѣжало по арміи извѣстіе о прибытіи новаго Главнокомандующаго, Князя Кутузова. Минута радости была неизъяснима: имя этого полководца произвело всеобщее воскресеніе духа въ войскахъ, отъ солдата до генерала. Всѣ, кто могъ, по-

летѣли на встрѣчу почтенному вождю, принять отъ него надежду на спасеніе Россіи. Офицеры весело поздравляли другъ друга съ счастливою перемѣною обстоятельствъ; даже солдаты, шедшіе съ котлами за водою, по обыкновенію, вяло и лѣниво, услышавъ о пріѣздѣ любимаго полководца, съ крикомъ: ура! побѣжали къ рѣчкѣ, воображая, что уже гонятъ непріятелей. Тотчасъ у нихъ проявилась поговорка: пріѣхалъ Кутузовъ, бить Французовъ!... Старые солдаты припоминали походы съ Княземъ еще при Екатеринѣ, его подвиги въ прошедшихъ кампаніяхъ, сраженіе подъ Кремсомъ, послѣднее истребленіе Турецкой арміи на Дунаѣ; все это было у многихъ въ свѣжей памяти. Вспоминали также о его чудесной ранѣ отъ ружейной пули, насквозь обоихъ висковъ. Говорили, что самъ Наполеонъ давно назвалъ его *старой лисицей*, а Суворовъ говаривалъ, что *Кутузова и Рибасъ не обманетъ*. Такіе разсказы, перелетая изъ устъ въ уста, еще болѣе утверждали надежду войскъ на новаго полководца, Русскаго именемъ, умомъ и сердцемъ, извѣстнаго знаменитостію рода, славнаго многими подвигами; однимъ словомъ, съ пріѣздомъ въ армію Князя Кутузова, во время самаго критическаго положенія Россіи, ко-

тда Провидѣніе наводило на все мрачный покровъ гибели, обнаружилось явно, сколь сильно было присутствіе любимаго полководца воскресить упадшій духъ Рускихъ, какъ въ войскѣ, такъ и въ народѣ. Что любовь войска къ извѣстному полководцу есть не мечта, а существенность, производящая чудеса, то доказалъ всему свѣту незабвенный для славы Россіи Суворовъ, съ горестію сыновъ ея.

Князь Кутузовъ, пріѣхавши къ арміи, узналъ, чего желаютъ нетерпѣливо Рускіе. Для утоленія жажды ихъ мщенія, онъ видѣлъ необходимость дать генеральное сраженіе; но равнины за Вязьмою не представляли удобствъ расположить выгоднымъ образомъ всѣ роды войскъ, и потому онъ рѣшился отступить еще далѣе, принявъ уже грозный видъ [illegible]ника Россіи.

Наполеонъ въ Вязьмѣ узналъ о прибытіи къ намъ новаго Главнокомандующаго; онъ вспомнилъ *о старой [illegible]*, и, кажется, взялъ болѣе предосторожности въ наступательномъ дѣйствіи, позволивъ намъ 18-го Августа имѣть дневку.

20-го Августа, отойдя верстъ 5 за гор. Гжатскъ, стали мы въ боевую позицію при д. Дурыкиной. Квартирьеры, въ числѣ которыхъ и я находился, занимали

мѣста шутя, въ ожиданіи рѣшительнаго боя.

Мы узнали, что Наполеонъ, занявшій Гжатскъ, остановился съ войсками, чтобы дать имъ отдохнуть и освѣжиться для генеральнаго сраженія, котораго ожидалъ отъ Князя Кутузова. Насъ порадовало еще другое извѣстіе, о прибытіи къ арміи современника Суворову, Русскаго витязя, Генерала Милорадовича съ 15,000 молодаго войска. Все принимало лучшій видъ, приходило въ надлежащій порядокъ; все обновлялось. Уже стали слышны въ бивакахъ пѣсни и музыка, чего давно не бывало. Не смотря на то, что отступленіе продолжалось, мы думали идти на встрѣчу къ Французамъ. Столько присутствіе Князя Кутузова воскресило духъ во всѣхъ войскахъ.

ГЛАВА V.

ОТЪ БОРОДИНА ДО МОСКВЫ.

Расположеніе войскъ при Бородинѣ. — Предварительная ошибка. — Приготовленіе къ бою. — Картины Бородинской битвы. — Контузія. — Разные случаи. — Продолженіе ретирады къ Москвѣ.

22-го Августа, черезъ сел. Бородино, войски вошли въ избранную новымъ полководцемъ позицію, не доходя 8-ми верстъ до Можайска. Тутъ въ первый разъ увидѣли мы народное ополченіе: Русскихъ мужичковъ съ пиками и ружьями, которыхъ они еще не умѣли держать.

Пользуясь дневкою, мы на другой день съ Фигнеромъ поѣхали по линіи, осматривать расположеніе войскъ нашихъ. Наскоро и въ ближайшемъ разстояніи не льзя было-бы найдти лучшаго мѣста. Рѣчка Колоча протекала передъ линіею, выходя слѣва изъ большаго лѣса, и, заворачиваясь около праваго фланга, впадала въ Москву рѣку; возвышенія по правому ея берегу съ

нашей стороны были довольно крупы и командовали лѣвымъ берегомъ; большая дорога отъ Смоленска въ Москву пересѣкала р. Колочу при с. Бородинѣ, почти въ центрѣ позиціи. Высокій курганъ на нашемъ берегу, казалось, нарочно предназначенъ былъ для обозрѣнія Главнокомандующему всего пространства поля битвы. Отсюда цѣпь возвышеній тянулась къ лѣвому флангу, закругляясь до большаго лѣса, который покрывалъ весь этотъ флангъ и тылъ нашъ. На этомъ-то пространствѣ, отъ лѣса до устья Колочи, почти на семь верстъ протяженія, расположены были Россійскія войски съ резервами въ три линіи. По всему фронту на высотахъ, для прикрытія артиллеріи, подѣланы были окопы; ихъ строили при насъ, день и ночь, пришедшіе ратники ополченія. Во время объѣзда Фигнеръ замѣтилъ слабость лѣваго фланга нашей позиціи, не смотря на редуты, его прикрывающіе; онъ припомнилъ, что въ прошедшихъ кампаніяхъ мы теряли сраженія отъ слабости нашихъ лѣвыхъ фланговъ, на которые Наполеонъ всегда устремлялся; онъ предсказывалъ и здѣсь то-же. «Вспомни мое слово,» говорилъ онъ, «если Наполеонъ не бросится «всѣми силами на этотъ флангъ и не при-«третъ насъ къ Москвѣ рѣкѣ.» — По вни-

шательномъ разсмотрѣніи мѣстоположенія, тогда, какъ ни казалась наша позиція крѣпкою, старая Смоленская дорога къ Можайску, идущая черезъ лѣсъ противъ лѣваго фланга, въ тылъ нашъ, оставалась не занятою; правый же флангъ былъ слишкомъ растянутъ отъ центра позиціи къ д. Масловой. Непріятель, слѣдуя отъ с. Валуева противъ нашей средины къ Бородину, могъ, по свойству мѣстоположенія, развернуться всѣми силами противъ лѣваго фланга и подавить его на средину, занявши старую Смоленскую дорогу; такимъ образомъ онъ могъ-бы нашу армію запереть въ уголъ между устьемъ Колочи и Москвою рѣкою. Однако послѣдствія показали, что Наполеонъ, встрѣтившись съ Русскими войсками, жаждалъ только рѣшительнаго сраженія, и безъ стратегическихъ тонкостей думалъ сокрушить насъ открытою тактикою. Князь Кутузовъ вскорѣ проникнулъ важность занятія старой Смоленской дороги, и въ день сраженія поставилъ тамъ корпусъ Генерала Тучкова съ егерями, и Московское ополченіе.

24-го Августа, Французы, поднявшись отъ д. Гридневой, атаковали аррієргардъ нашъ, находившійся передъ Колоцкимъ монастыремъ, подъ начальствомъ Генерала Ко-

неприятеля. Преслѣдованіе было горячее до самой Бородинской позиціи. Мы съ утра слышали приближающуюся къ намъ канонаду. Наконецъ, по полудни, Наполеонъ имѣлъ удовольствіе увидѣть всю армію нашу въ грозномъ ополченіи, готовую встрѣтить его войски рѣшительнымъ боемъ. Замѣтивъ противъ нашего лѣваго фланга отдѣльный редутъ, выставленный ему какъ-бы для приманки, онъ тотчасъ приказалъ своимъ взять его, и къ вечеру редутъ былъ въ рукахъ Французовъ, хотя съ большимъ для нихъ урономъ. Отсюда Наполеонъ сталъ развивать свои силы, избравши взятый редутъ центромъ наступательныхъ дѣйствій.

На другой день, войски обѣихъ враждующихъ армій стояли въ виду одни противъ другихъ, въ таинственной тишинѣ, какая бываетъ передъ ужасною бурею. Вожди занимались распоряженіями для предстоящей битвы.

Легкая рота артиллеріи Капитана Фигнера была разсѣяна въ кустарникѣ, противъ Новаго Сельца, которое прошедшею ночью нарочно было выжжено, чтобы не могло служить закрытіемъ для непріятелей. Фигнеръ, на досугѣ, пригласилъ меня и Поручика Нагеля съѣздить за цѣпь, посмотрѣть вблизи непріятельскій станъ.

Мы переѣхали въ бродъ Колочу, противъ обгорѣлыхъ развалинъ сожженной деревушки. Версты за полторы впереди, на полѣ, увидѣли мы кавалерійскую цѣпь Французскихъ драгуновъ, а за нею взводъ спѣшившихся, стоящихъ на пикетѣ. По близости къ намъ находилась деревня Логинова, гдѣ множество кавалеристовъ набирали солому въ большія вязанки, съ которыми тащились къ своимъ бивакамъ. Мы подъѣхали къ ведетамъ почти на ружейный выстрѣлъ, такъ что могли разглядѣть мужественныя лица драгуновъ подъ огромными шишаками; они покрыты были свѣтлыми плащами и сидѣли верхомъ, какъ вкопаные, на своихъ мѣстахъ. Далѣе за цѣпью примѣтно было движеніе войскъ, переходившихъ съ мѣста на мѣсто. Насмотрѣвшись до сыта, мы отъѣхали къ своимъ пушкамъ благополучно, не бывши наказаны за свою дерзость никакимъ несчастіемъ.

Передъ вечеромъ, во всѣхъ полкахъ происходило молебствіе о дарованіи побѣды православному Россійскому воинству въ предстоявшей битвѣ. Вскорѣ вышелъ приказъ отъ Главнокомандующаго, въ которомъ между прочимъ было сказано, чтобы всѣ роды войскъ, во время сраженія, подкрѣпляли другъ друга, кавалерія пѣ-

хоту, а пѣхота артиллерію; чтобы по нѣскольку здоровыхъ не отводили одного раненаго, и не оставляли-бы пустоты въ рядахъ; чтобы резервы употреблялись только по его приказанію, а главнѣйшее, чтобы старались избѣгать напрасной стрѣльбы. Князь Кутузовъ, объѣзжая ряды и видя бодрость на лицахъ Русскихъ воиновъ, готовыхъ умереть за отечество до послѣдняго, говорятъ, сказалъ окружающимъ: «Французы переломаютъ надъ нами «свои зубы, но жаль, что, разбивши ихъ, «намъ нечѣмъ будетъ доколачивать.» — Русскихъ силъ, точно, было недостаточно: у насъ считалось до 115,000 регулярнаго войска, 7,000 Казаковъ, 10,000 ополченія, и 640 пушекъ; у Французовъ было 190,000 лучшаго войска и до 1,000 орудій. Впрочемъ, наше неравенство силъ замѣнялось любовію къ отечеству и жаждою мщенія. Вспоминая прежнюю славу Русскаго побѣдоноснаго оружія, каждый солдатъ горѣлъ нетерпѣніемъ сойдтися съ непріятелями, чтобы въ ихъ крови омыть нанесенное всѣмъ оскорбленіе. Всѣ мы были въ полномъ увѣреніи на распорядительность мудраго, посѣдѣвшаго въ бранахъ полководца. Французы также готовились къ рѣшительному бою, только не съ чувствомъ любви къ отечеству, а съ жадно-

стію къ добычѣ и славѣ завоеванія. Они зашли слишкомъ далеко, и для спасенія себя желали восторжествовать побѣдою, желали сохранить честь своего оружія. Два съ половиною мѣсяца они ожидали рѣшительнаго боя, который довелъ-бы ихъ до цѣли предпріятія. Французы понесли великія трудности, претерпѣли неизвѣстныя дотолѣ нужды. Имъ представлялось два конца: если будутъ побѣждены, то погибель ихъ неизбѣжна; если-же останутся побѣдителями, то пріятнѣйшія надежды льстили ихъ честолюбію. Москва лежала передъ ними—за полемъ битвы. Имъ надлежало только пройдти по трупамъ сыновъ ея, чтобы достигнуть добычь, чувственныхъ наслажденій, славнаго мира, и возвращенія въ отечество. Такъ на поляхъ Бородинскихъ долженствовала рѣшиться участь великой арміи Наполеоновой, совокупныхъ силъ почти цѣлой Европы. Французы, Нѣмцы, Итальянцы, Испанцы, Поляки, всѣ готовы были для прихоти одного необычайнаго человѣка — побѣдить или умереть. Но они умерли вмѣстѣ со славою этого генія-истребителя.

День приготовленій къ страшному бою казался скоротечнымъ. Общая тишина въ войскахъ была предвѣстницею близкихъ ужасовъ. Сколько тысячь несчастныхъ

лешѣли на вспрѣчу почшенному вождю, принять ошъ него надежду на спасеніе Россіи. Офицеры весело поздравляли другъ друга съ счастливою перемѣною обстоятельствъ; даже солдаты, шедшіе съ котлами за водою, по обыкновенію, вяло и лѣниво, услышавъ о пріѣздѣ любимаго полководца, съ крикомъ: ура! побѣжали къ рѣчкѣ, воображая, что уже гонятъ непріятелей. Тотчасъ у нихъ проявилась поговорка: пріѣхалъ Кутузовъ, бить Французовъ!... Старые солдаты припоминали походы съ Княземъ еще при Екатеринѣ, его подвиги въ прошедшихъ кампаніяхъ, сраженіе подъ Кремсомъ, послѣднее истребленіе Турецкой арміи на Дунаѣ; все это было у многихъ въ свѣжей памяти. Вспоминали также о его чудесной ранѣ отъ ружейной пули, насквозь обоихъ висковъ. Говорили, что самъ Наполеонъ давно назвалъ его *старой лисицей*, а Суворовъ говаривалъ, что *Кутузова и Рибасъ не обманетъ*. Такіе разсказы, перелетая изъ устъ въ уста, еще болѣе утверждали надежду войскъ на новаго полководца, Русскаго именемъ, умомъ и сердцемъ, извѣстнаго знаменитостію рода, славнаго многими подвигами; однимъ словомъ, съ пріѣздомъ въ армію Князя Кутузова, во время самаго критическаго положенія Россіи, ко-

гда Провидѣніе наводило на нее мрачный покровъ гибели, обнаружилось явно, сколь сильно было присутствіе любимаго полководца воскресить упадшій духъ Рускихъ, какъ въ войскѣ, такъ и въ народѣ. Что любовь войска къ извѣстному полководцу есть не мечта, а существенность, производящая чудеса, то показалъ всему свѣту незабвенный для славы Россіи Суворовъ, съ горестію сыновъ ея.

Князь Кутузовъ, пріѣхавши къ арміи, узналъ, чего желаютъ нетерпѣливо Рускіе. Для утоленія жажды ихъ мщенія, онъ видѣлъ необходимость дать генеральное сраженіе; но равнины за Вязьмою не представляли удобствъ расположить выгоднымъ образомъ всѣ роды войскъ, и потому онъ рѣшился отступить еще далѣе, принявъ уже грозный видъ Защитника Россіи.

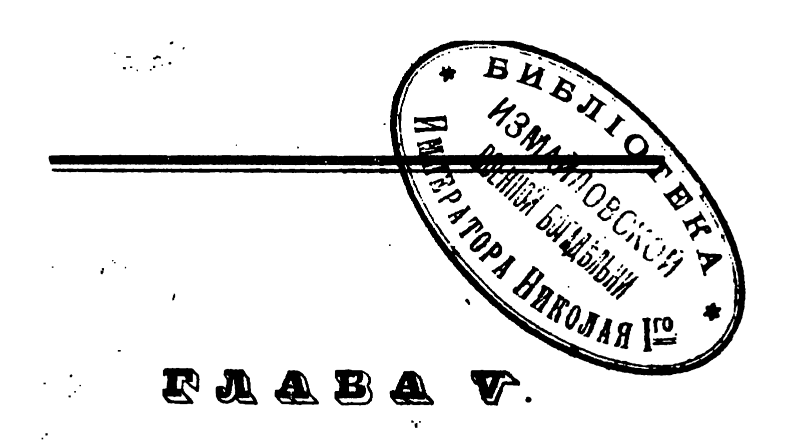
Наполеонъ въ Вязьмѣ узналъ о прибытіи къ намъ новаго Главнокомандующаго; онъ вспомнилъ *о старой лисицѣ*, и, кажется, взялъ болѣе предосторожности въ наступательномъ дѣйствіи, позволивъ намъ 18-го Августа имѣть дневку.

20-го Августа, отойдя верстъ 5 за гор. Гжатскъ, стали мы въ боевую позицію при д. Дурыкиной. Квартирьеры, въ числѣ которыхъ и я находился, занимали

[illegible] шумно, въ ожиданіи рѣшительнаго боя.

Мы узнали, что Наполеонъ, занявши Смоленскъ, остановился съ войсками, чтобы дать имъ отдохнуть и освѣжиться для генеральнаго сраженія, котораго ожидалъ отъ Князя Кутузова. Насъ порадовало еще другое извѣстіе, о прибытіи къ арміи современника Суворову, Русскаго витязя, Генерала Милорадовича съ 15,000 молодаго войска. Все принимало лучшій видъ, приходило въ надлежащій порядокъ; все обновлялось. Уже стали слышны въ бивакахъ пѣсни и музыка, чего давно не бывало. Не смотря на то, что отступленіе продолжалось, мы думали идти на встрѣчу къ Французамъ. Столько присутствіе Князя Кутузова воскресило духъ во всѣхъ войскахъ.

—※※—

ГЛАВА V.

ОТЪ БОРОДИНА ДО МОСКВЫ.

Расположеніе войскъ при Бородинѣ. — Предварительная ошибка. — Приготовленіе къ бою. — Картины Бородинской битвы. — Контузія. — Разные случаи. — Продолженіе ретирады къ Москвѣ.

22-го Августа, черезъ сел. Бородино, войски вошли въ избранную новымъ полководцемъ позицію, не доходя 8-ми верстъ до Можайска. Тутъ въ первый разъ увидѣли мы народное ополченіе: Русскихъ мужичковъ съ пиками и ружьями, которыхъ они еще не умѣли держать.

Пользуясь дневкою, мы на другой день съ Фигнеромъ поѣхали по линіи, осматривать расположеніе войскъ нашихъ. Наскоро и въ ближайшемъ разстояніи не льзя было-бы найдти лучшаго мѣста. Рѣчка Колоча протекала передъ линіею, выходя слѣва изъ большаго лѣса, и, заворачиваясь около праваго фланга, впадала въ Москву рѣку; возвышенія по правому ея берегу съ

нашей стороны были довольно круты и командовали лѣвымъ берегомъ; большая дорога отъ Смоленска въ Москву пересѣкала р. Колочу при с. Бородинѣ, почти въ центрѣ позиціи. Высокій курганъ на нашемъ берегу, казалось, нарочно предназначенъ былъ для обозрѣнія Главнокомандующему всего пространства поля битвы. Отсюда цѣпь возвышеній тянулась къ лѣвому флангу, закругляясь до большаго лѣса, который покрывалъ весь этотъ флангъ и тылъ нашъ. На этомъ-то пространствѣ, отъ лѣса до устья Колочи, почти на семь верстъ протяженія, расположены были Россійскія войски съ резервами въ три линіи. По всему фронту на высотахъ, для прикрытія артиллеріи, подѣланы были окопы; ихъ строили при насъ, день и ночь, пришедшіе ратники ополченія. Во время объѣзда Фигнеръ замѣтилъ слабость лѣваго фланга нашей позиціи, не смотря на редуты, его прикрывающіе; онъ припомнилъ, что въ прошедшихъ кампаніяхъ мы теряли сраженія отъ слабости нашихъ лѣвыхъ фланговъ, на которые Наполеонъ всегда устремлялся; онъ предсказывалъ и здѣсь то-же. «Вспомни мое слово,» говорилъ онъ, «если Наполеонъ не бросится «всѣми силами на этотъ флангъ и не при«претъ насъ къ Москвѣ рѣкѣ.» — По вни-

тщательномъ разсмотрѣніи мѣстоположенія, что, какъ ни казалась наша позиція крѣпкою, старая Смоленская дорога къ Можайску, идущая черезъ лѣсъ противъ лѣваго фланга, въ тылъ нашъ, оставалась не занятою; правый же флангъ былъ слишкомъ растянутъ отъ центра позиціи къ д. Масловой. Непріятель, слѣдуя отъ с. Валуева противъ нашей средины къ Бородину, могъ, по свойству мѣстоположенія, развернуться всѣми силами противъ лѣваго фланга и подавить его на средину, занявши старую Смоленскую дорогу; такимъ образомъ онъ могъ-бы нашу армію запереть въ уголъ между устьемъ Колочи и Москвою рѣкою. Однако послѣдствія показали, что Наполеонъ, встрѣтившись съ Русскими войсками, жаждалъ только рѣшительнаго сраженія, и безъ стратегическихъ тонкостей думалъ сокрушить насъ открытою тактикою. Князь Кутузовъ вскорѣ проникнулъ важность занятія старой Смоленской дороги, и въ день сраженія поставилъ тамъ корпусъ Генерала Тучкова съ егерями, и Московское ополченіе.

24-го Августа, Французы, поднявшись отъ д. Гридневой, атаковали арріергардъ нашъ, находившійся передъ Колоцкимъ монастыремъ, подъ начальствомъ Генерала Ко-

новницына. Преслѣдованіе было горячее до самой Бородинской позиціи. Мы съ утра слышали приближающуюся къ намъ канонаду. Наконецъ, по полудни, Наполеонъ имѣлъ удовольствіе увидѣть всю армію нашу въ грозномъ ополченіи, готовую встрѣтить его войски рѣшительнымъ боемъ. Замѣтивъ противъ нашего лѣваго фланга отдѣльный редутъ, выставленный ему какъ-бы для приманки, онъ тотчасъ приказалъ своимъ взять его, и къ вечеру редутъ былъ въ рукахъ Французовъ, хотя съ большимъ для нихъ урономъ. Отсюда Наполеонъ сталъ развивать свои силы, избравши взятый редутъ центромъ наступательныхъ дѣйствій.

На другой день, войски обѣихъ враждующихъ армій стояли въ виду одни противъ другихъ, въ таинственной тишинѣ, какая бываетъ передъ ужасною бурею. Вожди занимались распоряженіями для предстоящей битвы.

Легкая рота артиллеріи Капитана Фигнера была разсѣяна въ кустарникѣ, противъ Новаго Сельца, которое прошедшею ночью нарочно было выжжено, чтобы не могло служить закрытіемъ для непріятелей. Фигнеръ, на досугѣ, пригласилъ меня и Поручика Нагеля съѣздить за цѣпь, посмотрѣть вблизи непріятельскій станъ.

Мы переѣхали въ бродъ Колочу, противъ обгорѣлыхъ развалинъ сожженной деревушки. Версты за полторы впереди, на полѣ, увидѣли мы кавалерійскую цѣпь Французскихъ драгуновъ, а за нею взводъ спѣшившихся, стоящихъ на пикетѣ. По близости къ намъ находилась деревня Логинова, гдѣ множество кавалеристовъ набирали солому въ большія вязанки, съ которыми тащились къ своимъ бивакамъ. Мы подъѣхали къ ведетамъ почти на ружейный выстрѣлъ, такъ что могли разглядѣть мужественныя лица драгуновъ подъ огромными шишаками; они покрыты были сѣрыми плащами и сидѣли верхомъ, какъ вкопаные, на своихъ мѣстахъ. Далѣе за цѣпью примѣтно было движеніе войскъ, переходившихъ съ мѣста на мѣсто. Насмотрѣвшись до сыта, мы отъѣхали къ своимъ пушкамъ благополучно, не бывши наказаны за свою дерзость никакимъ несчастіемъ.

Передъ вечеромъ, во всѣхъ полкахъ происходило молебствіе о дарованіи побѣды православному Россійскому воинству въ предстоявшей битвѣ. Вскорѣ вышелъ приказъ отъ Главнокомандующаго, въ которомъ между прочимъ было сказано, чтобы всѣ роды войскъ, во время сраженія, подкрѣпляли другъ друга, кавалерія пѣ-

хоту, а пѣхота артиллерію; чтобы по нѣскольку здоровыхъ не отводили одного раненаго, и не оставляли-бы пустоты въ рядахъ; чтобы резервы употреблялись только по его приказанію, а главнѣйшее, чтобы старались избѣгать напрасной стрѣльбы. Князь Кутузовъ, объѣзжая ряды и видя бодрость на лицахъ Русскихъ воиновъ, готовыхъ умереть за отечество до послѣдняго, говорятъ, сказалъ окружающимъ: «Французы переломаютъ надъ нами «свои зубы, но жаль, что, разбивши ихъ, «намъ нечѣмъ будетъ доколачивать.» — Русскихъ силъ, точно, было недостаточно: у насъ считалось до 115,000 регулярнаго войска, 7,000 Казаковъ, 10,000 ополченія, и 640 пушекъ; у Французовъ было 190,000 лучшаго войска и до 1,000 орудій. Впрочемъ, наше неравенство силъ замѣнялось любовію къ отечеству и жаждою мщенія. Вспоминая прежнюю славу Русскаго побѣдоноснаго оружія, каждый солдатъ горѣлъ нетерпѣніемъ сойдтися съ непріятелями, чтобы въ ихъ крови омыть нанесенное всѣмъ оскорбленіе. Всѣ мы были въ полномъ увѣреніи на распорядительность мудраго, посѣдѣвшаго въ бранахъ полководца. Французы также готовились къ рѣшительному бою, только не съ чувствомъ любви къ отечеству, а съ жадно-

стію къ добычѣ и славѣ завоеванія. Они зашли слишкомъ далеко, и для спасенія себя желали восторжествовать побѣдою, желали сохранить честь своего оружія. Два съ половиною мѣсяца они ожидали рѣшительнаго боя, который довелъ-бы ихъ до цѣли предпріятія. Французы понесли великія трудности, претерпѣли неизвѣстныя дотолѣ нужды. Имъ представлялось два конца: если будутъ побѣждены, то погибель ихъ неизбѣжна; если-же останутся побѣдителями, то пріятнѣйшія надежды льстили ихъ честолюбію. Москва лежала передъ ними—за полемъ битвы. Имъ надлежало только пройдти по трупамъ сыновъ ея, чтобы достигнуть добычь, чувственныхъ наслажденій, славнаго мира, и возвращенія въ отечество. Такъ на поляхъ Бородинскихъ долженствовала рѣшиться участь великой арміи Наполеоновой, совокупныхъ силъ почти цѣлой Европы. Французы, Нѣмцы, Италъянцы, Испанцы, Поляки, всѣ готовы были для прихоти одного необычайнаго человѣка — побѣдить или умереть. Но они умерли вмѣстѣ со славою этого генія-истребителя.

День приготовленій къ страшному бою казался скоротечнымъ. Общая тишина въ войскахъ была предвѣстницею близкихъ ужасовъ. Сколько тысячь несчастныхъ

жертвъ человѣческой вражды въ этотъ день еще наслаждались жизнью, а завтра должествовали смѣшаться съ прахомъ земли! Сколько отважныхъ честолюбцевъ готовились ознаменовать себя подвигами, не помышляя о смерти, а завтра они должествовали ринуться въ вѣчность забвенія!... Такъ опредѣлено человѣку быть игралищемъ страстей: умомъ возноситься къ небу, и исчезать въ земной ничтожности.

Солнце свѣтило ярко, и золотыми лучами скользило по смертоносной стали штыковъ и ружей; оно играло на мѣди пушекъ ослѣпительнымъ блескомъ. Все устроивалось для кровопролитія слѣдующаго дня: Московскіе ратники оканчивали насыпи на батареяхъ, артиллерію развозили по мѣстамъ, и приготовляли патроны. Солдаты чистили, острили штыки, бѣлили портупеи и перевязи; словомъ, въ обѣихъ арміяхъ 300,000 воиновъ готовились къ великому, страшному дню.

Наступила ночь; биваки враждующихъ силъ запылали безчисленными огнями, кругомъ верстъ на двадцать пространства; огни отражались въ небосклонѣ на темныхъ облакахъ багровымъ заревомъ: пламя въ небѣ предзнаменовало пролитіе крови на землѣ. Велики были собранныя силы, ве-

лико предстояло побоище — знаменитое въ лѣтописяхъ міра.

Бородинская битва многими очевидцами описана, и почти всякому извѣстна; а потому, избѣгая повтореній, опишу только нѣкоторыя картины и случаи.

Съ восхожденіемъ солнца, по всей линіи отъ лѣваго фланга до средины, открылась ужасная канонада изъ пушекъ, гаубицъ, единороговъ. Выстрѣлы такъ были часты, что не оставалось промежутка въ ударахъ: они продолжались безпрерывно, подобно раскату грома, производя искуственное землетрясеніе. Густыя облака дыма, клубясь отъ батарей, возносились къ небу и затмѣвали солнце, которое покрывалось кровавою пеленою, будто измѣняясь отъ ожесточенія и ярости человѣческой. Мы съ Фигнеромъ на правомъ флангѣ долго оставались спокойными зрителями этого явленія, и безмолвно стояли при своихъ пушкахъ, ожидая ежеминутно себѣ назначенія для участія въ общей битвѣ. Ядра непріятельскія долетали до насъ послѣдними прыжками, или катились на излётѣ; гранаты хлопали въ воздухѣ и, разсыпаясь осколками, производили страшные звуки.

На лѣвомъ флангѣ происходила жесточайшая битва; Руские мужественно дер-

жались въ окопахъ, Французы за каждый шагъ впередъ платили несмѣтною потерею людей. Не льзя не удивляться отчаянію, съ какимъ они лѣзли на смерть; не льзя не удивляться присутствію духа Рускихъ, съ какимъ они защищались, удерживая стремленіе превосходныхъ силъ непріятеля.

Когда Французы въ срединѣ нашей линіи овладѣли въ первый разъ курганнымъ люнетомъ, и были опрокинуты, въ то время приказано пѣхотѣ 4-го Корпуса двинуться на подкрѣпленіе сражающихся около люнета. Вѣсть о подвигахъ нашихъ, сбившихъ въ этомъ мѣстѣ непріятеля, быстро распространилась по линіи. Елецкаго полка Маіоръ Т***, въ восторгѣ воинскаго духа, скакалъ отъ мѣста сраженія по нашей линіи, провозглашая всѣмъ, что Французы разбиты и Неаполитанскій Король взятъ въ плѣнъ. Этотъ Маіоръ немного картавилъ, а потому невольно разсмѣшилъ насъ своимъ провозглашеніемъ, крича изъ всей силы: «Бьятцы! Мюята взяли!» — Но этотъ мнимый Мюратъ былъ Генералъ Бонами. Когда Русскій гренадеръ хотѣлъ его колоть, то онъ для спасенія своего вскричалъ: «*Я Король*!» — Тогда усачъ, взявши Короля за шиворотъ, потащилъ къ Главнокомандующему. Князь Кутузовъ

шушъ же поздравилъ рядоваго унтеръ-офицеромъ, и наградилъ его знакомъ отличія военнаго ордена Св. Георгія. Встрѣча около люнета не дешево и намъ стоила: тутъ на батареѣ убили начальника всей артиллеріи Графа Кутайсова, Генерала, обѣщавшаго много своими личными достоинствами.

Пѣхота 4-го Корпуса пошла къ центру, но артиллерія еще оставалась въ резервѣ. Мы съ Фигнеромъ безпрестанно ожидали, не позовутъ-ли и насъ на кровавое пиршество. Фигнеръ, отъ нетерпѣнія, безпрестанно ѣздилъ къ Генералу Милорадовичу, командовавшему тогда правымъ флангомъ, подвинутымъ къ центру, и просилъ, чтобы дали мѣсто для дѣйствія его ротѣ; но еще не было въ насъ надобности, и мы до полудни оставались въ тщетномъ ожиданіи. Намъ велѣно было только вывезти изъ кустарниковъ орудія, поставить ихъ вмѣстѣ и быть въ готовности. Изъ любопытства я въѣхалъ на ближайшій курганъ, передъ дер. Горки, съ котораго Русская батарея стрѣляла въ непріятельскія колонны. Тутъ открылось передо мною обширное поле сраженія. Я видѣлъ, какъ наша пѣхота, въ густыхъ массахъ, сходилась съ непріятельскою; видѣлъ, какъ приближаясь одна къ другой, пускали онѣ

батальный огонь, развертывались, разсыпались, и наконецъ исчезали: на мѣстѣ оставались только убитые, а возвращались раненые. Другія колонны опять сходились, и опять такимъ-же образомъ исчезали. Это зрѣлище истребленія людей столько поразило меня, что я не могъ долѣе смотрѣть, и съ сжатымъ сердцемъ отъѣхалъ къ своимъ пушкамъ. Французскіе кирасиры и уланы сдѣлали нападеніе на пѣхоту 4-го Корпуса, но ружейнымъ огнемъ были отбиты; въ этомъ случаѣ отличились полки: 34-й Егерскій и Перновскій. Послѣдній, предводимый храбрымъ Генераломъ Чоглоковымъ, построился въ батальонныя каре, и самъ пошелъ на непріятельскую кавалерію; передней шеренги гренадеры даже бросали въ догонку Французовъ ружья со штыками. Находившіеся для подкрѣпленія этого полка, гусары и уланы преслѣдовали Французскую кавалерію до непріятельской пѣхоты.

Казалось, Главнокомандующій не терялъ еще надежды на побѣду, доколѣ большой люнетъ, въ центрѣ линіи, и село Семеновское, на лѣвомъ флангѣ, находились въ нашихъ рукахъ. Отклоняя, сколько возможно, увеличившуюся на лѣвомъ флангѣ опасность, онъ старался потерянное возвратить, и всѣ силы употреблялъ на то,

чтобы колеблющуюся побѣду обратить къ Русскимъ знаменамъ. Для развлеченія вниманія непріятелей, онъ приказалъ Генералъ-Лейтенанту Уварову съ 1-мъ кавалерійскимъ корпусомъ перейдти р. Колочу, и атаковать ихъ лѣвый флангъ, открытый за сел. Бородинымъ. Мы съ удовольствіемъ смотрѣли, какъ кавалерія наша, по ту сторону рѣчки, длинными линіями красныхъ, синихъ гусаровъ и улановъ, двигалась впередъ, потомъ ударила на Французскую кавалерію, и прогнала ее далеко за Бородино; тамъ напала она на батареи, причемъ Елисаветградскій гусарскій полкъ отнялъ двѣ пушки. Но четыре полка непріятельской пѣхоты, отъ Бородина построившись въ каре, пошли на нашу кавалерію; она попеременно атаковала каждое каре, и будучи не въ состояніи ни одного разбить, отступила. Въ это время Фигнеръ получилъ приказаніе съ артиллеріею подойдти къ д. Горкамъ; на пути мы слышали вправо сильную ружейную стрѣльбу, производимую Французами противъ нашей кавалеріи — и вдругъ нѣсколько разсѣянныхъ гусаровъ проскакало мимо насъ. Нѣкоторые изъ нихъ, простреленные, тутъ-же падали съ лошадей; въ томъ числѣ одинъ прекрасный офицеръ, пробитый пулею въ грудь, упалъ съ лоша-

ды, въ двухъ шагахъ передъ нами.... Вскорѣ за шѣмъ увидѣли мы два Донскіе Казачьи полка, довольно искусно прошедшіе въ разсыпную впередъ, подъ ядрами, безъ всякаго урона; потомъ они собрались и ударили вмѣстѣ на Французовъ.

По полудни, когда Вице-Король Италіянскій дѣлалъ послѣдній приступъ на нашъ курганный люнетъ, батарейный и ружейный огонь, бросаемый съ него во всѣ стороны, уподоблялъ этотъ курганъ огнедышащему жерлу; притомъ блескъ сабель, палашей, штыковъ, шлемовъ и латъ отъ яркихъ лучей заходящаго солнца, все вмѣстѣ представляло ужасную и величественную картину. Мы отъ дер. Горки были свидѣтелями этого кровопролитнаго приступа. Кавалерія наша метались съ непріятельскою въ жестокой сѣчѣ: стрѣлялись, рубились, и кололи другъ друга со всѣхъ сторонъ. Уже Французы подошли подъ самый люнетъ, и пушки наши, послѣ окончательнаго залпа — умолкли. Глухой крикъ давалъ знать, что непріятели ворвались на валъ, и началась работа штыками. Французскій Генералъ Коленкуръ первый ворвался съ тыла на редутъ, и первый былъ убитъ; кирасиры же его, встрѣченные внѣ окопа нашею пѣхотою, были засыпаны пулями и прогнаны съ боль-

шимъ урономъ. Между шѣмъ пѣхоша непріяшельская лѣзла на валъ со всѣхъ сшоронъ, и была опрокидываема шшыками Рускихъ въ ровъ, который наполнялся шрупами убишыхъ; но свѣжія колонны засшупали мѣсша разбишыхъ, и съ новою яросшію лѣзли умирашь; наши съ равнымъ ожесшоченіемъ всшрѣчали ихъ, и сами шпадали вмѣсшѣ съ врагами. Наконецъ Французы съ бѣшенсшвомъ ворвались въ люнешъ и кололи всѣхъ, кшо имъ попадался; особенно пошерпѣли аршиллерисшы, сшершвоносно дѣйсшвовавшіе на башареѣ. Тогда курганный люнешъ осшался въ рукахъ непріяшелей. Эшо былъ послѣдній шрофей исшощенныхъ силъ ихъ. Груды шѣлъ лежали внушри и внѣ окопа; почши всѣ храбрые защишники его пали. Такъ жесшока была бишва.

Еще осшавался на нашей сшоронѣ одинъ большой редушъ, съ кошораго продолжалась упорная канонада прошивъ Бородина; но какъ уже Французы, прешерпѣвъ большой уронъ, исшощились въ силахъ, и у Наполеона осшавалась шолько одна гвардія въ резервѣ, що посему и не предпринимали они новаго присшупа на эшошъ послѣдній редушъ. Непріяшели довольсшвовались шолько сшрѣльбою аршиллеріи. Войски ихъ сшарались сшашь въ закрышыя

мѣста отъ убійственнаго огня нашихъ батарей. Канонада съ обѣихъ сторонъ продолжалась до самаго вечера; съ наступленіемъ мрака она стала ослабѣвать, прежде у непріятелей. Это было противъ обыкновенія, ибо Французы имѣли обычай къ вечеру всегда усиливать огонь и натискъ во всѣхъ мѣстахъ, въ знакъ своей побѣды; теперь-же они признавались въ безсиліи. Наконецъ ихъ артиллерія замолчала, наша также утихла, и мало по малу ужасная битва прекратилась.

Багровое свѣтило дня, омочивъ въ крови погибшихъ послѣдніе лучи свои, уже скрылось за горизонтъ, какъ будто содрогаясь отъ ужаснаго побоища; мракъ ночи покрылъ ристалище смерти, и пороховой дымъ и смрадъ ложились тяжелымъ туманомъ на необозримое поле битвы.

Такимъ образомъ кончилась знаменитая битва 26-го Августа. Непріятели овладѣли всѣми нашими редутами на лѣвомъ флангѣ и по лѣвую сторону большой дороги; они сдвинули насъ съ позиціи только на одномъ флангѣ, и заняли третью часть ея; посему они выиграли не болѣе какъ вполовину. Побѣда ихъ не была побѣдою; Рускіе не были разбиты, приведены въ замѣшательство, ни гдѣ не бѣжали. Наши силы еще оставались сосредоточен-

ными отъ сел. Горки по Семеновскому оврагу до старой Смоленской дороги, и стояли во всей готовности отражать дальнѣйшія покушенія непріятелей. Они первые замолчали, посему первые признались въ своемъ изнеможеніи; у Наполеона въ резервѣ оставалась только одна гвардія, не бывшая въ дѣлѣ, такъ-же какъ и у насъ оставались нѣкоторые полки. Князь Кутузовъ употреблялъ резервы съ благоразумною экономіею, и могъ еще держаться до послѣдней крайности въ добромъ порядкѣ. Наполеонъ позволилъ намъ отступить къ Можайску безъ всякаго съ своей стороны преслѣдованія; посему видно было, что онъ точно обломалъ зубы, и, казалось, былъ доволенъ тѣмъ, что ему уступили поле сраженія для удостовѣренія въ несмѣтной потерѣ, которую понесли его войски, особенно кавалерія, ибо лучшіе полки кирасировъ и драгуновъ были истреблены. Эта потеря осталась невозвратною: здѣсь-то увялъ цвѣтъ Французской арміи, здѣсь-то впервые сокрушились грозныя силы завоевателя Европы.

Кровопролитнѣе Бородинской битвы еще не случалось для Наполеона. Судя по значительному урону съ обѣихъ сторонъ въ генералахъ, она въ точномъ смыслѣ была

стояли четыре конныя орудія: непріятельскія ядра доколачивали ихъ; около пушекъ вертѣлось человѣка по три канонеровъ, а прочіе вокругъ лежали убитые. Драгуны передъ нами безпрестанно валялись съ лошадей отъ ядеръ и пуль. Мы за ними стояли очень тѣсно, пушка подлѣ пушки, не скидывая съ передковъ, въ ожиданіи назначенія. Фигнеръ на правомъ, а я на лѣвомъ флангахъ, находились верхомъ передъ орудіями. Ядра, гранаты, картечь, и даже пули, перелетая черезъ драгуновъ, били нашу артиллерію, отъ чего мы потеряли нѣсколько людей и лошадей. Тутъ испыталъ я, что нѣтъ ничего хуже во время сраженія, какъ стоять подъ непріятельскими выстрѣлами безъ дѣйствія: почти каждый солдатъ провожаетъ ядро глазами, и невольно отдаетъ ему почтеніе. Повернувши свою лошадь, я подъѣхалъ къ Фигнеру, и только что сталъ говорить ему: «Видно, мы не дождемся «приказанія! Станемъ лучше рядомъ съ «этими артиллеристами, которыхъ тамъ «доколачиваютъ, и будемъ сами дѣйство«вать, чѣмъ терять....» Я не досказалъ, какъ вдругъ что-то пролетѣло мимо лѣваго виска моего — и сшибло меня съ лошади. Я упалъ безъ чувствъ на землю, и четверть часа лежалъ какъ мертвый.

генеральною. Не смотря на многочисленность непріятелей, никогда Рускіе не дрались съ такимъ ожесточеніемъ, какъ въ этотъ знаменитый день: убылые ряды переднихъ тотчасъ заступались задними. Съ сжатымъ сердцемъ стояли всѣ подъ ударами ядеръ и пуль, имѣя въ рукахъ смерть врагу и принимая смерть отъ него.

Рота артиллеріи Капитана Фигнера, не смотря на его пламенное желаніе поколотиться съ Французами, не была въ дѣйствіи. По полудни подвинули насъ къ д. Горкамъ, откуда мы были свидѣтелями военныхъ ужасовъ. Когда, послѣ взятія непріятелями курганнаго люнета, войски наши сосредоточились въ ожиданіи новаго нападенія, къ намъ пріѣхалъ Адъютантъ Генерала Милорадовича, и повелъ нашу роту къ самому центру, который тогда сдѣлался правымъ флангомъ боевой линіи. Мы приготовились, и ободрили солдатъ, полагая тотчасъ вступить въ дѣло; напротивъ того Адъютантъ довелъ насъ только до драгуновъ, и, оставивъ позади ихъ, самъ уѣхалъ. Тутъ увидѣли мы не мало убитыхъ Русскихъ солдатъ и одинъ взорванный артиллерійскій зарядный ящикъ, вокругъ котораго земля была выжжена, а лошади и ѣздовой разбросаны обгорѣлые. Вправо отъ насъ, во ста саженяхъ за окопомъ,

стояли четыре конныя орудія: непріятельскія ядра доколачивали ихъ; около пушекъ вертѣлось человѣка по три канонеровъ, а прочіе вокругъ лежали убитые. Драгуны передъ нами безпрестанно валялись съ лошадей отъ ядеръ и пуль. Мы за ними стояли очень тѣсно, пушка подлѣ пушки, не скидывая съ передковъ, въ ожиданіи назначенія. Фигнеръ на правомъ, а я на лѣвомъ флангахъ, находились верхомъ передъ орудіями. Ядра, гранаты, картечь, и даже пули, перелетая черезъ драгуновъ, били нашу артиллерію, отъ чего мы потеряли нѣсколько людей и лошадей. Тутъ испыталъ я, что нѣтъ ничего хуже во время сраженія, какъ стоять подъ непріятельскими выстрѣлами безъ дѣйствія: почти каждый солдатъ провожаетъ ядро глазами, и невольно отдаетъ ему почтеніе. Повернувши свою лошадь, я подъѣхалъ къ Фигнеру, и только что сталъ говорить ему: «Видно, мы не дождемся «приказанія! Станемъ лучше рядомъ съ «этими артиллеристами, которыхъ тамъ «доколачиваютъ, и будемъ сами дѣйство«вать, чѣмъ терять....» Я не досказалъ, какъ вдругъ что-то пролетѣло мимо лѣваго виска моего — и стибло меня съ лошади. Я упалъ безъ чувствъ на землю, и четверть часа лежалъ какъ мертвый.

Меня не поднимали, полагая убитымъ; но когда послѣ крѣпкаго обморока чувства мои стали оживляться, и память возвращалась, я ощутилъ себя лежащимъ на землѣ, и сталъ шевелиться. Канонеры, примѣтивъ во мнѣ движеніе, подошли и подняли меня. Я шатался какъ одурѣлый; разбитая голова моя переваливалась съ плеча на плечо; она горѣла съ чрезвычайною болью; причемъ не могъ я различать предметовъ: все вокругъ меня вертѣлось и казалось какъ будто въ туманѣ. По минутномъ отдохновеніи меня взвалили на лошадь, и я, склонившись на ея шею, поѣхалъ, по данному направленію, самъ не зная куда. Лошадь моя шла и часто останавливалась отъ прыгающихъ ядеръ съ правой стороны; на пути множество валялось убитыхъ и раненыхъ солдатъ, которыхъ ратники Московскіе, увертываясь отъ ядеръ, подбирали и уносили назадъ. Наконецъ я попалъ какъ-то на дорогу, и увидѣлъ въ кустахъ опять ратниковъ: не заботясь о предстоящемъ, они дружно сидѣли около огонька, надъ которымъ висѣлъ котелъ. Я спросилъ у нихъ слабымъ голосомъ, гдѣ перевязываютъ раненыхъ, и одинъ мужичекъ привелъ меня къ мѣсту. Тутъ было множество несчастныхъ, въ разномъ положеніи, испускающихъ стонъ

и крикъ. Особенно спрашенъ и жалокъ былъ одинъТашаринъ, Тепшярскій Казакъ: въ шо время какъ я подъѣхалъ, у него изъ спинной лопашки вырѣзывали пулю, отъ чего онъ ужасно корчился и кричалъ, имѣя черное, отвратительное лицо. Лекарь подошелъ ко мнѣ, помогъ слѣзшь съ лошади, и осмотрѣвъ мою голову, составилъ примочку; потомъ приложилъ компрессъ и обвязалъ ее бинтами. — Послѣ говорили мнѣ, что я былъ сшибенъ съ лошади гранашнымъ осколкомъ, который очень близко пролетѣлъ мимо головы моей: опять контузія! Фигнеръ поѣхалъ къ Генералу Милорадовичу, и представилъ ему невыгодное положеніе своей роты, въ которой безъ дѣла переранило нѣсколько канонеровъ и убило офицера. Тогда Французы не предпринимали ничего важнаго, и сраженіе прекращалось, а потому Фигнеру приказано было съ ротою отойдти къ общему парку на Можайскую дорогу, по которой уже двинулись всѣ обозы и разбитыя роты артиллеріи. Перевязанный, я присталъ къ своей ротѣ въ то время, какъ она проходила мимо. Французы не далеко находились отъ нашего тыла, и ядра ихъ долетали до дороги, по которой началось отступленіе; небольшой натискъ съ этой стороны могъ-бы произвести безпорядокъ

въ нашемъ обозѣ, ибо всякаго рода повозки, въ нѣсколько рядовъ, везли раненыхъ и здоровыхъ съ большою поспѣшностію. Къ ночи выбрались мы за Можайскъ, на поляну, въ безопасное мѣсто, гдѣ и ночевали. Во всю ночь я не зналъ куда дѣваться съ разбитою головой, которая горѣла и заставляла меня бредить, какъ въ горячкѣ.

Небывалому на войнѣ покажется невѣроятнымъ такое дѣйствіе ядеръ, какое иногда случается видѣть во время сраженія. Я нѣсколько разъ замѣчалъ, что ядра непріятельскія, часто минуя ряды и колонны, попадають, какъ въ цѣль, въ одинокихъ людей и лошадей, скитающихся позади фронта, а потому считалъ всегда опаснѣе быть назади, нежели впереди. Случилось мнѣ видѣть, что одно нечаянное движеніе, поворотъ съ мѣста спасали отъ удара смерти, или подводили подъ него; иногда самое ничтожное прикосновеніе ядра на излётѣ бывало причиною смерти. Такъ разсказывали про одинъ случай во время Бородинскаго сраженія. Артиллерійскій Полковникъ В***, находясь въ резервѣ съ своею ротою на мѣстѣ биваковъ, около полудня, въ продолженіе сраженія, велѣлъ подать въ палатку обѣдъ, и расположился съ офицерами кушать. Самъ онъ сидѣлъ

на барабанѣ, а прочіе лежали. Ядра летали вокругъ, но не портили аппетита офицеровъ, которые продолжали свою трапезу. Вдругъ одно шести-фунтовое ядро, на излётѣ, вскочило въ палатку и легло у самаго живота на ногѣ Полковника. Ударъ показался ему столько слабымъ, что онъ взявши ядро въ руки, покатилъ его среди тарелокъ и сказалъ шутя: « Вотъ вамъ, братцы, на закуску. » — Рота его до конца сраженія оставалась безъ дѣйствія. Полковникъ, къ вечеру, сталъ чувствовать въ животѣ, отъ прикосновенія ядра, боль, которая безпрестанно усиливалась; на другой день сдѣлалось въ желудкѣ воспаленіе, а на третій — онъ умеръ. Еще разсказывали другой случай, гораздо чудеснѣе этого. Непріятельская граната ударила въ грудь одной лошади подъ кавалеристомъ; лошадь не успѣла пасть, какъ граната въ животѣ ея лопнула, и кавалеристъ, съ сѣдломъ брошенный вверхъ, остался невредимъ. Все это, какъ будто изъ *Не любо не слушай*; но очевидцы увѣряли, что дѣйствительно такъ случилось. Нѣсколько непріятельскихъ ядеръ попадали въ самыя дула нашихъ орудій; не мудрено, что, въ такомъ множествѣ летая съ одной стороны на другую, они сталкива-

лись, и, отскакивая назадъ, били своихъ.

Говорили, что, въ началѣ сраженія, надъ головою Князя Кутузова носился орелъ, и Князь, снявши шляпу, будто привѣтствовалъ его, какъ предвѣстника побѣды; но многіе сомнѣвались, чтобы Главнокомандующій сталъ заниматься орломъ въ то время, когда всѣ мысли и вниманіе его были устремлены на дѣйствіе боя. Вѣроятнѣе могло быть, что случайное появленіе орла во время сраженія показалось инымъ за нѣчто предвѣщательное. Не льзя оспоривать и того, что благоразумные полководцы не упускаютъ малѣйшихъ случаевъ для внушенія мужества своимъ воинамъ. Такъ Наполеонъ, желая утвердить въ войскахъ своихъ надежду на побѣду, при восхожденіи солнца, въ день Бородинской битвы вскричалъ: «Это солнце Аустерлицкое!» — Но онъ жестоко обманулся.

Съ наступленіемъ ночи наши войски отошли къ опушкѣ лѣса; Французы оставались на занятыхъ ими мѣстахъ, и не преслѣдовали насъ. Говорили, будто они отступили за четыре версты отъ мѣста сраженія; но этому немногіе вѣрили. Не льзя было ожидать, чтобы Наполеонъ отступилъ, не будучи сбитъ, и отча-

сти потѣснивши насъ. Если-бы это было справедливо, то Князь Кутузовъ не пошелъ-бы назадъ. Плодомъ полуодержанной побѣды непріятеля были холодъ и голодъ на полѣ, влажномъ отъ пролитой крови ратоборцевъ. Мнимые побѣдители, послѣ великихъ трудовъ дня, долженствовали зябнуть ночью на голомъ полѣ, едва-ли имѣя кусокъ сухаря для подкрѣпленія чрезъ мѣру истощенныхъ силъ своихъ. Вотъ гдѣ суетность воинской славы въ глазахъ философа!

27-го Августа, съ разсвѣтомъ дня, войски наши стали отступать къ Можайску и остановились за городомъ. Наполеонъ, въ этотъ день, пустилъ за нами только одну кавалерію, и то не задирая, безъ малѣйшаго напора.

На ночь поднялись мы изъ-подъ Можайска и продолжали отступленіе до сел. Землина. Французы тотчасъ заняли Можайскъ, послѣ легкой стибки съ арріергардомъ, которымъ сталъ командовать Генералъ Милорадовичъ.

Проходя, при разсвѣтѣ дня, по большой дорогѣ, черезъ пустыя деревеньки, мы встрѣчали множество Московскихъ ратниковъ, суетящихся около огромныхъ котловъ съ кашею и картофелемъ: эти воины, проспавши утро, не успѣли еще ни сварить,

ни покушашь. Гдѣ они намъ ни встрѣчались, вездѣ мы ихъ засшавали или за копшами, или ошдыхающихъ на пригоркахъ. Наши ушомленные и проголодавшіеся солдашы называли эшихъ неуковъ саранчею. Одинъ рашникъ нашелъ земляка-аршиллерисша въ нашей рощѣ, присшалъ къ нему и разсказывалъ, какъ ихъ водили въ прошломъ сраженіи, всею вашагою, на Француза. «Сначала, парень, говорилъ онъ, шли «мы бодро, какъ пуль не слыхали; но лу«кавые Французы подпусшили нашу рашь «поближе къ кусшамъ, и ударили изъ пу«шекъ и ружей шакъ, чшо мы, кшо куда, «всѣ бросились въ разсыпную. Тушъ пу«сшились за нами ихъ уланы, и мы, кор«милецъ, вовсе пропали-бы ошъ злодѣевъ, «коли-бъ не подоспѣлъ къ намъ на подмогу «Машвѣй Ивановичъ съ Казачкàми. Онъ, «нашъ голубчикъ, дай Богъ ему здоровья! «закричалъ: Убирайшесь ошсель, покуда «живы! — и самъ ударилъ на Французовъ. «Казачки-шо, спасибо, за насъ посшояли, а «мы пошли подбирашь раненыхъ.»

Войски продолжали решироваться, и дошли до рѣч. Нары, къ д. Крушицѣ. Французы сшали форсировашь. Упорсшво нашего [illegible] аріергарда, почши въ виду всей арміи, сш[illegible]ло порядочную ошибку. Гвардія Не л[illegible] не участвовала въ Бородинскомъ ошсш[illegible]

сраженія, хотѣла отличиться въ преслѣдованіи; однако благоразумными распоряженіями арріергарднаго начальника, Генерала Милорадовича, стремленіе непріятелей было удержано. Мы имѣли удовольствіе даже видѣть нѣсколько десятковъ Наполеоновыхъ гвардейцевъ, взятыхъ въ плѣнъ, которыхъ Казаки гнали мимо насъ: рослые и стройные молодцы, съ мужественными лицами, одѣты были въ синіе щегольскіе мундиры съ красными отворотами, а на головахъ имѣли медвѣжьи, высокія шапки съ бѣлыми кистями.

Между тѣмъ головѣ моей стало лучше. Искусный лекарь нашей бригады составилъ мнѣ такую спасительную примочку, отъ которой воспаленіе и боль въ головѣ скоро утолились; діэта, легкое движеніе и чистый воздухъ прогнали горячку. Я съ повязанною головою могъ ѣхать верхомъ. Контузія въ лѣвый високъ, хотя не такъ была сильна какъ въ ногу, однако произвела во мнѣ потомъ частое головокруженіе, обмороки отъ малѣйшаго угара, и, что хуже всего, совершенно ослабила память. Вотъ бренность существа человѣческаго! Не ударъ, а только прикосновеніе сгущеннаго воздуха ввергнуло меня въ безчувствіе. Могу сказать, что въ

продолженіе пятнадцати-минутнаго обморока, я не существовалъ въ мірѣ, точно какъ убитый.

—※●※—

ГЛАВА VI.

ОТЪ МОСКВЫ ДО ТАРУТИНА.

Приближение къ Москвѣ. — Энтузiазмъ Фигнера. — Переходъ черезъ Москву. — Отступленiе по Рязанской дорогѣ. — Поворотъ къ Подольску. — Важность сожженiя Москвы. — Рѣчь къ войску Генерала Барклая-де-Толли. — Военное замѣчанiе. — Первые успѣхи. — Движенiе отряда Графа Остермана-Толстаго. — Пожаръ въ Вороновѣ. — Сшибка при Спасъ-Куплѣ.

30-го Августа пришли мы къ д. Мамоновой, въ укрѣпленный лагерь, въ 19-ти верстахъ отъ Москвы. Прiятные холмы, увѣнчанные рощицами, и красивыя мызы, до половины выглядывающiя изъ-за вершинъ древесныхъ, означали уже окрестности древней столицы нашей, окрестности, до того времени спокойно разцвѣтавшiя въ тишинѣ сельской, и отъ временъ Отрепьева не видавшiя предъ собою вражеской силы; а теперь — все стремилось къ ихъ истребленiю! Горестно взирали мы на прелест-

[illegible], торжествующіе вскорѣ иска-[illegible] отъ военныхъ бѣдствій; невольно [illegible] къ сердцу Царства Русска-[illegible], [illegible] съ поникшими головами, стыдились взглянуть на златоверхую матушку, которую не могли защитить отъ гибели. Смертоносное оружіе въ рукахъ воиновъ казалось безполезнымъ, и сила человѣческая недѣйствительною противъ торжествующаго врага, попрáвшаго царства Христіанскія. Въ слабыхъ умахъ утвердилась мысль о сверхъестественности Наполеоновой; припоминали всеобщее о немъ въ церквахъ проклятіе, и грамотѣи говорили, что его имя точно находится въ Апокалипсисѣ. Такъ физически и нравственно сокрушались многіе изъ Русскихъ воиновъ, презиравшіе до того всѣ ужасы смерти.

Въ слѣдующій день не дошли мы только 4-хъ верстъ до столицы. Войски расположились на Воробьевыхъ горахъ въ боевую позицію; по линіи фронта построены были редуты, и потому ожидали, что и тутъ произойдетъ рѣшительная битва, ужаснѣе Бородинской. Златоверхая Москва разстилалась вдали, по всему горизонту, передъ нашими взорами, на необозримое пространство, и, казалось, вопіяла къ сынамъ своимъ защитить ея неприкосновенность.

Одинъ видъ этой прекрасной и древней столицы Русскаго Царства, въ состояніи былъ вдохнуть въ воиновъ отчаянное мужество, для ея защиты. Смотря на ихъ мрачныя лица, казалось, что каждый готовъ былъ умереть защищая родимое, въ чемъ заключалась послѣдняя слава и величіе Русскаго народа. Но обстоятельства готовили вовсе иное, неожиданное.

Среди общаго волненія духа и мыслей, на краю гибели отечества, никто не оставался безъ участія. Товарищи мои, и всѣ офицеры, были задумчивы; отъ рѣдкаго изъ нихъ можно было добиться слова; кто что чувствовалъ, не могъ выразить. Командиръ нашей роты, Капитанъ Фигнеръ, часто, и болѣе всѣхъ, предаваясь мрачному молчанію, не слышалъ того, о чемъ ему доносили по службѣ; онъ только разъѣзжалъ верхомъ для разсѣянія, и предоставилъ мнѣ попеченіе о ротѣ.

Впечатлѣнія при видѣ погибающей столицы, и ненависть къ врагу отечества, столь сильно потревожили и мое воображеніе, разгоряченное послѣдствіями контузіи въ голову, что я къ утру видѣлъ подлинно патріотическій сонъ. Мнѣ представилось, что какимъ-то случаемъ я очутился въ непріятельскомъ лагерѣ, переодѣтый какъ Французъ, для того, что-

доступъ до него былъ труденъ; какъ милостиво выслушалъ военное замѣчаніе, поблагодарилъ его, обласкалъ и обѣщалъ употребить *для важнаго дѣла.* Фигнеръ говорилъ, что болѣе всѣхъ способствовалъ ему доступить къ Фельдмаршалу Начальникъ его Штаба, Алексѣй Петровичъ Ермоловъ. Фигнеръ съ особеннымъ чувствомъ превозносилъ этого Генерала, и называлъ его — *щитомъ отечества.*

Въ ночь съ 1-го на 2-е Сентября тронулись всѣ войски. Подъ видомъ того, чтобы не позволить непріятелямъ обойдти насъ съ фланговъ, приказано было идти черезъ Москву. Нашъ 4-й Корпусъ, уже съ разсвѣтомъ дня, послѣдній шелъ къ городу за другими. Арріергардъ, подъ начальствомъ Генерала Милорадовича, оставался на мѣстѣ, для встрѣчи Французовъ. Отступленіе наше производилось въ строгомъ порядкѣ и въ унылой тишинѣ. Приближаясь къ осиротѣвшей столицѣ, матери городовъ Русскихъ, воины съ сокрушенными сердцами взирали на великолѣпныя зданія, оставляемыя врагу: Пашкова домъ, особенной архитектуры, многіе другіе огромные и красивые домы, наконецъ Кремль съ готическими башнями, съ высокими палатами древнихъ Царей Русскихъ, и съ златоглавымъ Иваномъ-Великимъ, безмолвными сви-

бы убить Наполеона, и что у меня въ кармане заряженные пистолеты. Я пришелъ въ одинъ редутъ на батарею, и увидѣлъ Генерала съ зрительною трубою, наклонившагося на валъ и высматривающаго положеніе нашей арміи. Стоявшіе вокругъ офицеры, своею почтительностію къ нему, удостовѣрили меня, что это былъ самъ Наполеонъ. Я тотчасъ вынимаю изъ кармана пистолетъ, и дѣлаю по Генералу выстрѣлъ съ боку: пуля пробиваетъ ему грудь; онъ, упадая навзничь, оборачивается ко мнѣ лицомъ, и я, о горе! вижу, что убилъ не Наполеона; вскрикиваю: «Ахъ, это Мюратъ!....» Окружающіе меня схватили, и конечно-бы самого разстрѣляли, если-бъ я не успѣлъ — проснуться.

Фигнеръ, по утру 1-го Сентября, куда-то ѣздилъ; по прибытіи его къ ротѣ, около полудни, я разсказалъ ему свой сонъ. Онъ усмѣхнулся, и между прочимъ отвѣчалъ, что самъ видѣлъ во снѣ точно подобное этому. Потомъ разсказывалъ, что, для успокоенія встревоженныхъ мыслей, онъ ѣздилъ по утру въ Москву — молиться. Фигнеръ казался довольно набожнымъ; у него на груди, подъ мундиромъ, всегда висѣлъ образъ Св. Николая Чудотворца. Мундиръ онъ носилъ изъ толстаго солдатскаго сукна, съ Георгіемъ въ петлицѣ: этотъ

орденъ получилъ онъ за свои подвиги въ Молдавіи, подъ Рущукомъ. Голова на этотъ разъ у него была нечесана, борода небрита; онъ походилъ болѣе на простаго, отчаяннаго солдата. Будучи въ такомъ видѣ, Фигнеръ молился въ пустой церкви, съ большимъ усердіемъ. Находившійся тамъ дьячекъ, видя служиваго, на колѣнахъ предъ Чудотворцемъ Николаемъ, проливающаго съ молитвою слезы, и не понимая о чемъ онъ плачетъ, подошелъ къ Фигнеру и сказалъ жалостливо: «Видно ты, служивый, терпишь большую нужду; на, прими малую толику!» — Онъ подалъ ему гривну мѣдью. Фигнеръ, помолившись, всталъ, посмотрѣлъ на дьячка, вынулъ изъ кармана серебряный рубль и подалъ ему, сказавши: «На, прими большую толику!» — потомъ сѣлъ на лошадь, и ускакалъ. Пораженный, аки громомъ, такою щедростію отъ бѣднаго служиваго, дьячекъ не понималъ чудесъ, совершающихся предъ его очами.

Фигнеръ разсказывалъ, что, послѣ молитвы, онъ ѣздилъ по всей боевой позиціи нашей, и замѣтилъ опять слабость лѣваго фланга ея, такъ-же какъ было при Бородинѣ. Объ этомъ онъ тотчасъ написалъ свое мнѣніе, и хотѣлъ въ полдень ѣхать съ нимъ къ Фельдмаршалу, дабы обнару-

жить ему то, что можетъ быть (думалъ Фигнеръ) отъ него скрывали. Онъ объяснилъ въ своемъ замѣчаніи, что во всѣхъ боевыхъ позиціяхъ прошедшихъ кампаній, слабость лѣвыхъ фланговъ нашихъ армій всегда заставляла непріятеля устремлять на нихъ главныя свои силы, и чрезъ то досшигать вѣрной побѣды. Переписавши на бѣло свое военное замѣчаніе, Фигнеръ выбрился, пригладилъ голову и поѣхалъ въ главную квартиру. Онъ былъ тогда въ какомъ-то энтузіазмѣ.

Между тѣмъ въ главной квартирѣ составился военный совѣтъ изъ всѣхъ старшихъ Генераловъ, и Фельдмаршалъ рѣшилъ войскамъ ретироваться, а Москву оставить непріятелю — для его погибели. Отдать безъ боя древнюю столицу Имперіи, могъ только одинъ Фельдмаршалъ Князь Кутузовъ, какъ истинный сынъ Россіи, вскормленный ея сосцами; всякой другой полководецъ, въ народномъ мнѣніи былъ-бы признанъ за эту жертву явнымъ измѣнникомъ. Такъ, для спасенія цѣлой націи, великая жертва позволительна, если она предложена отъ перваго, избраннаго защитника.

Ввечеру Фигнеръ возвратился въ лагерь, и съ удовольствіемъ разсказывалъ, какъ ласково принялъ его Фельдмаршалъ, хотя

доступъ до него былъ труденъ; какъ милостиво выслушалъ военное замѣчаніе, поблагодарилъ его, обласкалъ и обѣщалъ употребить *для важнаго дѣла*. Фигнеръ говорилъ, что болѣе всѣхъ способствовалъ ему доступить къ Фельдмаршалу Начальникъ его Штаба, Алексѣй Петровичъ Ермоловъ. Фигнеръ съ особеннымъ чувствомъ превозносилъ этого Генерала, и называлъ его — *щитомъ отечества*.

Въ ночь съ 1-го на 2-е Сентября тронулись всѣ войски. Подъ видомъ того, чтобы не позволить непріятелямъ обойдти насъ съ фланговъ, приказано было идти черезъ Москву. Нашъ 4-й Корпусъ, уже съ разсвѣтомъ дня, послѣдній шелъ къ городу за другими. Арріергардъ, подъ начальствомъ Генерала Милорадовича, оставался на мѣстѣ, для встрѣчи Французовъ. Отступленіе наше производилось въ строгомъ порядкѣ и въ унылой тишинѣ. Приближаясь къ осиротѣвшей столицѣ, матери городовъ Русскихъ, воины съ сокрушенными сердцами взирали на великолѣпныя зданія, оставляемыя врагу: Пашкова домъ, особенной архитектуры, многіе другіе огромные и красивые домы, наконецъ Кремль съ готическими башнями, съ высокими палатами древнихъ Царей Русскихъ, и съ златоглавымъ Иваномъ-Великимъ, безмолвными сви-

дѣтелями предстоящихъ бѣдствій — все это оставлялось въ жертву непріятелю! И тысячи Рускихъ бѣгутъ отъ него съ оружіемъ въ рукахъ! Столь скорбныя мысли приводили насъ въ неописанную горесть, и, стѣсняя грудь, исторгали слезы. Несчастные жители своимъ отчаяніемъ увеличивали общую горесть. Священники передъ церквами, въ полномъ облаченіи, благословляли Св. Крестомъ и кропили Св. водою проходящихъ мимо солдатъ, освѣжая тѣмъ упадшій духъ. На каждомъ шагу представлялись горестныя явленія: жены, старцы, дѣти плакали и выли, не зная куда дѣваться. Иные выбѣгали изъ домовъ блѣдные, отчаянные, и суетились не понимая о чемъ: все въ глазахъ ихъ разрушалось и казалось, съ приближеніемъ Антихриста, свѣтопреставленіемъ.... Мужественнѣйшіе воины содрогались, взирая на такія явленія въ погибающей столицѣ своего отечества. Общее движеніе, шумъ проходящихъ, мракъ осенняго дня, и страшная мысль о приближеніи непріятеля, были предзнаменованіями всѣхъ ужасовъ разрушенія Москвы.

Солдаты шли уныло въ рядахъ, Генералы и офицеры по своимъ мѣстамъ. Во время перехода войскъ по набережной, между Кремлевскою стѣною и рѣкою, у Каменнаго моста, для наблюденія за поряд-

комъ марша, стоялъ Главнокомандующій 1-ю арміею.

Мы прошли за Кремль, внутрь города, и всюду видѣли горе, плачъ, отчаяніе. Офицеры стали сходиться вмѣстѣ для бесѣды о предстоящемъ, которое для всѣхъ было чрезвычайно непонятно; тутъ и рядовые, подъ предлогомъ напиться водицы, ускользали въ ближайшія лавочки, домы и погреба, открытые, какъ будто для угощенія проходящихъ: тамъ-то прощались они съ матушкой Москвою....

Передъ заставою, мы вышли на большую, широкую улицу, заставленную въ нѣсколько рядовъ обозами: коляски, брички, тѣлеги ѣхали, вмѣстѣ съ артиллеріею, по обѣ стороны. Тутъ представлялась странная смѣсь всякаго званія людей и экипажей; повозки были наполнены сундуками, узлами и перинами, на которыхъ сидѣли служанки, а лакеи, сзади повозокъ, вели лошадей и борзыхъ собакъ. Казалось, всякой въ торопяхъ забиралъ только одни любимые предметы, для спасенія изъ города. Иныя повозки вытѣсняли одна другую изъ рядовъ. Фигнеръ позволилъ многимъ изъ нихъ пристать къ своей артиллеріи, до самаго выѣзда. Пѣхота отъ насъ отдалилась, и проходила городъ окольными улицами. За заставою, вся дорога и поле были усѣяны

разнаго рода экипажами, людьми, лошадьми, собаками: всѣ спѣшили, въ одномъ направленіи съ войсками, по Рязанской дорогѣ. Версты за три, жители стали отъ насъ отдѣляться, и мало по малу разсѣялись по проселочнымъ дорогамъ.

Къ вечеру отошли мы отъ Москвы до сел. Панки (15 верстъ) и увидѣли въ городѣ пожаръ: это было только начало. Черезъ ночь пожаръ усилился, и по утру, 3-го Сентября, уже большая часть горизонта надъ городомъ означилась пламенемъ: огненныя волны восходили до небесъ, а черный густой дымъ, клубясь по небосклону, разстилался до насъ. Тогда всѣ мы невольно содрогнулись отъ удивленія и ужаса. Суевѣрные, не постигая что̀ совершается предъ ихъ глазами, думали уже, съ паденіемъ Москвы, видѣть паденіе Россіи, торжество Антихриста, потомъ скорое явленіе страшнаго суда и кончину свѣта. Мѣсто удивленія заступило негодованіе: «Вотъ тебѣ и златоглавая Москва! Кра«суйся, матушка, Русская столица!» говорили солдаты съ большою досадою. Ввечеру, когда смерклось, Фигнеръ подъѣхалъ ко мнѣ и сказалъ: «Ну, братъ Илья! «прощай! ѣду въ Москву. Если черезъ не«дѣлю не возвращусь, то не считай въ «живыхъ. Я просилъ Генерала Ермолова,

«чтобъ ты остался безъ меня командо«вать ротою,» — пожалъ руку и скрылся. Эти слова изумили меня не менѣе Московскаго пожара: «ѣду въ Москву, черезъ недѣлю не считай въ живыхъ» — были страшною загадкою.

Послѣ роздыха 3-го Сентября, въ слѣдующій день тронулись мы въ походъ по Рязанской дорогѣ. Пламя горящей столицы разливалось по небу, и клубящійся дымъ взвивался высоко, образуя густыя, черныя облака. Погода была пасмурная, холодная и влажная, соотвѣтствующая обстоятельствамъ.

На этомъ переходѣ случай доставилъ мнѣ честь говорить съ самимъ Фельдмаршаломъ Княземъ Кутузовымъ. Я съ артиллеріею долженъ былъ переходить, проселочною дорогою, черезъ одну рѣчку, по весьма слабому мосту, который расшатался отъ прошедшей по немъ пѣхоты и артиллеріи. Осмотрѣвши его съ крутыхъ береговъ, я замѣтилъ опасность, и, никакъ не рѣшаясь пройдти по немъ съ своими пушками, воротился на большую дорогу, чтобы, хотя нѣсколько далѣе, въ обходъ, но перейдти безопаснѣе. Мое обратное слѣдованіе съ ротою артиллеріи замѣтилъ Фельдмаршалъ, ѣхавшій въ крытой колясκѣ, подозвалъ меня къ себѣ и спросилъ, что это значитъ?

Я отвѣчалъ ему; тогда онъ приказалъ, одному изъ находившихся при немъ колонновожатыхъ, провести артиллерію удобнѣйшею и ближайшею къ нашей дивизіи дорогою, по которой далъ направленіе и прочимъ обозамъ. Говоря съ Княземъ, я видѣлъ его важное и спокойное лицо; казалось, онъ былъ въ полномъ увѣреніи о предстоящемъ переворотѣ судьбы непріятелей, и ожидалъ только успѣха, долженствующаго увѣнчать его мудрыя предпріятія для спасенія отечества.

За рѣчкою я примкнулъ къ своей пѣхотѣ. Мы проходили мимо одной великолѣпной мызы и села, на Москвѣ рѣкѣ лежащихъ. Все было тутъ пусто и оставлено на произволъ проходившихъ. Артиллеріи пришлось идти черезъ садъ, мимо длинной оранжереи, наполненной лимонными и померанцевыми деревьями, почти съ зрѣлыми плодами. Я прогулялся по ней, среди разнообразной зелени, и съ сожалѣніемъ видѣлъ много кадокъ и горшковъ опрокинутыхъ, деревьевъ поломанныхъ, и стеколъ выбитыхъ. Такъ война истребляла въ самыхъ нѣдрахъ отечества произведенія изящныхъ затѣй.

Переходъ былъ не болѣе 15 верстъ. Мы перешли Москву рѣку у Боровскаго перевоза, по мосту, и расположились въ бое-

вомъ порядкѣ на высотахъ известковаго берега. Съ этихъ холмовъ ясно представлялась намъ картина пылающей со всѣхъ сторонъ столицы. Только что расположились мы на бивакахъ, какъ вдругъ раздался ужасный взрывъ пороховаго погреба въ городѣ: этотъ ударъ потрясъ всѣ окрестности, и эхо страшнымъ грохотомъ передало его во всѣ концы горизонта. Во мнѣ тотчасъ мелькнула мысль о Фигнерѣ, и его прощаньѣ....

Продолжая отступленіе, 5-го Сентября мы вдругъ поворотили на право, къ юго-западу, и пошли по р. Пахрѣ, мимо Никитска; для ночлега остановились противъ Фроловскаго яма.

Слѣдуя далѣе по Пахрѣ, 6-го Сентября стали противъ города Подольска. Генералы заняли квартиры въ городѣ, а войски за нимъ, въ верстѣ разстоянія, расположились бивааками, по обѣимъ сторонамъ дороги. Уже время года было осеннее, земля влажная, обнаженная; покуда солдаты успѣвали построить кой-какіе шалаши и добыть дровъ, офицеры довольно зябли. Впрочемъ хлѣба, мяса, водки и овса у насъ было достаточно; передъ Москвою намъ вволю всего надавали; только для лошадей трудно было найдти сѣна. Въ Подольскомъ Казначействѣ, къ нашей не-

большой отрадѣ, оставалась какая-то тяжелая казна мѣдныхъ денегъ, съ которою, въ настоящей опасности, не знали что дѣлать, а потому заблагоразсудили раздать ее войскамъ. Отъ каждаго полка и артиллерійской роты потребовали команды для принятія денегъ, сколько приходилось кому по разсчету; въ томъ числѣ и ко мнѣ въ роту принесли что̀ слѣдовало, пятаками. На походѣ отъ самой Вильны, мы поистратились деньжонками, и задолжали маркитантамъ; прилива-же никакого не имѣли, и даже думали, что, потерявши Москву, вовсе не будемъ получать жалованья, а потому этотъ скудный даръ былъ намъ весьма кстати.

Между тѣмъ шесть дней и шесть ночей Москва умирала, превращаясь въ пепелъ. Пламень ея разрушенія сдѣлалъ неизгладимое впечатлѣніе въ умахъ и чувствахъ не однихъ сыновъ Россіи, но и въ непріятеляхъ. Ея гибель потрясла не только Россію, но и всю Европу — даже отразилась по всѣмъ странамъ свѣта, ибо съ минуты ея превращенія въ пепелъ, постепенно стали являться перевороты въ политическомъ мірѣ обоихъ материковъ свѣта. Такъ въ шестой день исчезло то, что̀ расло и процвѣтало шесть вѣковъ. Легли въ прахъ златоверхіе храмы, гордо

возвышавшіеся къ небесамъ; легли въ прахъ произведенія изящной архитектуры, предметы наукъ и художествъ; легли въ прахъ всѣ радости и наслажденія роскошной жизни. Только Кремль съ башнями еще остался, чтобъ быть свидѣтелемъ всѣхъ ужасовъ, и передать потомству событіе. Пожаръ Москвы есть происшествіе знаменитое въ Исторіи міра, и славнѣйшая катастрофа въ Исторіи Россіи. Подобное едва - ли можно найдти въ отдаленной древности минувшихъ вѣковъ; новѣйшія времена, съ успѣхами просвѣщенія, смягчившаго суровость нравовъ, не представляютъ примѣра столь чрезвычайной жертвы патріотизма. И тотъ, кто первый внесъ искру всесожженія въ столицу, или былъ главною причиною этой достославной жертвы любви къ отечеству, тотъ истинно былъ Рускій духомъ и сердцемъ. Слава его имени возрастетъ съ отдаленіемъ вѣковъ, въ преданіяхъ потомства.

7-го Сентября отошли мы недалеко, и стали на биваки за лѣсомъ. Главная квартира Фельдмаршала перешла въ село Красную-Пахру.

Легкія орудія артиллеріи снова размѣстили по полкамъ. Мнѣ, съ 4-мя пушками, досталось быть въ Перновскомъ полку; но какъ, въ отсутствіе Фигнера, я оста-

вался командующимъ ротою, то и дол-женъ былъ находиться вездѣ при другихъ орудіяхъ, въ полкахъ Елецкомъ и Полоц-комъ.

Не понимая флангового марша, и не ви-дя предъ собою непріятелей, всѣ думали, что конечно идутъ переговоры о мирѣ; да-же носились слухи, будто-бы Россійское Правительство уступаетъ Наполеону всѣ пройденныя имъ губерніи до Днѣпра, съ го-родомъ Смоленскомъ, и сверхъ того даетъ вспомогательный Корпусъ войскъ, для ис-требленія въ Индіи Англійскихъ владѣній. По этимъ-ли слухамъ, или потому, что дымящаяся въ пеплѣ Москва все еще на-ходилась передъ глазами нашими, только общее негодованіе въ войскѣ и патріоти-ческій ропотъ въ рядахъ воиновъ увеличи-лись до того, что заставили обратить на себя вниманіе главнаго Начальства.

Для успокоенія сыновъ Россіи, огорчен-ныхъ потерею столицы, тотъ, на кого болѣе обращалось это негодованіе, какъ на производителя безконечной ретирады и причину несмѣтныхъ потерь, рѣшился явиться самъ передъ войсками, съ спокой-нымъ челомъ, увѣренный въ правотѣ своей. Кто знаетъ Русскаго солдата, тотъ знаетъ также, что одно доброе слово отъ на-чальника внушаетъ въ него довѣріе, и воз-

вышаетъ упадшій его духъ. Такъ Главно командующій 1-ю арміею Барклай-де-Толли ѣздилъ по линіямъ войскъ, и, останавливаясь передъ каждымъ полкомъ, говорилъ краткую, но сильную и ободрительную рѣчь. Въ это время я случился при Елецкомъ полку, съ артиллеріею, когда почтенный Генералъ, одинъ, безъ знаковъ отличія, въ скромномъ мундирѣ, явился передъ воинами, и, остановясь близко къ нимъ, говорилъ достопамятную рѣчь такого содержанія: « Храбрые воины! вѣрные « сыны Россіи! Я вижу уныніе на лицахъ « вашихъ, выражающихъ печаль сердца, « слышу патріотическій гласъ негодованія. « Настоящее событіе, конечно, прискорб- « но для каждаго Рускаго, но оно еще не « есть конецъ начатаго дѣла. Часто, сре- « ди крайностей, требуются великія жер- « твы для спасительныхъ послѣдствій. « Вспомните, какъ Государь Петръ I-й на- « ходился нѣкогда въ подобныхъ нашимъ « обстоятельствахъ; вспомните, какъ онъ « завелъ врага своего подъ Полтаву, и тамъ « погубилъ его. Мы, съ помощію Божіею « и съ вашимъ мужествомъ, надѣемся то- « же сдѣлать, если только вы съ терпѣні- « емъ и кротостію предадитесь волѣ пу- « теводителей своихъ, которые ведутъ « васъ для спасенія отечества и для себ-

«ственной вашей славы. Правда, столица «наша превращена въ пепелъ; но знайте, «что изъ пепла сего возрождается гибель «врагу и всей его силѣ: скоро почув«ствуетъ онъ истребленіе. Уже войски «его, изнуренныя нуждою и трудами даль«няго похода, войски до половины ва«ми побитыя, потеряли устройство и «бодрость: они представляютъ не что «болѣе, какъ толпу бродягъ, алчущихъ «добычи и пропитанія. Скоро увидите «вы передъ глазами своими погибель но«ваго Карла XII-го; скоро онъ побѣжитъ «отъ васъ быстрѣе молніи, но не выне«сетъ костей своихъ изъ Царства Рус«скаго, и прахъ его развѣется подъ сто«пами вашими!» — Послѣднія слова были сказаны съ выразительностію, и съ жаромъ, который перелился въ сердца слушателей.

Такимъ образомъ почтенный вождь говорилъ передъ каждымъ полкомъ—и примирился съ воинами. Рѣчь его еще болѣе возымѣла дѣйствія, когда онъ, въ каждомъ полку, по нѣскольку отличныхъ рядовыхъ произвелъ въ унтеръ-офицеры, и раздалъ по нѣскольку знаковъ отличія военнаго ордена Св. Георгія за храбрость. Въ одномъ Елецкомъ полку онъ произвелъ 20 человѣкъ солдатъ въ унтеръ-офицеры. Послѣ

этого всѣ ободрились. Старые усачи припоминали преданія отцовъ своихъ, какъ подлинно Шведъ былъ разбитъ на голову подъ Полтавою, и надѣялись, что съ Наполеономъ Карловичемъ то-же можетъ случиться, ежели сами постоятъ грудью до послѣдней капли крови, и предадутся совершенно во власть начальниковъ. Уже не стали горевать о Москвѣ, говоря, что Царь де нашъ изъ каждаго городка можетъ поставить столицу, такъ-же какъ Петръ Великій изъ болота вывелъ Питеръ.— Къ вечеру, во всѣхъ полкахъ заиграла музыка духовая и роговая: вездѣ запѣли пѣсни, и воинское веселье опять разлилось по старому. Тихая погода, пріятное зарево заходящаго солнца по чистому небосклону, отголоски музыки, повторяемые эхомъ изъ лѣса, который закрывалъ передъ нами дымъ курящейся подъ пепломъ Москвы; утѣшительныя бесѣды, утѣшительная надежда на будущее, полная довѣренность къ распоряженіямъ Фельдмаршала: все это вмѣстѣ романически услаждало сердце каждаго воина. Въ продолженіе цѣлаго похода, никогда я не имѣлъ столь пріятныхъ ощущеній.

Фельдмаршалъ, сдѣлавши съ войсками поворотъ на Тульскую дорогу, вдругъ перемѣнилъ отступательное движеніе въ угрожа-

ющее непріятельскому тылу. Онъ предоставилъ Французамъ идти въ сѣверныя губерніи, но, обратившись самъ къ югу, прикрылъ свое сообщеніе съ арміями Тормасова и Чичагова. Еще болѣе онъ тѣмъ охранилъ южныя плодородныя губерніи, которыя доставляли ему всѣ способы къ продолженію войны безъ нужды. Такимъ образомъ, искусный полководецъ нашъ, однимъ простымъ оборотомъ, доставилъ Русской арміи большія выгоды предъ непріятелемъ, и разстроилъ, привелъ въ замѣшательство всю стратегію своего антагониста. Кто не признаетъ превосходства воинскихъ соображеній Русскаго Фабія? Какой сынъ Россіи съ благоговѣніемъ въ сердцѣ не почтетъ его спасителемъ отечества?

Послѣ совершившихся событій, и простой воинъ не можетъ надивиться ошибкамъ великаго Наполеона, ослѣпленнаго счастіемъ. Казалось, мысли его столько были заняты Москвою, что онъ потерялъ изъ вида всѣ правила Военнаго Искуства. Первая ошибка его была та, что оставивъ базисъ своихъ дѣйствій, онъ выскочилъ изъ средины его отъ Смоленска, прямою линіею на 300 верстъ къ Москвѣ — зажигательному фокусу своихъ бѣдствій; вторая ошибка была та, что при Бородинѣ слишкомъ

увлекся онъ кровопролитіемъ въ битвѣ, и упустилъ изъ вида устремиться всѣми силами по старой Смоленской дорогѣ. Третья ошибка та, что онъ погнался цѣлою арміею за нами къ Москвѣ. Онъ могъ-бы пустить по большой дорогѣ одну кавалерію, съ однимъ Корпусомъ пѣхоты, а самъ со всѣми прочими обратиться чрезъ Верею и Боровскъ, чтобы, слѣдуя боковымъ движеніемъ, на лѣвомъ флангѣ нашего отступленія, подкрѣпить свои войски жизненными потребностями изъ южныхъ губерній. Тогда онъ отдѣлилъ-бы сообщеніе нашей арміи съ Тормасовымъ и Чичаговымъ. Занявши прежде насъ южныя губерніи, онъ могъ-бы также, хотя нѣсколькими днями позже, овладѣть Москвою, ибо, по обширности ея, наша девяносто-тысячная армія не въ состояніи-бъ была защитить ее противъ ста пятидесяти тысячь. Тогда мы, точно, должны-бъ были идти къ Владиміру или къ Ярославлю.

Фельдмаршалъ Князь Кутузовъ конечно былъ весьма увѣренъ въ ослѣпленіи своего противника, ибо не почелъ за нужное принять мѣръ для защиты дороги на Верею, при отступленіи своемъ отъ Можайска. Онъ также могъ-бы, для приманки Наполеона къ Москвѣ, оставить одну кавалерію съ Корпусомъ пѣхоты, а самъ, обра-

тясь къ южнымъ губерніямъ, защитить ихъ благовременно; но такое движеніе не могло-бы укрыться отъ Наполеона; онъ догадался-бы, для какой цѣли оно производится, и тогда успѣлъ-бы не только овладѣть Москвою, но и перемѣнить вовсе планъ дѣйствій, потерявъ надежду на миръ. Фельдмаршалъ могъ предвидѣть эту опасность, а потому, кажется, почелъ за лучшее не выводить врага своего изъ ослѣпленія до самой Москвы, откуда внезапнымъ поворотомъ вдругъ привелъ его въ изумленіе и замѣшательство.

8-го Сентября продолжали мы въ данномъ направленіи обходить Москву, отъ Тульской дороги до Калужской. Тутъ уже всѣ стали разумѣть, что идутъ въ тылъ непріятелю; каждый удвоивалъ шаги, желая застать его врасплохъ, и солдаты сожалѣли, что переходы были не большіе.

10-го числа войски вошли въ боевую позицію при Красной-Пахрѣ, и простояли тутъ до 13-го числа спокойно, отдыхая въ полной безпечности. Будучи увѣрены въ недоумѣніи непріятеля, всѣ ожидали важныхъ послѣдствій отъ благоразумныхъ распоряженій Фельдмаршала. Скоро явились первые успѣхи: ежедневно стали приводить къ намъ по 200 и по 300 плѣнныхъ Французскихъ мародёровъ, которыхъ

Казаки находили въ ближайшихъ селеніяхъ. Между плѣнными были и гвардейцы, рослые молодцы, и офицеры въ щегольскихъ мундирахъ. Пріятно было видѣть, какъ безъ кровопролитія доставались намъ цѣлыя партіи тѣхъ страшныхъ враговъ, отъ которыхъ, до этого времени, мы безпрестанно уходили. Казалось, уже геній мщенія взлетѣлъ изъ пепла сожженной Москвы, и началъ совершать гибель ея убійцамъ.

Въ три дни, при арміи нашей набралось болѣе тысячи плѣнныхъ. Ихъ содержали за лагеремъ, обезоруженныхъ, оставляя въ присвоенной каждому одеждѣ. Любопытно было видѣть ихъ въ разнокалиберныхъ мундирахъ: голубой гусаръ стоялъ возлѣ малиноваго улана; длинный кирасиръ, въ рыцарскомъ шишакѣ, величался подлѣ тощаго Италіянскаго стрѣлка; гвардейскій артиллеристъ, въ куней шапкѣ, глядѣлъ съ презрѣніемъ на малорослаго Вестфальца; Французъ съ Голландцемъ, Испанецъ съ Полякомъ, Баварецъ съ Итальянцемъ, представляли странную смѣсь Европейскихъ націй въ одной толпѣ. Сами они дивились своему стеченію; многіе не понимали другъ друга, какъ при Вавилонскомъ столпотвореніи, и только нѣкоторыя слова языка господствующей націи давали разу-

мѣть имъ, что всѣ они суть сподвижники одного генія истребителя. Въ полдень имъ раздавали суточную порцію пропитанія. Иные, будучи еще не голодны, принимали нехотя этотъ скудный даръ; иные, съ униженною гордостію, чувствуя свое бѣдствіе, покорялись необходимости; одни, проголодавшись, по естественному побужденію, для сохраненія жизни, тутъ-же языкомъ вбирали въ ротъ и глотали сухую муку; другіе завертывали ее въ тряпки, какъ драгоцѣнность, или пекли въ горячей золѣ лепешки. Плѣнные, имѣя на себѣ мундиры, воображали еще свое воинское бытіе; но принимая горсть муки, какъ даръ отъ непріятеля, для продолженія жизни, съ стыдомъ видѣли ничтожную существенность. Многіе изъ нихъ имѣли у себя разныя вещи, бронзовыя и серебряныя, награбленныя ими въ Москвѣ, какъ-то перстеньки, серьги, колечки и прочее. Они торговали ими, и добрые солдаты наши вымѣнивали на хлѣбъ и сухари, или покупали за деньги то, что могли-бы отнять отъ грабителей, какъ имъ не принадлежащее.

Между тѣмъ получено было въ лагерѣ пріятное извѣстіе, что Генералъ Дороховъ, посланный съ отрядомъ на Можайскую дорогу, въ тылъ непріятелю, взялъ

нѣсколько тысячь плѣнныхъ, сжегъ паркъ, перехватилъ почту, курьеровъ, и отбилъ восемь пудъ награбленнаго серебра, отправленнаго изъ Москвы къ Смоленску.

Французы, занятые Москвою, ея пожаромъ, грабежемъ и раздѣломъ добычи, казалось, забыли объ насъ, или, ослѣпленные мнимою побѣдою, съ торжествомъ ожидали заключенія мира; они не прежде образумились, какъ уже по истлѣніи Москвы. Не видя отъ насъ никакихъ депутатовъ, которые-бы просили съ покорностію пощады, они бросились по всѣмъ дорогамъ отыскивать нашу армію. Къ удивленію своему, Французы столкнулись съ нею почти въ тылу у себя, передъ Красною-Пахрою.

13-го Сентября непріятели вышли изъ города Подольска, по направленію во флангъ боевой позиціи нашей арміи. Чтобы не дать имъ выйдти на Тульскую дорогу, и прикрыть правый флангъ свой, Фельдмаршалъ, по полудни въ 3 часа, отрядилъ 4-й пѣхотный Корпусъ, со 2-мъ кавалерійскимъ, подъ командою Графа Остермана-Толстаго, къ Подольску. Едва успѣли мы пройдти верстъ 15, какъ встрѣтились съ непріятелемъ, съ которымъ уже давно не видались. Французы, увидѣвши насъ, подвинулись къ намъ версты на 4 ближе.

Мы свертывали и развертывали колонны, и, маневрируя, въ боевомъ порядкѣ отступали въ виду ихъ, безъ выстрѣла; остановились-же для ночлега не доходя сел. Александрова.

На другой день войски перемѣняли боевыя позиціи и, маневрируя, отступили до вечера не болѣе 8 верстъ, также безъ выстрѣла. Непріятель, казалось, не зналъ въ точности нашихъ силъ, былъ осторожень, маневрируя также за нами, постепенно приближался, и къ ночи остановился, верстахъ въ 3-хъ отъ насъ. Между тѣмъ главная квартира нашей арміи, отъ Красной-Пахры, отступила по Калужской дорогѣ къ д. Бабенковой.

15-го Сентября, по утру, нашъ отрядъ сталъ отступать, и пройдя верстъ 5, занялъ позицію близъ с. Нѣмчинина: пѣхота съ артиллеріею расположились по опушкѣ лѣса. Впереди насъ простиралась небольшая долина, закрытая лѣсомъ. Правѣе, передъ с. Сашинымъ, находилась дивизія Генерала Паскевича, а влѣво отъ насъ, по Калужской дорогѣ, былъ арріергардъ арміи, подъ начальствомъ Генерала Милорадовича, отъ котораго, такъ-же какъ и отъ дивизіи Паскевича, мы отдѣлялись лѣсомъ на небольшое пространство. Впереди нашего фронта были разсѣяны Башкирцы

съ частію драгуновъ; они выманивали непріятельскихъ фланкёровъ изъ лѣса, за которымъ силы его отъ насъ скрывались. Погода была пасмурная и влажная, но деревья еще оставались въ зелени. Въ 4 часа по полудни показались изъ лѣса непріятельскія колонны противъ праваго фланга нашей линіи, и тогда фланкёры начали игру свою. Мы любовались особенно уловками и хитростію Башкирцевъ, которые въ ушастыхъ шапкахъ своихъ, бросая стрѣлы, какъ Амуръ, увивались около манежныхъ шассёровъ Французскихъ, настигали ихъ, уходили, и заманивали къ засадамъ; потомъ снова стекались въ толпу, нападали съ визгомъ, и опять разсыпались. Графъ Остерманъ-Толстой, укутанный въ бурку, съ грознымъ лицомъ стоялъ на флангѣ при моихъ пушкахъ, ожидая рѣшительнаго движенія непріятелей, и, казалось, негодуя на его медлительность. Фланкёры съ Башкирами продолжали шутить до самаго вечера, безъ урона съ обѣихъ сторонъ. Между тѣмъ, вправо слышна была канонада: тамъ непріятель тѣснилъ дивизію Генерала Паскевича. Въ 4-хъ верстахъ впереди, лѣвѣе противъ насъ, ночевалъ Корпусъ Князя Понятовскаго. Нигдѣ ночью непріятели не показывали огней своихъ; по всему вид-

но было, что они наблюдали крайнюю осторожность.

Въ слѣдующій день прошли мы только 3 версты, ведя за собою Французовъ; къ вечеру перешли рѣчку Мочу, при дер. Окуловой, и отодвинулись еще версты двѣ, приближаясь все къ Калужской дорогѣ на село Вороново. Тутъ, по опушкѣ лѣса, заняли мы опять довольно выгодную позицію. Противъ линіи, къ правому флангу, простирался лѣсъ, который занимали егери и драгуны; лѣвымъ флангомъ сближались мы съ арріергардомъ Генерала Милорадовича, а къ правому у насъ примыкала дивизія Паскевича.

17-го Сентября оставались въ томъ-же положеніи. На лѣвомъ флангѣ нашемъ, въ арріергардѣ главной арміи, слышали мы сильную канонаду; тамъ происходила порядочная сшибка. Въ то время, какъ кавалерія Короля Неаполитанскаго занималась съ нашимъ отрядомъ, Князь Понятовскій съ своимъ Корпусомъ шелъ къ селу Воронову, и встрѣтился тамъ съ Генераломъ Милорадовичемъ, который разбилъ его.

Въ отрядѣ нашемъ до полудни было спокойно. Уже передъ вечеромъ, въ 4 часа, непріятель сталъ развертывать свои колонны по ту сторону возвышеннаго бе-

рега р. Мочи. Цѣлый часъ разсматривалъ онъ насъ, ничего не предпринимая; потомъ началъ спускать черезъ рѣчку на нашу сторону, въ долину, сперва полвзвода кавалеріи; потомъ взводъ, эскадронъ, и такъ далѣе всею массою, не подкрѣпивъ этого движенія артиллеріею. Мы позволили имъ приблизиться сажень на 200 въ добромъ порядкѣ, потомъ вдругъ изъ всѣхъ батарей съ линіи пустили ядрами и гранатами, такъ что въ нѣсколько минутъ разстроили всю тактику кавалеріи, которая мигомъ улетѣла за рѣчку, и тѣмъ насъ довольно потѣшила. Послѣ этого Французы ничего не затѣвали, и мы спокойно оставались на мѣстѣ до слѣдующаго дня.

Разсказывали, что въ то время, какъ непріятельская кавалерія передъ нами парадировала, изъ Штаба Короля Неаполитанскаго Генералъ Ферье съ адъютантомъ углубились въ лѣсъ, и срисовывали нашу позицію; вдругъ, притаившійся за деревьями, Псковскаго драгунскаго полка унтеръ-офицеръ выскочилъ съ пистолетомъ въ рукѣ, и, уставивши Генералу въ грудь смертоносное оружіе, страшно вскричалъ: «Стой, пардонъ!» — Генералъ съ адъютантомъ столько были заняты своею топографіею, что не успѣли бросить карандашей, и,

взяться за шпаги, какъ уже драгунъ, съ подоспѣвшимъ къ нему товарищемъ, подхватилъ ихъ, и поскакалъ съ ними въ линію пѣхоты.

Видно, непріятель не имѣлъ противъ отряда нашего достаточно силъ, а потому и не тревожилъ насъ; тогда приказано было 4-му Корпусу Графа Остермана отойдти къ главной арміи. 18-го Сентября, по смѣнѣ насъ дивизіею Генерала Паскевича съ драгунами, отошли мы 3 версты, и соединились съ арріергардомъ Генерала Милорадовича на Калужской дорогѣ.

20-го Сентября, въ 5 часовъ утра, Корпусъ Графа Остермана проходилъ мимо пылающаго дома Графа Ростопчина въ Вороновѣ. Генералы и офицеры останавливались передъ этимъ необыкновеннымъ явленіемъ, ибо говорили, что самъ Графъ своею рукою зажегъ домъ, гдѣ было его любимое мѣстопребываніе, гдѣ онъ вкушалъ семейственное счастіе. Я видѣлъ этого знаменитаго патріота: съ мрачною думою смотрѣлъ онъ на пламень, обнимающій прекрасныя колоннады и пожирающій окаменѣлыхъ стражей ихъ, центавровъ. Глядя на предстоящее, казалось, онъ углублялся въ прошедшее, и воображалъ послѣднія радости, съ которыми не задолго разстался подъ кровомъ своего мирнаго

пріюта. Такъ загоралось сердце его мщеніемъ, и горесть наложила печать на угрюмое чело...—Графъ Растопчинъ оставилъ тутъ на столбѣ Французскую надпись для непріятелей, такого содержанія: «Восемь лѣтъ украшалъ я это мѣстопребываніе, и жилъ въ немъ счастливо, среди семейства. Обитатели селенія моего оставили домы свои при вашемъ приближеніи, а я сжигаю собственный домъ, чтобы не дать вамъ осквернить его вашимъ присутствіемъ. Французы! я вамъ оставилъ на жертву два дома въ Москвѣ, съ мебелью на полтора милліона рублей; здѣсь оставляю вамъ пепелъ третьяго!» — Эта черта ожесточенія Русскаго патріотизма достойна изящной кисти живописца.

Съ 4-мъ Корпусомъ прошли мы не болѣе версты за Вороново, и тамъ остановились, для подкрѣпленія арріергарда Генерала Милорадовича, и для связи его съ главною арміею.

21-го Сентября войски отступили по большой дорогѣ къ с. Тарутину. Непріятель, открывши настоящій путь нашей арміи, соединилъ свои силы, и сталъ уже дѣйствовать противъ арріергарда наступательно. Мы шли во всю ночь; рѣчки съ дурными мостиками не мало насъ затрудняли. Мѣстоположеніе отъ самаго Воронова

пересѣкалось оврагами и пролѣсками, которые, около большой дороги, образовывали поляны версты на двѣ шириною, какъ-бы нарочно, способныя для военныхъ дѣйствій небольшихъ отрядовъ.

Въ слѣдующій день, арріергардъ сталъ твердою ногою на высотахъ, позади дер. Спасъ-Купли, подкрѣпляемый 4-мъ Корпусомъ. Съ 1-го часа по полудни завязалась у насъ жаркая стибка съ Французами. Тутъ я имѣлъ случай въ первый разъ видѣть военное искуство Генерала Милорадовича, и любовался порядкомъ, съ какимъ производилъ онъ всѣ движенія войскъ своего арріергарда: колонны двигались какъ шахматы, батареи бросали перекрестный огонь, цѣпи стрѣлковъ, подкрѣпляемыя резервами, отходили съ перекатомъ, не прекращая ружейнаго огня; между тѣмъ на обоихъ флангахъ, изъ пролѣсковъ, поминутно выскакивали кавалерійскія засады на непріятельскихъ стрѣлковъ, и осаждали ихъ. Но когда надлежало остановиться, то непріятель не могъ двинуться ни шагу впередъ; онъ принужденъ былъ развертывать колонны, усиливать кавалерійскія атаки, раздвигать батареи. Въ то-же время противупоставляемы были усиліямъ его натиска такія-же усилія отраженія. Не льзя было не восхищаться, слушая раз-

сказы, съ какимъ равнодушіемъ и воинскою гордостію сподвижникъ Суворова, осыпаемый непріятельскими ядрами и пулями, подъѣзжалъ къ артиллеріи, и говорилъ командиру, указывая на непріятелей: « Приказываю вамъ сбить эту батарею!» — а подъѣзжая къ пѣхотѣ говорилъ: « Солда« ты! дарю вамъ эту колонну; возьмите « ее!» — Одушевленные, съ крикомъ: ура! солдаты бросались въ штыки и опрокидывали непріятеля. Пушки также повиновались гласу вождя-героя, и сбивали непріятельскія батареи.

Мнѣ однако не удалось быть участникомъ въ этомъ неважномъ, но по военному порядку замѣчательномъ дѣлѣ. Я съ своими пушками только маневрировалъ между пѣхотными колоннами во второй линіи. Нашей бригады одна батарейная рота Подполковника М*** была въ дѣйствіи. Между моими пушками только хлопали гранаты непріятельскія, безъ всякаго вреда. Французы, видя тщетными свои усилія сдвинуть арріергардъ нашъ съ мѣста, при наступленіи вечера оставили дальнѣйшія покушенія.

ГЛАВА VII.

ОТЪ ТАРУТИНА ДО МАЛАГО-ЯРОСЛАВЦА.

Лагерь при Тарутинѣ. — Воинскія хитрости Фельдмаршала. — Партизаны. — Подвиги Фигнера. — Худое состояніе непріятельской арміи. — Предложеніе о мирѣ. — Нападеніе на Французовъ при р. Чернишнѣ. — Движеніе войскъ къ Малому-Ярославцу.

Съ 23-го Сентября по 5-е Октября, почти цѣлыя двѣ недѣли, мы жили покойно въ Тарутинскомъ лагерѣ, не занимаясь Французами. Насъ укомплектовали рекрутами, лошадьми, зарядами, снабдили тулупами, сапогами, удовольствовали сухарями, а лошадей овсомъ и сѣномъ вволю; тутъ выдали намъ третное жалованье, и сверхъ того нижніе чины за Бородинское сраженіе награждены были по 5-ти рублей ассигнаціями. Откуда что явилось! Изъ южной Россіи везли къ Тарутинскому лагерю по всѣмъ дорогамъ всякіе припасы. Среди биваковъ открылись у насъ лавки съ разными потребностями для военныхъ людей, заве-

лась торговля, и тутъ подлинно—всѣ загуляли. Крестьяне изъ ближнихъ и дальнихъ селеній пріѣзжали въ лагерь повидаться съ оставшимися въ живыхъ родственниками и земляками; даже крестьянки толпами ежедневно приходили съ гостинцами въ полки, отыскивать мужей, сыновей, братьевъ. Я видѣлъ такихъ прихожанокъ, одушевленныхъ воинскимъ патріотизмомъ, которыя говорили: « Только дай намъ, батюшко, пики, то и мы пойдемъ на Француза » ... Казалось, вся Россія сходилась душою въ Тарутинскомъ лагерѣ, и кто былъ истинный сынъ отечества, тотъ изъ самыхъ отдаленныхъ предѣловъ стремился, если не самъ собою, то сердцемъ и мыслію, къ Тарутинскому лагерю, жертвуя послѣднимъ достояніемъ. Все драгоцѣннѣйшее для цѣлой Имперіи вмѣщалось въ тѣсномъ пространствѣ этого лагеря — послѣднія усилія Россіи. Въ воинской прозорливости полководца заключалась послѣдняя надежда погибающаго отечества. Еще никто изъ вождей Русскихъ не былъ столь важенъ и великъ въ виду всей націи, какъ въ то время Князь Кутузовъ. На него устремлялись взоры цѣлой Россіи; отъ исполненія его плановъ зависѣла участь Имперіи. Но Князь былъ коренной сынъ Россіи, вскормленный ея сосцами, и

питавшій въ себѣ неизмѣнную любовь къ ней; участь отечества близко лежала къ счастію его сердца; онъ дорожилъ довѣріемъ Монарха и всей націи. Таясь подъ скромною наружностію въ своемъ лагерѣ, онъ хитро разставлялъ сѣти пылкому врагу отечества; наконецъ опытный умъ его восторжествовалъ надъ гордымъ любимцемъ Фортуны — и непобѣдимый сталъ побѣжденъ.

Нѣкоторые утверждали послѣ событій, что голодъ и холодъ были главнѣйшими союзниками у насъ для истребленія Французовъ. Но не въ искуствѣ-ли Фельдмаршала состояло довести непріятеля до такой крайности, чтобы и самыя бѣдствія природы обратить на него-же? Можно-ли не быть признательнымъ къ тому, съ какимъ благоразуміемъ нашъ полководецъ умѣлъ льстить высокомѣрному ожиданію Наполеона о заключеніи выгоднаго для него мира? Какъ хитро были пускаемы въ непріятельскую армію слухи, будто наши войски находятся въ самомъ жалкомъ положеніи, терпятъ во всемъ крайній недостатокъ; будто лишь въ первыхъ рядахъ остались старые солдаты, а впрочемъ все рекруты и ратники; будто потеря Москвы разстроила субординацію въ войскѣ! Для вѣроятія такихъ

слуховъ, Фельдмаршалъ явно поссорился съ Атаманомъ Казаковъ Платовымъ: говорили, будто-бы онъ подозрѣвалъ его въ измѣнѣ, и удалилъ отъ арміи. Стоустая молва доводила до слуха Наполеонова столь радостныя для него, но въ самой сущности ложныя вѣсти, между тѣмъ какъ Атаманъ Платовъ, вѣрный сынъ Россіи, вызывалъ съ Дона стараго и малаго, и въ непродолжительномъ времени привелъ 15 полковъ удалыхъ молодцевъ. Наполеонъ, какъ завоеватель Европы, ослѣпленный своимъ величіемъ, и поставлявшій себя выше смертныхъ, поддался обыкновенной человѣческой слабости. Хитрыя вѣсти, столь благопріятныя, простой полководецъ принялъ-бы за нарочно поддѣланныя; но онъ вѣрилъ имъ со всею слѣпотою, потому что онѣ льстили его ожиданіямъ. Къ довершенію обольщенія, вскорѣ за слухами, стали попадаться въ руки Французамъ наши курьеры съ мнимыми донесеніями Фельдмаршала къ Государю, что Русская армія находится въ бѣдственномъ положеніи, и вовсе не имѣетъ духа сражаться; что Фельдмаршалъ не смѣетъ дать рѣшительной битвы, а потому предоставляетъ Его Императорскому Величеству единственное средство къ спасенію, ускорить заключеніе мира съ какими-бы то ни бы-

ло пожертвованіями, полагая, что и непріятель, находясь самъ не въ весьма выгодномъ положеніи, ограничитъ свои требованія. — Наполеонъ, конечно, съ радостію читалъ перехваченныя донесенія, и охотно готовъ былъ умѣрить свои завоеванія, оставляя за собою, на первый разъ, хотя однѣ Польскія губерніи, и признаваясь самъ себѣ, что онъ слишкомъ поспѣшилъ исполненіемъ великаго плана: изгнать Руских изъ Европы; — но онъ забылъ *о старой лисицѣ*.

Вотъ какъ мудрый полководецъ нашъ умѣлъ продлить время, которымъ самъ много выигрывалъ, а непріятеля доводилъ до послѣдней крайности, покуда настало время холода и голода, а вмѣстѣ съ тѣмъ настала пора нанести рѣшительный ударъ страшному врагу силами человѣческими, при содѣйствіи небесныхъ. Такъ опытный умъ восторжествовалъ надъ гордымъ любимцемъ Фортуны— и непобѣдимый сталъ побѣжденъ!

Въ то время какъ наши войски продолжали отступленіе черезъ Москву, первый изъ Русскихъ партизановъ, Полковникъ Ахтырскаго гусарскаго полка Давыдовъ, сталъ дѣлать набѣги на большую дорогу, между Вязьмою и Гжатскомъ. Потомъ Фельдмаршалъ назначилъ еще партизанами на Мо-

жайскую дорогу самого Полковника Давыдова, Сеславина, Князя Кудашева, и наконецъ Капитана Фигнера.

Между тѣмъ какъ главныя силы нашей арміи отдыхали въ Тарушинскомъ лагерѣ, непріятельскіе фуражиры и разные отряды его были истребляемы нашими партизанами и народомъ. Эта малая война распространилась по всѣмъ окрестностямъ Москвы и дѣйствовала съ ужаснымъ ожесточеніемъ; она доводила наконецъ Французовъ до отчаянія. Отважные партизаны наши, ободряя крестьянъ, приготовленныхъ къ мести на врага воззваніемъ Государя и внушеніемъ Духовенства, открыли народную войну во всей ея силѣ, со всѣми ужасами. Тысячи примѣровъ явили тогда въ народѣ Русскомъ истинныхъ сыновъ и героевъ отечества; все, что представляетъ намъ Древняя Исторія великаго въ дѣлахъ сильнаго патріотизма, повторилось въ наши времена, и Рускіе могутъ похвалиться своимъ Муціемъ-Сцеволой.

Изъ числа всѣхъ извѣстныхъ партизановъ нашихъ, особенно прославившійся необыкновенною отважностію въ набѣгахъ, былъ, къ чести Русской артиллеріи, Капитанъ Фигнеръ.

Прежде нежели приступлю къ описанію его партизанскихъ подвиговъ, долженъ

нѣчто сказать о немъ самомъ, и о первоначальной его службѣ.

Александръ Самуиловичъ Фигнеръ происходилъ отъ благородной фамиліи Германскихъ Бароновъ. Дѣдъ его, выѣхавшій при Императорѣ Петрѣ I-мъ изъ Германіи, имѣлъ титулъ Барона Фигнера фонъ Руттерсбахъ; но въ которомъ году точно, въ какой находился службѣ, и какъ утратилъ титулъ Барона, за давностію времени неизвѣстно. Сынъ его, Сумуилъ Фигнеръ, служилъ въ Россійской службѣ отъ самыхъ нижнихъ чиновъ, и бывши штабъ-офицеромъ, былъ опредѣленъ Директоромъ казеннаго хрустальнаго завода, что близъ С. Петербурга; потомъ, съ чиномъ Статскаго Совѣтника, украшенный орденами, вышелъ въ отставку, и вскорѣ, на открывшуюся ваканцію въ Псковской губерніи, опредѣленъ Вице-Губернаторомъ. Второй сынъ его, Александръ Самуиловичъ, нашъ партизанъ, родился 1787-го года, и въ юныхъ лѣтахъ былъ отданъ въ Артиллерійскій Корпусъ; тамъ, проходя науки, онъ оказалъ много быстрыхъ успѣховъ, отличія, и также въ нѣкоторыхъ случаяхъ обнаруживалъ свою необыкновенную отважность. На 14-мъ году возраста онъ былъ выпущенъ въ Артиллерію офицеромъ, и отправился въ Корфу, при Генералъ-Лейте-

нанпѣ Бороздинѣ, назначенномъ шуда Военнымъ Губернашоромъ. Изъ Корфу Фигнеръ нашелъ случай побывашь въ Ишаліи, и прожилъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Миланѣ. Имѣя отличныя ко всему способносши, онъ скоро выучился Ишальянскому языку, и говорилъ имъ какъ природный Ишальянецъ. Фигнеръ не рѣдко вспоминалъ о счасшіи прошекшаго времени, проведеннаго имъ въ благословенномъ краю Ишаліи, подъ яснымъ небомъ умѣреннаго климаша, среди всякаго изобилія для пріяшной жизни, среди изящносшей самой природы, наукъ, и художесшвъ; припоминалъ съ участіемъ шо почшенное семейсшво въ Миланѣ, гдѣ онъ жилъ въ союзѣ любви и дружбы.

Изъ Ишаліи Фигнеръ перешелъ въ Молдавію. Въ юныхъ лѣшахъ, будучи просшымъ офицеромъ, онъ ошличался прошивъ Турокъ; измѣрилъ подъ Рущукомъ крѣпосшной ровъ со всею ошважносшію неусшрашимаго аршиллерисша, и съ пушками находился всегда въ передней сапѣ шраншей, на гласисѣ крѣпосши, ошкуда Турки не смѣли показывашься, пошому чшо онъ всегда билъ ихъ каршечью. За все эшо, имѣя ошъ роду 19-шь лѣшъ, въ чинѣ Поручика, получилъ онъ лесшный знакъ ошличія: орденъ Св. Георгія 4-й сшепени, лесшный шѣмъ болѣе, чшо самъ Главно-

командующій, Генералъ Каменскій, снялъ тотъ крестъ съ убитаго Генерала Сиверса (*), и возложилъ на Фигнера, какъ-бы передавая юному герою все мужество и неустрашимость падшаго на вершинѣ чести.

Получивъ столь отличную награду, Фигнеръ полетѣлъ къ роднымъ во Псковъ. Пріѣздъ любимаго сына, черезъ девять лѣтъ разлуки, съ такимъ отличіемъ въ молодыхъ лѣтахъ, привелъ его родителя, почтеннаго старца, въ чрезвычайное восхищеніе; но чрезъ мѣсяцъ послѣ свиданія, счастливый отецъ умеръ отъ апоплексическаго удара, въ 1811-мъ году.

Отъ сего времени начался новый періодъ жизни Александра Фигнера. Оставшись при овдовѣвшей матери своей въ Псковѣ, успѣлъ онъ благонравіемъ и скромностію привлечь на себя отъ всѣхъ знакомыхъ покойнаго отца своего вниманіе и уваженіе, что вскорѣ доставило ему счастіе жениться на Ольгѣ Михайловнѣ, дочери Статскаго Совѣтника Бибикова, бывшаго, незадолго прежде отца его, во Псковѣ Вице-Губернаторомъ.

(*) Этотъ отличный артиллерійскій Генералъ, со многими артиллерійскими-же офицерами, какъ назначенная жертва, въ охотникахъ убитъ на стѣнахъ Рущука, во время штурма.

Фигнеръ, съ перемѣною состоянія своего, имѣлъ необходимость отправиться въ Крымъ, для сдачи тамъ бывшей въ его вѣдѣніи команды; послѣ того перешелъ на службу въ артиллерійскую роту, расположенную близъ С. Петербурга. Возвратившись въ домъ родителей жены своей, онъ намѣренъ былъ, для поправленія разстроеннаго здоровья, проситься въ отставку; но вдругъ возгорѣвшаяся война противъ Французовъ вызвала его на поприще брани, искать заслугъ и славы. Онъ опредѣлился тогда 11-й бригады въ 3-ю легкую роту, Штабсъ-Капитаномъ, и пріѣхалъ къ намъ передъ начатіемъ кампаніи, подъ Вильною, въ с. Яшуны.

Александръ Фигнеръ былъ пригожій мужчина, средняго роста, сынъ Сѣвера, крѣпкій мышцами, круглолицъ, бѣлъ, свѣтлорусъ. Его большіе, свѣтлые глаза были исполнены живости; голосъ у него былъ мужественный; онъ имѣлъ здравый умъ, даръ краснорѣчія, въ предпріятіяхъ неутомимую дѣятельность, пылкое воображеніе. Презрѣніе ко всякой опасности и безпримѣрная отважность показывали въ немъ всегдашнюю неустрашимость и присутствіе духа. Онъ зналъ языки Нѣмецкій, Французскій, Итальянскій, Польскій, и Молдаванскій такъ-же хорошо, какъ Рус-

скій. Кромѣ обыкновенныхъ познаній, необходимыхъ артиллерійскому офицеру, онъ зналъ Тактику, Стратегію, древнюю и новую Исторію, читалъ много хорошихъ книгъ, и признавался, что не любилъ только Нѣмецкой Метафизики и Мистицизма.

Съ такими достоинствами явился Александръ Фигнеръ на поприщѣ воинской славы, въ отечественную войну, и сталъ извѣстнымъ партизаномъ въ Россіи и въ Европѣ.

Послѣ того, какъ мы съ нимъ разстались подъ Москвою, 2-го Сентября, я не имѣлъ о немъ никакихъ извѣстій до самаго Тарутинскаго лагеря. Тутъ онъ явился опять, къ живѣйшей радости любившихъ его товарищей. Мы тотчасъ замѣтили въ наружности его перемѣну: онъ былъ съ отрощенною бородкою; волосы на головѣ его были острижены въ кружокъ, какъ у Русскаго мужичка. При всѣхъ нашихъ распросахъ, и при всей его веселости отъ удачнаго исполненія порученій, не могли мы вывѣдать всего, что онъ дѣлалъ въ Москвѣ. Я напомнилъ ему объ ужасномъ взрывѣ пороховаго погреба, потрясшемъ подъ нами землю. Онъ усмѣхнулся, но, потупивъ взоры, заговорилъ о другомъ: скромность налагала на уста его печать какой-то тай-

ны. Впрочемъ, по дружескому настоянію, Фигнеръ мало по малу разсказалъ намъ, что разставшись со мною, онъ тотчасъ переодѣлся Русскимъ мужикомъ, и пошелъ въ Москву, тогда какъ пожаръ сталъ распространяться и Французы занялись грабежемъ. Потомъ, изъ числа оставшихся въ Москвѣ разнаго званія людей, онъ составлялъ для истребленія непріятелей вооруженныя партіи, дѣлалъ съ ними, среди пламени, въ улицахъ и въ домахъ, засады, нападалъ на грабителей по силамъ, и распоряжался такъ, что вездѣ Французы были убиваемы, особенно по ночамъ. Такъ Фигнеръ началъ истреблять непріятелей, съ шайкою удальцовъ, въ самомъ городѣ, среди ужасовъ пожара и грабежа. Французы видѣли въ развалинахъ пылающей Русской столицы методическую войну отважнаго и скрытнаго мстителя; тщетно они искали, даже имѣли его передъ глазами—и не могли найдти. Въ простой одеждѣ мужичка, онъ днемъ бродилъ между Французскими солдатами, чѣмъ могъ имъ прислуживалъ, между тѣмъ вслушивался въ ихъ разговоры, потомъ распоряжался съ своими удальцами для ночныхъ нападеній, и къ утру — по всѣмъ улицамъ являлись тѣла убитыхъ Французовъ. Наконецъ сказалъ онъ поглаживая бородку:

« Хотѣлось мнѣ пробиться въ Кремль, къ « Наполеону; но одинъ каналья, гвардеецъ, « стоявшій на часахъ у Спасскихъ воротъ, « не смотря на мою мужицкую фигуру, « шибко ударилъ меня прикладомъ въ грудь. « Это подало подозрѣніе, меня схватили, « допрашивали: съ какимъ намѣреніемъ я « шелъ въ Кремль?— Сколько ни старался « я притворяться дуракомъ и простофилей, « но меня довольно постращали, и съ угро« зою давали наставленіе, чтобы впредь не « осмѣливался ходить туда, потому что « мужикамъ возбраняется приближеніе къ « священному мѣстопребыванію Императо« ра » .... Послѣ за Фигнеромъ стали присматривать, однако онъ ускользнулъ изъ Москвы, сдѣлавши тамъ что надобно было.

Исполнивъ съ успѣхомъ данное порученіе, отважный и незабвенный мститель нашъ явился въ Тарушинскій лагерь, къ Фельдмаршалу. Князь Кутузовъ, вмѣсто всякихъ привѣтствій, поцѣловалъ его, и эту награду Фигнеръ почиталъ себѣ за величайшій знакъ отличія; но Князь доставилъ ему впослѣдствіи времени существеннѣйшее возмездіе, своимъ ходатайствомъ у Трона Высочайшей милости относительно его тестя; при чемъ въ своемъ донесеніи, съ представленіемъ журнала военныхъ дѣйствій за Октябрь, означилъ о немъ:

всегда находится въ самой близи къ непрі-ятелю.... Фигнеръ не желалъ собственно для себя никакихъ наградъ, но всѣ плоды заслугъ своихъ дарилъ — семейству. Такъ къ воинской доблести онъ присоединилъ еще добродѣтель истиннаго гражданина.

За симъ Фельдмаршалъ поручилъ ему составить партизанскій отрядъ, и дѣйствовать, для одной цѣли съ прочими, въ тылу непріятеля.

Всякому партизану предоставлено было, на собственный произволъ, выбирать себѣ подчиненныхъ по роду оружія, какое находилъ онъ приличнымъ для своихъ предпріятій; потому Фигнеръ, еще не заслужившій общаго довѣрія, на первый разъ былъ въ затрудненіи. Но ему скоро пришла счастливая мысль: для истребленія мародёровъ непріятельскихъ обратиться къ своимъ. Извѣстно, что по флангамъ и въ тылу всякой арміи, бываетъ всегда, подъ видомъ усталыхъ и фуражировъ, немалое число разсыпающихся по селеніямъ и дорогамъ, праздношатающихся вооруженныхъ людей всякаго рода войскъ, называемыхъ мародёрами или бродягами. Фигнеръ нашелъ довольно такихъ изъ легкой кавалеріи; пѣшихъ посадилъ на крестьянскихъ лошадей; увлекательнымъ краснорѣчіемъ умѣлъ

соединить ихъ къ общему участію, для пріобрѣтенія добычи, и съ двумя сотнями разнокалиберныхъ удальцовъ началъ производить свои набѣги. Днемъ, обыкновенно онъ пряталъ ихъ въ чащу лѣса, а самъ, переодѣвшись Французомъ, Полякомъ, или Италіянцемъ, иногда съ трубачемъ, а иногда одинъ, ѣздилъ къ непріятельскимъ форпостамъ: тутъ дѣлалъ онъ выговоръ пикетному караулу за оплошность и невнимательность, давая знать, что въ сторонѣ есть партія Казаковъ; въ другомъ мѣстѣ извѣщалъ, что Руские занимаютъ такую-то деревню, а потому для фуражированія лучше идти въ противную сторону. Такимъ образомъ, высмотрѣвши положеніе, силу непріятелей, и расположивъ ихъ по своимъ мыслямъ, онъ съ наступленіемъ вечера принималъ настоящій видъ партизана, и съ удальцами своими являлся, какъ снѣгъ на голову, тамъ, гдѣ его вовсе не ожидали, и гдѣ Французы, по его увѣренію, почитали себя въ совершенной безопасности. Такимъ способомъ, отважный Фигнеръ почти ежедневно присылалъ въ лагерь главной квартиры по 200 и 300 плѣнныхъ, такъ что стали уже затрудняться тамъ въ ихъ помѣщеніи, и совѣтовали ему истреблять злодѣевъ на мѣстѣ.

Съ помощію крестьянъ, которыхъ Фи-

гнеръ собиралъ, вооружалъ, и чрезъ которыхъ узнавалъ о силѣ и положеніи непріятелей, увеличивая безпрестанно свою партію прибылыми удальцами, онъ успѣлъ, не далеко отъ Москвы, на Можайской дорогѣ, отбить непріятельскій паркъ, состоявшій изъ шести новыхъ пушекъ, съ зарядными палубами, со всею прислугою и упряжью, который четыре мѣсяца шелъ изъ Италіи подъ сильнымъ прикрытіемъ; съ тѣмъ вмѣстѣ попалась ему небольшая казна золота. Деньги роздалъ онъ сподвижникамъ своимъ, все прочее сжегъ, а пушки заклепалъ и зарылъ въ землю. При этомъ онъ имѣлъ неосторожность оставить изъ числа плѣнныхъ Италиянцевъ нѣсколькихъ при себѣ; они послѣ разбѣжались, и одинъ унтеръ-офицеръ, замѣтивъ отважность Фигнера, съ отличными способностями во вредъ Французамъ, описалъ имъ всѣ его подвиги, храбрость и хитрости. Съ тѣхъ поръ въ арміи непріятельской имя Фигнера стало ужасно, и голова его была оцѣнена.

Фигнеръ, желая дать своей партіи надлежащее устройство, сталъ вводить порядокъ и дисциплину; мародерамъ это не понравилось, и они отъ него разбѣжались. Показавъ свои способности, наносить вредъ непріятелю ничтожными средствами, Фигнеръ явился къ Фельдмаршалу и просилъ

регулярнаго войска. Князь Кутузовъ позволилъ ему взять 800 человѣкъ изъ легкой кавалеріи, гусаровъ, улановъ и Казаковъ, съ офицерами, какихъ онъ самъ выберетъ. Фигнеръ оправдалъ столь лестное къ себѣ довѣріе Фельдмаршала; онъ не забылъ артиллеристовъ: изъ роты Подполковника Тимоѳеева взялъ Поручика Селецкаго, изъ своей Поручика Барона Шлиппенбаха и фельдфебеля Кашомина. Я очень желалъ быть съ нимъ въ отрядѣ, но онъ просилъ меня остаться хозяиномъ въ ротѣ, носившей его имя.

Съ партіею устроенныхъ войскъ Фигнеръ сталъ ужаснѣе для Французовъ. Тутъ еще болѣе развились его воинскія способности. Искусными маневрами, скрытностію маршей, нечаянностію, быстротою, съ вѣрными проводниками, по сокровеннымъ тропинкамъ, онъ производилъ славнѣйшіе набѣги: разбивалъ сильныя партіи Французовъ, сожигалъ обозы, перехватывалъ курьеровъ, и тревожилъ часто непріятелей подъ самою Москвою. Наполеонъ принужденъ былъ отрядить на Можайскую дорогу пѣхотную и кавалерійскую дивизіи, для укрощенія отважныхъ набѣговъ Фигнера и другихъ партизановъ.

Однажды Фигнеръ съ своимъ отрядомъ былъ окруженъ почти съ трехъ сторонъ

Французами, но хитрымъ маневромъ ушелъ, и вотъ какъ: Непріятельская кавалерія, окружая Фигнера, хотѣла истребить его вмѣстѣ съ партіею; но покуда производились для этого движенія, Фигнеръ замѣтилъ опасность, и, пользуясь мѣстоположеніемъ съ лѣсочками, раздѣлилъ свою партію на двѣ части: одной изъ нихъ далъ видъ своего непріятеля, а съ другою принялъ оборонительное дѣйствіе. Первые, показавшись изъ-за лѣса, устремились на вторыхъ, стали ихъ тѣснить, гнать, причемъ поднялась сильная перестрѣлка и ручная схватка, такъ что, въ виду Французовъ, Фигнеръ съ партіею казался разбитымъ, разсѣяннымъ и взятымъ въ плѣнъ. Эта хитрость остановила дѣйствительнаго непріятеля, который, зѣвая на фальшивую сшибку, упустилъ изъ рукъ удалаго партизана.

Разсказывали еще одинъ случай, какъ Фигнеръ чуть не былъ пойманъ, и однако спасся еще чудеснѣе. Отрядъ Французовъ въ одномъ мѣстѣ подстерегъ его, и, сдѣлавъ нападеніе, вогналъ въ лѣсъ, примыкавшій къ болоту. Уже день склонился къ вечеру, и поздно было продолжать дальнѣйшее дѣйствіе въ лѣсу; однако опасаясь выпустить изъ рукъ вреднаго наѣздника, Французы окружили лѣсъ, будучи увѣре-

ны, что непроходимое болото за лѣсомъ воспрепятствуетъ его бѣгству, а съ разсвѣтомъ дня онъ самъ попадется къ нимъ, живой или мертвый. Фигнеръ дѣйствительно находился въ самомъ затруднительномъ положеніи: болото казалось непроходимымъ ни для коннаго, ни для пѣшаго. Пользуясь темнотою ночи, онъ попробовалъ съ двумя товарищами пройти пѣшкомъ черезъ болото, шириною на полверсты; кой - какъ, съ помощію шестовъ, по кочкамъ, имъ удалось перебраться на ту сторону, и, къ счастію, верстахъ въ двухъ они нашли деревушку. Фигнеръ тотчасъ собралъ немногихъ крестьянъ, объявилъ имъ опасность своей партіи, указалъ средство для спасенія, и велѣлъ немедленно нести на берегъ солому и доски. Этими матеріялами онъ выстлалъ по болоту дорожку; къ полуночи возвратился въ свою западню, гдѣ товарищи его, завалившись за пеньками, сторожили Французовъ, которые вокругъ лѣса развели огонь и шумѣли. Фигнеръ со всею осторожностію велѣлъ своимъ, по одиначкѣ, переводить лошадей по досчатой дорожкѣ. Когда лошадей перевели, онъ велѣлъ пѣшимъ стать въ ширину болота на извѣстномъ разстояніи, и первый, оставаясь съ краю отъ лѣса, сталъ передавать чрезъ ближняго

дальнимъ доски и солому; шакимъ образомъ онъ успѣлъ переправишь всю паршію и даже изгладишь слѣдъ дороги. — Съ разсвѣшомъ дня, Французы присшупили къ лѣсу со всѣхъ сшоронъ, и пошли облавою въ добромъ порядкѣ; наконецъ сошлись всѣ у болоша, и зѣвали другъ на друга: Куда онъ дѣвался съ Казаками?... Его не было, и слѣдъ просшылъ. Конные сунулись въ болошо, но лошади сшали вязнушь, и пѣшіе не могли пересшупишь шага. Эша шушка сшолько изумила Французовъ, чшо они долго не могли образумишься, и почишали Фигнера ужаснымъ разбойникомъ, кошорый ихъ исшребляешъ и морочишъ, какъ дьяволъ.

Ошважносшь Фигнера просширалась до шого, чшо онъ однажды, подъ самою Москвою, напалъ на гвардейскихъ кирасировъ Наполеоновыхъ въ лагерѣ, ранилъ ихъ Полковника и вмѣсшѣ съ пяшьюдесяшью человѣками увелъ въ плѣнъ.

Въ началѣ реширады Французовъ изъ Москвы, Фигнеръ ошкрылъ, шедшій по дорогѣ, большой шранспоршъ съ награбленнымъ имущесшвомъ, защищаемый сильнымъ прикрышіемъ. Не имѣя при себѣ, для нападенія и разбишія его, досшашочно войска, онъ обрашился съ предложеніемъ къ Генералу Дорохову, находившемуся по бли-

зости съ довольно сильнымъ отрядомъ; но Генералъ, по какимъ-то причинамъ, не хотѣлъ содѣйствовать Фигнеру; тогда онъ согласился съ другимъ, не менѣе славнымъ, партизаномъ Сеславинымъ. Они вмѣстѣ ударили на непріятельскій транспортъ, и хотя не могли совершенно истребить его, однако Фигнеру удалось отбить часть обоза, изъ котораго онъ прислалъ ко мнѣ пудъ серебра для ротнаго образа: оно состояло изъ окладовъ, содранныхъ Французами съ церковныхъ образовъ.

Между тѣмъ, въ Тарутинскомъ лагерѣ наши войски не только отдохнули, но и поправились, какъ будто въ квартирахъ. Солдаты имѣли крѣпкіе шалаши, которые подновлялись изъ ближайшихъ лѣсовъ, окружавшихъ лагерь. Но какъ въ Октябрѣ стали показываться по утрамъ морозы, а пасмурные дни давали чувствовать холодную осень и приближеніе зимы, то офицеры строили для себя землянки, и надѣвали тулупы; въ бивакахъ не переводился огонь, около котораго согрѣваясь, мы воображали о несчастной участи, какой скоро подвергнутся Французы въ нашемъ климатѣ.

Въ это время дошло до насъ пріятное извѣстіе о дѣйствіяхъ Корпуса Графа Витгенштейна, какъ онъ разбилъ Маршала

Удино, и, очистивъ путь отъ Себежа къ Полоцку, защищалъ С. Петербургскую дорогу. Вскорѣ за тѣмъ услышали мы о взятіи штурмомъ укрѣпленнаго Французами города Вереи, отрядомъ Генерала Дорохова. Впрочемъ, о побѣдахъ этихъ не возсылалось молебствій, какъ прежде бывало: онѣ казались уже дѣломъ обыкновеннымъ. — Говорили, что въ Бѣлоруссіи Наполеонъ, прокламаціями возмущалъ крестьянъ противъ помѣщиковъ, обѣщая имъ вольность и свободу отъ барщины.

Слухи носились также, что положеніе непріятельской арміи со дня на день становилось бѣдственнѣе. Найденные въ Москвѣ жизненные припасы скоро извелись у нихъ, и не оставалось инаго средства кормиться, какъ падшими лошадьми. Изъ всѣхъ недостатковъ для существованія войска, ощутительнѣйшій былъ въ фуражѣ. Большія партіи фуражировъ отъѣзжали верстъ за тридцать въ сторону, для добыванія себѣ и лошадямъ пропитанія, при чемъ часто попадались въ засады нашихъ партизановъ, и каждый клокъ сѣна стоилъ крови.

23-го Сентября, въ главную квартиру нашего Фельдмаршала прибылъ отъ Наполеона Адъютантъ его, Графъ Лористонъ. Для принятія посланника, Князь Куту-

зовъ позволилъ, между авангардами враждующихъ силъ, сдѣлать на нѣсколько часовъ перемиріе. Между тѣмъ приказано было перемѣстить войски. Нѣкоторые полки перевели изъ лагеря за с. Леташевку, для того чтобы скрыть отъ непріятеля настоящее положеніе войскъ, и размѣщеніемъ ихъ, по обширности мѣста, дать видъ многочислія.

Нашъ 4-й Корпусъ находился тогда еще между авангардомъ и арміею. Приказано было во всѣхъ полкахъ, къ вечеру развести веселые огни, варить кашицу съ мясомъ, пѣть пѣсни и вездѣ играть музыкѣ. Такимъ образомъ, по всему лагерю, открылась у насъ иллюминація и шумное веселье; радость всѣхъ была непринужденная, когда услышали, что въ этотъ вечеръ пріѣдетъ отъ Наполеона къ Фельдмаршалу посланникъ, просить мира; тогда мы уже совершенно были увѣрены, что наша беретъ, и скоро погонимъ Французовъ изъ Россіи, такъ что костей своихъ не унесутъ съ собой.

Извѣстно, какъ Фельдмаршалъ умѣлъ провести Наполеона пустыми переговорами и перепискою о мирѣ, между тѣмъ какъ побѣдитель Европы находился въ жестокой необходимости предпринять ретираду. Князь Кутузовъ вознамѣрился нане-

сти авангарду его, расположенному за р. Чернишной, первый ударъ, для начала последующихъ пораженій.

Ночью съ 5-го на 6-е Октября, войски наши, по диспозиціи, двинулись изъ лагеря, для общаго нападенія на Французовъ. Армія выступила правымъ флангомъ пятью колоннами. 20-й Егерскій полкъ и 10 Казачьихъ полковъ, подъ командою Графа Орлова-Денисова, открыли маршъ и обходили лѣвый флангъ непріятеля; въ подкрѣпленіе Казакамъ слѣдовала гвардейская дивизія легкой кавалеріи. Потомъ шли пѣхотные Корпусы 2-й, 3-й и 4-й, составляя правый флангъ общей атаки, подъ начальствомъ Генерала Бенигсена. Войски переправились черезъ рѣч. Нару по приготовленнымъ мостамъ. Отъ средины лагеря, противъ Тарутина, перешелъ черезъ Нару 6-й Корпусъ Генерала Дохтурова; 7-й и 8-й пѣхотные Корпуса находились на лѣвомъ флангѣ общей атаки. За Корпусомъ Генерала Дохтурова слѣдовалъ большой резервъ, состоявшій изъ 5-го Корпуса, изъ кирасировъ и всей резервной артиллеріи. Главный ударъ должны были произвести Казаки въ тылу непріятеля; но Фельдмаршалъ, какъ видно, полагалъ встрѣтить сильное сопротивленіе, а потому и двинулъ всю армію.

Ночь была не очень темна, хотя и съ облачнымъ небомъ; погода сухая, но земля влажная, такъ что войски шли по ней безъ всякаго стука: даже не слышно было колесъ подъ артиллеріею. Всѣ шли очень осторожно: никто не смѣлъ курить трубки, высѣкать кремнемъ огня, кашлять, и ежели надобно было говорить, то говорили шепотомъ, лошадей удерживали отъ ржанія, словомъ, все приняло видъ таинственнаго предпріятія. Такимъ образомъ шли мы во всю ночь, и сонъ не смѣлъ прикасаться къ вѣждямъ нашимъ: всѣ заняты были предстоящимъ. Небо, отъ бивачныхъ огней непріятеля, покрылось свѣтлымъ заревомъ и показывало намъ мѣста его расположенія. Мы оставляли огни влѣво за лѣсомъ, и къ 4-мъ часамъ утра обошли непріятеля.

4-й Корпусъ, подошедъ къ лѣсу до назначеннаго мѣста, повернулъ влѣво, и сталъ въ сомкнутыхъ колоннахъ; егери вышли впередъ. Тутъ съ часъ времени стояли мы въ нетерпѣніи, покуда правѣе насъ прошли 2-й и 3-й Корпуса, опоздавшіе отъ ошибки проводника. Дѣло началось съ праваго фланга, и уже при разсвѣтѣ дня. Только что слышны стали оттуда пушечные выстрѣлы, какъ наши егери бросились въ лѣсъ и страшною стрѣльбою

ударили въ ближайшихъ Французовъ. Мнѣ велѣно было тотчасъ съ двумя пушками выѣхать на долину, правѣе лѣса; я увидѣлъ правѣе себя егерей 2-го Корпуса, бѣгущихъ для занятія впереди ихъ другаго лѣса, за которымъ и противъ насъ непріятель бивакировалъ около обгорѣлыхъ развалинъ деревушки Денди, за рѣчкою. Французы уже стояли въ линіи, однако примѣтно казались встревоженными. У нихъ тутъ не было артиллеріи, а потому отъ нѣсколькихъ выстрѣловъ изъ нашихъ пушекъ они разстроились и стали отступать. Двѣ колонники Французовъ, занимавшихъ лѣвѣе меня лѣсъ, бросились изъ него бѣжать черезъ поляну, для соединенія съ своими; тогда у насъ не случилось кавалеріи, чтобы схватить ихъ. Я пустилъ въ нихъ два ядра, и, зарядивъ пушки картечью, погнался за ними поближе; но меня остановили, потому что прикрытіе пѣхоты отставало. Колонники между тѣмъ, къ досадѣ нашей, перешли ручей и спаслись. Атака сдѣлалась всеобщею, и Французы, увидѣвши себя окруженными со всѣхъ сторонъ, стали отступать безъ выстрѣла, уже не въ колоннахъ, а толпами и бѣгомъ. Казалось, если-бы ранѣе начали дѣло, то можно-бъ было застать ихъ спящими, и перехватать живьемъ въ самыхъ бивакахъ. Французы,

по видимому, были увѣрены въ скоромъ заключеніи мира, и почитая настоящее бездѣйствіе авангардовъ продолженіемъ перемирія, находились въ полной безпечности и весьма плошными. Причину не совершеннаго успѣха нашего нападенія полагали въ томъ, что 2-й Корпусъ, имѣвшій несчастіе, при первой встрѣчѣ съ непріятелемъ, лишиться Корпуснаго Командира своего, храбраго Генерала Багговута, замедлилъ дѣйствіе; но Графъ Орловъ-Денисовъ сдѣлалъ рѣшительный ударъ во флангъ и въ тылъ непріятеля, бросившись на него со всѣми Казаками. Французская дивизія легкой кавалеріи стояла на краю этого фланга, и не успѣла построиться, какъ уже была опрокинута Казаками, при чемъ потеряла всю свою артиллерію. Между тѣмъ пѣхота 2-го и 3-го Корпусовъ, предводимая Генераломъ Бенигсеномъ для содѣйствія кавалеріи, тѣснила непріятеля такъ сильно, что безпорядокъ въ войскахъ его увеличился и совершенное пораженіе было неминуемо.

4-й Корпусъ нашъ подвигался медленно и невольно позволялъ передъ собою уходить непріятельской пѣхотѣ, потому что при немъ не было кавалеріи, а 6-й Корпусъ не успѣлъ примкнуть къ нему, безъ чего опасно было намъ выставлять лѣвый

флангъ свой. Казалось, въ общемъ исполненіи обширнаго дѣйствія этой атаки, не было соблюдено въ частяхъ надлежащей связи и разсчета времени.

Между тѣмъ Генералъ Милорадовичъ, лѣвѣе насъ за рѣчкою, по большой дорогѣ, съ кавалеріею ударилъ на Польскую гвардію, и отбилъ весь обозъ Князя Понятовскаго. 6-й Корпусъ и резервы только двинулись съ мѣста лагеря, не принявъ участія въ дѣлѣ.

Наконецъ, въ 10 часовъ утра, нашъ 4-й Корпусъ занялъ непріятельскіе биваки у сел. Денди. Мы съ изумленіемъ увидѣли остатки поѣденныхъ Французами лошадей, около балагановъ, составленныхъ изъ дверей, столовъ, и проч. Поваренная посуда, котлы и чайники оставались на дымящихся очагахъ; они обнаружили, что Французы имѣли еще крупу и горохъ, только нуждались, кажется, въ хлѣбѣ и говядинѣ. Намъ попался тутъ красивый вороной жеребенокъ, съ сафьяннымъ нагрудникомъ и бубенчиками, который, видно, откармливался у нихъ вмѣсто телятины.

Непріятель въ этотъ день былъ прогнанъ за с. Спасъ-Куплю; канонада продолжалась, и съ отдаленіемъ утихала.

Подвигаясь впередъ за сел. Денди, по большой дорогѣ, и уже не видя передъ собою не-

пріятеля, мы нашли на одно мѣсто у лѣса, гдѣ стоялъ обозъ Князя Понятовскаго. Тутъ увидѣли нѣсколько опрокинутыхъ фуръ, отъ разрушенной канцеляріи порванныя бумаги, ордера, табели. На полѣ встрѣтилось намъ нѣсколько убитыхъ и раненыхъ лошадей; мѣстами валялись, въ обношенныхъ мундирахъ, закоптѣвшіе отъ бивачнаго огня трупы Французовъ. Въ одномъ мѣстѣ лежало человѣкъ тридцать Русскихъ егерей, порубленныхъ, и между ними нѣсколько убитыхъ Французскихъ кирасировъ: это были латники Мюрата, напавшіе на колонну 20-го егерскаго полка, и произведшіе страшную сѣчу.

Къ вечеру, когда канонада утихла, мы остановились. На встрѣчу къ намъ возвращались раненые кавалеристы. Одинъ уланъ везъ на рукахъ прекрасную пятилѣтнюю дѣвочку, которая плакала неутѣшно: онъ нашелъ ее во Французскомъ обозѣ, подлѣ убитой матери. Этотъ уланъ говорилъ, что у Французовъ въ лагерѣ много было женщинъ; въ числѣ отбитыхъ попалось нѣсколько Московскихъ красавицъ.

По совершеніи пораженія, вся наша армія отступила къ Тарутинскому лагерю; только 2-й и 4-й Корпуса оставались ночевать при сел. Винково. Мы почитали себя побѣдителями, и радовались, что

уже ночуемъ на отнятой землѣ. Каждый изъ насъ съ большимъ любопытствомъ разсматривалъ всѣ предметы, брошенные непріятелями; удостовѣрясь, что они точно ѣли лошадей, мы не могли надивиться ихъ терпѣнію и преданности къ Наполеону.

Передъ вечеромъ явился къ намъ Фигнеръ. Онъ разсказывалъ, какъ во время нападенія примкнулъ съ своею партіею къ Казакамъ, и участвовалъ въ горячей сшибкѣ съ Французскими кирасирами; какъ онъ близокъ былъ къ Мюрату, который въ одной рубашкѣ едва могъ спастись; какъ при переправахъ черезъ рѣчки Французы вездѣ бросаютъ свои фуры, повозки, и сами взрываютъ зарядные ящики; какъ лошади ихъ не везутъ, а они сами бѣгутъ сломя шею. Послѣ чего Фигнеръ, напившись чаю, уѣхалъ къ своей партіи, въ авангардъ.

Ночью велѣно было опять развести въ бивакахъ веселые огни, и пѣть пѣсни, потому что Мюратъ посылалъ черезъ нашъ лагерь къ Фельдмаршалу парламентера, просить сердце убитаго друга своего, Генерала Дери. По этому можно было заключать, сколь чувствительно для него должнствовало быть пораженіе на рѣч. Чернишнѣ.

9-го Октября, Генералъ Дороховъ, зани-

мавшій гор. Боровскъ, увѣдомилъ Фельдмаршала, что непріятельскій Корпусъ войскъ показался въ с. Ѳоминскомъ. Онъ предполагалъ, что назначеніе этого Корпуса связь авангарда съ Смоленскою дорогою. Фельдмаршалъ, желая достовѣрнѣе узнать о силахъ показавшагося непріятеля, отрядилъ туда Генерала Дохтурова съ 6-мъ Корпусомъ. Между тѣмъ, дѣятельный партизанъ, Полковникъ Сеславинъ, открылъ дѣйствительное направленіе всей арміи Наполеоновой на старую Калужскую дорогу, о чемъ немедленно увѣдомилъ Генерала Дохтурова, находившагося въ с. Аристовѣ, на маршѣ къ Боровску. Фельдмаршалъ, узнавъ намѣреніе Наполеона, обойдти лѣвый флангъ нашей арміи, тотчасъ приказалъ Генералу Дохтурову, вмѣстѣ съ отрядомъ Генерала Дорохова, обратиться къ Малому-Ярославцу и удержать въ немъ непріятеля, покуда всѣ войски наши успѣютъ придти туда для подкрѣпленія. 12-го Октября, Генералъ Дохтуровъ нашелъ Малый-Ярославецъ уже въ рукахъ Французовъ. Тогда вся Русская армія поднялась изъ Тарутинскаго лагеря, выключая 2-й и 4-й Корпусы, составлявшіе авангардъ подъ командою Генерала Милорадовича.

ГЛАВА VIII.

ОТЪ МАЛАГО-ЯРОСЛАВЦА ДО ВЯЗЬМЫ.

Ночная картина Малаго-Ярославца. — Движеніе авангарда. — Военное замѣчаніе. — Отступленіе обѣихъ армій. — Занятіе нами Малаго-Ярославца. — Церковный староста. — Преслѣдованіе. — Анекдоты о народной войнѣ. — Сближеніе съ непріятелемъ. — Сраженіе при Вязьмѣ. — Ночныя явленія.

12-го Октября, между тѣмъ какъ въ Маломъ-Ярославцѣ во весь день продолжалась жестокая битва, и городъ переходилъ изъ рукъ въ руки нѣсколько разъ, нашъ 4-й Корпусъ послѣ всѣхъ пришелъ къ мѣсту сраженія, уже ввечеру. На походѣ мы слышали безпрерывную ружейную стрѣльбу, а потомъ увидѣли городъ въ пламени. Перестрѣлка съ обѣихъ сторонъ почти до полуночи не прекращалась. Казаки, за цѣпью стрѣлковъ, стояли въ линіи передъ горѣвшимъ городомъ, откуда изъ пламени, какъ адскія тѣни, выскакивали Итальянцы и задирали нашихъ стрѣлковъ. Среди глухой ночи, свѣтъ отъ пламени, отражаясь на грозномъ ополченіи Рускихъ и на

окружающихъ высотахъ , по всему пространству представлялъ великолѣпную картину военныхъ ужасовъ. За городомъ , по ту сторону рѣч. Лужи, на высокомъ берегу , сверкали бивачные огни непріятелей. 4-й Корпусъ, съ Казаками, во всю ночь оставался въ полномъ вооруженіи передъ пылающимъ городомъ, для прикрытія движенія всей арміи , которая съ прочими Корпусами становилась по Калужской дорогѣ въ боевую позицію, въ 2½ верстахъ отъ города.

Кровопролитная битва въ Маломъ-Ярославцѣ замѣчательна , какъ по упорности войскъ , сражавшихся съ обѣихъ сторонъ , такъ и потому , что Генералъ Дохтуровъ, съ отрядомъ Дорохова имѣя не болѣе 10,000 войска, держался цѣлый день противъ 20,000-го Корпуса Вице - Короля Итальянскаго. Если-бы Дохтуровъ позволилъ сбить себя съ мѣста, и далъ-бы свободу непріятелю прорваться по этому пути къ Калугѣ , тогда положеніе нашей арміи было - бы весьма невыгодное. Самъ Наполеонъ казался тутъ нерѣшительнымъ: двигаясь постоянно всѣми силами къ Малому-Ярославцу и далѣе , онъ могъ-бы достигнуть своей цѣли; слабый Корпусъ Генерала Дохтурова не былъ-бы въ состояніи остановить стремленіе всей его арміи.

13-го Октября, на разсвѣтѣ пасмурнаго дня, мы увидѣли передъ собою обгорѣлый, дымящійся городъ, отъ котораго стояли не много далѣе ружейнаго выстрѣла. Не видно было ни одного непріятельскаго стрѣлка; всѣ они, попрятавшись, сидѣли за развалинами домовъ и заборовъ. Мертвая тишина согласовалась съ мрачностію дня и съ предметами опустошенія: тайный ужасъ скрывался въ этой тишинѣ. Вскорѣ приказано было намъ перейдти назадъ за ручей, и присоединиться къ арміи. Полки, стоявшіе всю ночь подъ ружьемъ, стали свертываться въ колонны и отступать въ порядкѣ, медленно; тогда непріятель пробудился и пустилъ въ насъ изъ города нѣсколько гранатъ, которыя лопались на воздухѣ, не причиняя намъ вреда. Мы благополучно перешли ручей и стали въ общую позицію арміи на правый флангъ, оставивъ за собою передъ городомъ одну легкую кавалерію.

Наполеонъ въ Маломъ-Ярославцѣ могъ видѣть ужасные слѣды упорной битвы, показавшей ему отличную храбрость Итальянцевъ и мужество Рускихъ. Съ высоты уцѣлѣвшей колокольни, онъ могъ разсмотрѣть нашу армію, построенную въ боевомъ порядкѣ. Конечно съ изумленіемъ замѣтилъ онъ, что намѣреніе его, пройдти

стороною къ Смоленску, было проникнуто нашимъ Фельдмаршаломъ. Что ему оставалось предпринять? Пройти къ Калугѣ не иначе возможно было, какъ черезъ нашу армію. Для этого надлежало дать генеральное сраженіе; но онъ сверхъ чаянія увидѣлъ Русскую армію столь многочисленную, готовую встрѣтить его, что не могъ рѣшиться на битву, имѣя при себѣ не болѣе 70,000 войска голоднаго, и изнуренную кавалерію; сраженіе могло-бъ быть проиграно, и тогда, разбитый открытою силою, онъ погубилъ-бы свою славу. И такъ невозможность выиграть сраженіе заставила его предпринять, по необходимости, ретираду, черезъ Боровскъ и Верею, на большую Можайскую дорогу, къ Вязьмѣ и Смоленску, чтобы предупредить Русскую армію, которая могла кратчайшимъ путемъ придти прежде него, къ Вязьмѣ черезъ Мядынь и Юхновъ, а въ Смоленскъ черезъ Ельню. Большая Можайская дорога была ужасно опустошена; ретирада по ней представляла всѣ бѣдствія и несмѣтныя потери, однако Наполеонъ рѣшился идти по ней; онъ находился въ великой крайности, и можетъ быть слишкомъ увеличилъ необходимость гибельной своей ретирады по опустошенной дорогѣ. Если-бы, проникнувъ наше намѣреніе защищать Калужскую до-

рогу, онъ, тотчасъ, не смотря на грозный видъ всей нашей арміи за Малымъ-Ярославцемъ, приказалъ своимъ войскамъ отъ Верея и отъ Можайской дороги своротить влѣво и пробираться через Юхновъ, который оставался еще безъ защиты, что и самъ съ 70,000 войска могъ-бы фланговымъ маршемъ, чрезъ сел. Болдаково и Кременское, пройдти въ Мядынь, а потомъ въ Юхновъ, выдерживая натискъ нашей арміи, которая не преминула-бы его преслѣдовать. Этотъ путь не произвелъ-бы столь ужаснаго разстройства, потери и гибели его войску, какія послѣдовали вскорѣ на ретирадѣ его по опустошенной дорогѣ. Отъ Юхнова, Наполеонъ могъ-бы безпечно слѣдовать по хлѣбородной и свѣжей для него странѣ, черезъ Масальскъ и Ельню, ведя за собою Русскую армію, и не подвергаясь фланговымъ нападеніямъ. Посему отступленіе на Боровскъ, Можайскъ и Вязьму, для такого полководца какъ Наполеонъ, кажется, непростительно; ежели надобно было ему изъ двухъ золъ выбирать одно, то надлежало избрать менѣе вредное, а онъ поступилъ напротивъ.

По всѣмъ соображеніямъ, Малый-Ярославецъ рѣшилъ перевѣсъ нашей арміи надъ непріятельскою. Довольно странно, что въ одну и ту-же ночь, съ 13-го на 14-е

Октября, обѣ арміи отступили отъ города. Казалось, оба полководца были въ недоумѣніи одинъ къ другому, и оба не довѣряли своимъ силамъ. Наполеонъ потянулъ войски къ Боровску, оставивъ только Корпусъ Даву и кавалерійскую дивизію въ Маломъ-Ярославцѣ, для замаскированія своего отступленія. Князь Кутузовъ, также со всею арміею, отступилъ къ с. Гончарову, и даже, говорятъ, намѣренъ былъ идти за Оку, если-бы Наполеонъ пошелъ за нимъ. Противъ Малаго-Ярославца остался только авангардъ, состоявшій изъ двухъ пѣхотныхъ и двухъ кавалерійскихъ корпусовъ, подъ начальствомъ Генерала Милорадовича.

14-го Октября, по утру, непріятельскіе фланкёры начали задирать Казаковъ, которые отступали; видя это, и пѣхота наша поднялась съ мѣста. Мы отошли назадъ 16 верстъ, и никакъ не полагали избѣгнуть дѣла, а потому стали въ боевой порядокъ на избранномъ мѣстѣ. Но Маршалъ Даву, отдаливши насъ, пошелъ съ своимъ Корпусомъ къ Боровску, и оставилъ передъ нами только одну кавалерію.

Отсюда начались тѣ ужасныя и небывалыя въ военной Исторіи бѣдствія, истребившія прекрасную, побѣдоносную армію Французскую. Жизненныхъ припасовъ у ней вовсе не было; отъ недостатка ку-

ража лошади падали сотнями и служили въ пищу тѣмъ, кого на себѣ носили. Непріятель бросалъ повозки и фуры на дорогѣ, а зарядные ящики взрывалъ отъ недостатка упряжныхъ лошадей. Туча всѣхъ бѣдствій: голодъ, холодъ, болѣзни, огнь и мечъ обрушились на великую армію Наполеонову; завѣса гибели надъ нею опустилась, и смерть, лютая смерть, являясь въ ужасныхъ видахъ, стала поглощать своихъ жертвъ. Такъ возлетѣло мщеніе изъ пепла сожженной Москвы.

15-го Октября еще продолжали мы отступать, и заняли новую позицію, удивляясь, что не только не видимъ за собою непріятеля, но даже не слышимъ отдаленнаго выстрѣла, какъ вдругъ получили радостное извѣстіе, что передъ нами нѣтъ ни души Французской; всѣ они улетѣли.... Мы тотчасъ двинулись впередъ, и къ вечеру заняли Малый-Ярославецъ.

Взирая на обгорѣлыя развалины домовъ и церквей, на обезображенные трупы убитыхъ, на мертвую тишину и пустоту, на курящійся смрадъ, не льзя было не содрогаться отъ такихъ ужасовъ ожесточенной брани. Одна церковь еще оставалась на площади, до половины съ верха обгорѣвшая; въ каменныхъ стѣнахъ нижней ея части были пробиты ружейныя бойницы; внут-

Потомъ, видно, врагъ узналъ о приближеніи Русскаго воинства; тотчасъ поднялась въ городѣ тревога, забили въ барабаны, и всѣ нечестивцы изъ церкви повыскакали вонъ. Тогда старикъ, собравшись кой-какъ съ силами, уплелся въ отдаленный уголокъ, прикрылся лоскутьями порванныхъ ризъ, и ни живъ, ни мертвъ, творя молитву, ожидалъ что будетъ. Вдругъ вбѣжали въ церковь еще буяны, и во всю ночь пробивали дыры въ стѣнахъ. Съ наступленіемъ дня явились для старца новые ужасы: онъ слышалъ, какъ начали стрѣлять изъ пушекъ и ружей; видѣлъ, какъ загорѣлся надъ его головою храмъ, угрожавшій ежечасно подавить всѣхъ своими горящими развалинами. Не смотря на пламень, церковь нѣсколько разъ наполнялась врагами; трескъ ружейныхъ выстрѣловъ, мѣшаясь съ крикомъ сражающихся внѣ церкви, усиливался, и опять отдалялся; потомъ старецъ слышалъ стонъ раненыхъ, говоръ идущихъ на смерть, и снова трескъ выстрѣловъ приближался и пули разсыпались надъ его головою. Однимъ словомъ, онъ увѣрялъ, что на томъ свѣтѣ, въ аду, не можетъ быть страшнѣе того, что онъ видѣлъ на яву. Дня три старецъ ничего не ѣлъ, и въ немъ едва оставался духъ жизни. Солдаты съ священ-

нымъ изумленіемъ смотрѣли на него, какъ на святаго, удивлялись его спасенію, и кто что имѣлъ отдавалъ *сердешному* изъ послѣдняго: грошъ или сухарь. Старикъ, увидѣвши своихъ, былъ внѣ себя, и какъ будто ожилъ отъ радости; съ напряженіемъ голоса разсказывалъ каждому о своемъ спасеніи и о всѣхъ ужасахъ сраженія. Остался-ли онъ въ живыхъ, чтобъ пользоваться достойно всеобщимъ уваженіемъ?... Мы спѣшили за р. Лужу, подняться на крутой берегъ, и для ночлега заняли оставленные непріятелемъ биваки.

16-го Октября, авангардъ Генерала Милорадовича пошелъ къ Мядыни, а съ нами за Малымъ - Ярославцемъ остались только два полка, Елецкій и Полоцкій, и мои 8 пушекъ (четыре находились въ отрядѣ Генерала Дорохова); сверхъ того три Казачьи полка. Этотъ отрядъ, подъ начальствомъ Генерала Карпова, составленъ былъ для преслѣдованія непріятеля. Но мы не видѣли Французовъ; они такъ скоро уходили, что Казаки не успѣвали догонять ихъ.

На другой день отрядъ нашъ соединился съ авангардомъ Генерала Милорадовича, при с. Егорьевскомъ; потомъ пошли мы прямо на Гжатскъ, и у сел. Головина ночевали.

Во время нашихъ переходовъ черезъ селенія, мы не видали въ нихъ ни души крестьянъ, выключая однѣхъ старухъ, которыя кой-гдѣ показывались, какъ пустынныя привидѣнія. Войски, для ночлеговъ располагались на биваки близъ самыхъ селеній, гдѣ находили для себя довольно дровъ и соломы, покуда еще не приблизились къ большой опустошенной дорогѣ. Тяжело, грустно смотрѣть, какъ, расположившись близъ деревушки, пойдутъ изъ всѣхъ полковъ команды за дровами и соломою: заборы трещатъ, крыши распадаются, и цѣлые домишки мигомъ исчезаютъ. Потомъ всѣ солдаты, какъ муравьи, съ тяжелыми ношами тащатся въ лагерь, и строятъ себѣ—новую деревеньку. Большія селенія доставляли пристанище и офицерамъ; иногда мнѣ съ товарищемъ доставалась крайняя избушка, въ которой мы съ удовольствіемъ валялись на соломѣ, послѣ продолжительной бивачной жизни.

На походѣ встрѣчались намъ воины-мужички, верхомъ на своихъ возовикахъ: иной съ косою, утвержденною на длинномъ древкѣ, другой со штыкомъ, прикрученнымъ къ дубинѣ, третій съ большимъ гвоздемъ, прикрѣпленнымъ къ дрючку, на подобіе пики, или съ рогатиною за спиною; рѣдкій являлся съ правильнымъ оружіемъ. Вы-

ѣзжая къ намъ изъ лѣса, гдѣ скрывались ихъ семейства съ имуществомъ, они насъ привѣтствовали, поздравляли съ бѣгствомъ врага супостата, и, являя грозный видъ вооруженія, разсказывали о своихъ подвигахъ. Мы охотно вступали съ ними въ разговоры, и слышали довольно любопытные анекдоты о ихъ войнѣ.

«Сперва — говорилъ одинъ воинъ-му«жичекъ — мы боялись бить Француза, «чтобы насъ за то не потянули въ судъ; «когда и удавалось въ одиночку загубить «нехристя, то прятали окаянныхъ въ ко«лодцы и подъ солому. Ну, ужъ какъ «пришелъ приказъ изъ Губернскаго, и «намъ Исправникъ сказалъ: Ребята! бей «Француза на пропалую! — тогда-то мы «развернулись.» —

У такихъ воиновъ были предводителями отставные солдаты, или Казаки; иные сами выбирали изъ своихъ ребятъ въ воеводы дюжаго бурмистра, или удалаго цѣловальника. Съ приближеніемъ непріятельской партіи къ селенію, пономари трезвонили во всѣ колокола; тогда вооруженные, кто чѣмъ, со всѣхъ сторонъ стекались на площадь, и если мародёры были по ихъ силамъ, то на нихъ нападали и одолѣвали, а иначе разбѣгались въ лѣсъ, куда уже напередъ прятали женъ, дѣтей и лучшіе пожитки.

обнаженный палашъ; другой не ложился и не скинулъ ни лапъ ни шишака, но сѣлъ за столъ, положилъ передъ собою пистолетъ, и, облокотившись, оперся лицомъ на оба кулака. Богатыри, опасаясь крестьянъ, довольно взяли предосторожности, и, казалось, посмѣнно хотѣли отдыхать; но какъ они оба были чрезвычайно утомлены, то, послѣ порядочнаго угощенія, кирасиръ, лежавшій на скамьѣ, скоро захрапѣлъ, да и часовой на кулакахъ то-же прикурнулъ. Тогда парень далъ знать міру, что заснули. Мужики того и ждали; собравшись вновь и перешептываясь на дворѣ, совѣтовались, какъ приступить. Вызвались охотники: одинъ съ топоромъ, другой съ затяжною петлею на канатѣ. Оба разулись, и, перекрестившись, вошли тихонько въ избу; потомъ подкрались, каждый съ своимъ снадобьемъ, къ соннымъ богатырямъ, и, взглянувшись, разомъ, одинъ хватилъ топоромъ въ голову лежачаго, а другой накинулъ петлю на сидячаго. Первый богатырь только что вздрогнулъ и протянулся, а другой вскочилъ, но за концы каната крестьяне уже держались міромъ при дверяхъ, снаружи: онъ не успѣлъ опомниться и схватить пистолета, какъ былъ уже вытащенъ силою каната за шею вонъ. Этотъ бога-

тырь старался только удержать давленіе петли, чтобы не задушили. Слѣдуя притяженію каната, онъ сунулся прямо на мужиковъ, но они ухитрились развести концы каната въ противныя стороны; тогда богатырь сталъ между двумя силами: сунется-ли къ одной сторонѣ, другая его тянетъ, бросится-ли къ этой, первая поправится. Такимъ образомъ долго они съ нимъ возились, какъ съ добрымъ медвѣдемъ; напослѣдокъ, боровшись и напрягая силы, « великанъ (продолжалъ мужикъ) « умаялся, батюшко, и повалился, какъ « глыба; тутъ-то мы его доколотили, « чѣмъ попало. » —

Слыша такіе разсказы, не льзя было не содрогаться ожесточенію Русскаго народа противъ своихъ раззорителей: возбужденный фанатизмъ выходилъ за предѣлы человѣчества. Такъ въ народной войнѣ исчезаютъ всякія правила, и непріятели слѣдуютъ единственно побужденію ожесточеннаго сердца — истреблять другъ друга утонченнымъ варварствомъ.

20-го Октября, авангардъ Генерала Милорадовича находился въ 10-ти верстахъ отъ Гжатска. Мы видѣли пламя, пожиравшее городъ, который занятъ былъ Казаками. Приближаясь къ Можайской дорогѣ, слышали взрывы пороховыхъ ящиковъ.

Большая дорога была у насъ уже передъ глазами; сквозь аллею высокихъ деревъ мы видѣли Французовъ, шедшихъ густыми колоннами, съ великою поспѣшностію. Солдаты горѣли нетерпѣніемъ ударить на нихъ; уже Генералъ Чоглоковъ повелъ свой полкъ и крикнулъ: Ребята! за мной!... но его остановили, потому что стало смеркаться, и покуда онъ успѣлъ-бы дойдти до непріятелей, ночь скрыла-бы ихъ. Только кавалерія Генерала Корфа имѣла небольшую сшибку при Царево-Займищѣ. На ночь мы стали въ боевую позицію и расположились биваками; но какъ огни наши могли быть замѣчены непріятелемъ, и мы сами, по близости къ нему, подвергались нечаянному нападенію, то въ полночь опять перемѣнили мѣсто, и стали такъ, что насъ не было видно. Холодный вѣтеръ съ морозомъ предзнаменовали скорую зиму. Приближаясь къ опустошенной дорогѣ, мы сами начали терпѣть нужду, и особенно лошади наши: фуража вовсе не было, и бѣдныя животныя кормились только гнилою соломою съ крышъ. Еще у меня былъ небольшой запасъ овса отъ Тарутинскаго лагеря; будучи хозяиномъ въ Фигнеровой ротѣ артиллеріи, я весьма экономилъ овсомъ, и только лакомилъ имъ лошадей. День ото дня становилось тягост-

нѣе; исправность артиллеріи зависѣла отъ лошадей, а потому я старался сберегать ихъ, покрывая попонами; канонеры-же кормили ихъ иногда сухарями.

На другой день войски шли параллельно съ непріятелемъ, верстахъ въ трехъ отъ большой дороги, и не предпринимали ничего до слѣдующаго дня. На биваки, для ночлега, остановились при с. Спасскомъ.

22-го Октября, въ 12-ти верстахъ отъ Вязьмы, на разсвѣтѣ дня, услышали мы впереди пушечные выстрѣлы. Тамъ кавалерія нашего авангарда уже вступила въ дѣло; тогда пѣхотѣ велѣно было поспѣшить, и всѣ побѣжали впередъ. За дер. Максимовой пѣхота построилась въ колонны; егери и мои два орудія пошли впередъ. Генералъ Чоглоковъ приказалъ намъ занять лежащій впереди лѣсъ, примыкавшій къ большой дорогѣ. Между цѣпью стрѣлковъ, я на отвозахъ пошелъ съ двумя заряженными единорогами впередъ. Стрѣлки вошли въ лѣсъ тихо, безъ выстрѣла, и, не доходя большой дороги, остановились. Вскорѣ я увидѣлъ по большой дорогѣ идущую Французскую артиллерію; тотчасъ крикнулъ егерямъ, чтобъ они ударили изъ ружей, а самъ бросилъ изъ единороговъ двѣ гранаты, и, зарядивъ ихъ картечью, пошелъ къ дорогѣ. Ко мнѣ тотчасъ явились Казаки,

Елецкій полкъ съ Маіоромъ Тишинымъ, и 6-ть орудій 2-й легкой роты съ Поручикомъ Дядинымъ, къ которымъ я велѣлъ примкнуть и своимъ двумъ пушкамъ, а самъ, съ двумя единорогами, остался на большой дорогѣ; потомъ, вмѣстѣ съ егерями и Казаками, напирая на Французовъ и выдерживая жестокій огонь ихъ, наткнулись мы на обозъ. Тутъ прикрытіе встрѣтило насъ градомъ пуль и ядрами; но моя картечь, штыки егерей и пики Казаковъ общимъ ударомъ разстроили защитниковъ: весь обозъ достался намъ въ добычу. Въ этой схваткѣ увидѣлъ я трогательное зрѣлище: старый Казакъ, съ сѣдою бородою, пробитый въ грудь пулею, шатался на лошади, съ потупленными взорами; смертная блѣдность покрывала лицо его. Онъ былъ поддерживаемъ двумя молодыми Казаками, которыхъ горестныя лица и слезы на глазахъ давали ясно разумѣть, что это былъ ихъ отецъ. Но прочіе товарищи ихъ веселились найденною въ обозѣ добычею. Я подъѣхалъ къ одной опрокинутой фурѣ, изъ которой высыпалось множество книгъ; ихъ никто не трогалъ: это была моя добыча. Наскоро пересмотрѣвъ кой-какія, я наполнилъ ими оба передка единорожныхъ лафетовъ. Книги большею частію были медицинскія; мнѣ достались сочиненія Боннета,

Флора Ботаническая, и еще нѣсколько физическихъ. Въ то-же время мой барабанщикъ нашелъ въ кусту Французскаго стрѣлка, который, не успѣвъ уйдти съ своими, спардонился; но барабанщикъ, вытащивъ его за шиворотъ, торжественно спросилъ меня: Ваше Благородіе! что прикажете съ нимъ дѣлать? — «Отдай Казакамъ!» — И только что онъ выпустилъ Француза и сказалъ: Ребята! возьмите его! какъ нѣсколько пикъ устремилось на беззащитнаго, который, видя неминуемую гибель, сталъ бѣгать и увертываться, но скоро былъ сбитъ и заколотъ... Я укорялъ себя въ смерти этого несчастнаго, не ожидая такого лютаго мщенія отъ ожесточенныхъ. — Вскорѣ подъѣхалъ къ намъ Генералъ Милорадовичъ, похвалилъ наше стремленіе, и, подкрѣпивъ еще пѣхотою и драгунами, велѣлъ сильнѣе давить непріятеля.

Французскій Корпусъ Вице-Короля, по лѣвую сторону дороги, еще держался на выгодной позиціи; но когда мы, стремясь по дорогѣ, стали сбивать лѣвый флангъ его и охватывать тылъ, тогда онъ началъ отступать къ городу. Съ этой стороны дѣйствовала на него почти вся наша 11-я дивизія; особенно батальонъ 33-го егерскаго полка, Казаки и мои два едино-

рога не позволяли Французамъ ни минуты держаться на дорогѣ. Послѣ выстрѣловъ картечью изъ единороговъ, колонна непріятельская разстроивалась, егери съ крикомъ: ура! бросались на нее въ штыки, а Казаки кололи бѣгущихъ; тогда новый градъ пуль всѣхъ насъ останавливалъ, и заставлялъ опять начинать съ картечи. Въ этомъ дѣйствіи у меня ранили одного фейерверкера, трехъ канонеровъ, и двухъ убили. Генералъ Милорадовичъ, замѣтивъ наше удальство, прислалъ Адъютанта спросить, чьей роты артиллерія? — отвѣчали: Фигнера! — и Адъютантъ записалъ мою фамилію и двухъ фейерверкеровъ.

Въ подкрѣпленіе 11-й дивизіи, по полудни, Генералъ Милорадовичъ прислалъ 26-ю дивизію Генерала Паскевича. Тогда войски большою массою стали тѣснить непріятеля къ городу, передъ которымъ Вице-Король и Маршалъ Даву съ своими Корпусами стояли въ твердой позиціи, и встрѣтили насъ батареями. Съ нашей стороны выставили также батарею, и съ обѣихъ сторонъ открылась сильная канонада. Тутъ я не былъ въ дѣйствіи; находившись съ самаго утра въ горячемъ дѣлѣ со стрѣлками, мои канонеры измучились и прострѣлялись зарядами.

Между тѣмъ кавалерія Генерала Уварова,

присланная отъ большой арміи, ударила въ правый флангъ непріятеля; Генералъ Платовъ сталъ съ Казаками обходить лѣвый флангъ; тогда Французы принуждены были сойти съ позиціи, и отступили къ городу. Колонны 11-й и 26-й дивизій двинулись за ними. Генералы Чоглоковъ и Паскевичъ, съ наступленіемъ вечера, довершили пораженіе: первый съ Перновскимъ, а второй съ Бѣлозерскимъ полками вошли въ пылающій со всѣхъ сторонъ городъ, и штыками очистили улицы отъ непріятеля; всѣ оставшіеся въ домахъ для защиты были истреблены или взяты въ плѣнъ. Непріятель, вытѣсненный за городъ, потерялъ-бы остальное, если-бы Маршалъ Ней, расположивъ Корпусъ свой по Дорогобужской дорогѣ, не прикрылъ спасавшихся.

Въ этомъ сраженіи участвовала большая часть Наполеоновой арміи противъ авангарда Генерала Милорадовича. Смѣлость, съ которою ученикъ Суворова напалъ на превосходнаго въ силахъ непріятеля, показывала въ немъ увѣренность въ мстительной храбрости Рускихъ. Преимущество нашего оружія было очевидно: непріятель почти вовсе не имѣлъ кавалеріи, и артиллерія его противу прежняго дѣйствовала слабо и неудачно.

Къ ночи я собралъ свою роту артилле-

ріи, сдѣлалъ счетъ убитымъ и раненымъ при 4-хъ орудіяхъ, находившихся въ дѣйствіи, и потомъ расположился близъ самаго города, при чемъ занялъ для себя съ артиллеристами мѣсто у стѣны большаго каменнаго дома, стоявшаго при въѣздѣ, на краю улицы; тутъ приладились мы безъ балагановъ, развели веселые огни, и заварили кашицу. Пламень распространялся по всему городу, при чемъ слышны были иногда взрывы и выстрѣлы. Около насъ валялись убитые и полумертвые Французы. Передъ нами, по дорогѣ взадъ и впередъ, безпрестанно ѣздили и ходили. Отъ пожарнаго и бивачнаго огня было такъ свѣтло, какъ въ торжественные дни отъ иллюминаціи. Мы точно торжествовали славную для насъ побѣду, при чемъ уже видѣли свое превосходство надъ страшнымъ непріятелемъ, и надѣялись вскорѣ увидѣть послѣднее его истребленіе. Къ нашему огоньку подъѣзжали офицеры погрѣться, или выпить стаканъ чаю съ черствыми сухарями, которые оставались у насъ единственными кормильцами; но удовольствіе, что гонимъ непріятеля изъ отечества, замѣняло всѣ лакомства.

Между многими гостями, къ нашему огоньку подсѣлъ одинъ мушкетеръ Перновскаго полка, раненый въ руку, и держав-

шій въ другой рукѣ золотой штабъ-офицерскій эполетъ. Этотъ солдатъ съ энтузіазмомъ разсказывалъ, какъ полкъ ихъ, предводимый Генераломъ Чоглоковымъ, распустивъ знамена, съ барабаннымъ боемъ бросился первый въ штыки на Французовъ, чрезъ ихъ пули; какъ Французы, устрашась столь смѣлаго нападенія, давили и гнали другъ друга, а Перновцы любаго кололи и мигомъ очистили улицу; какъ изъ домовъ, сквозь окна, много вредили имъ Французскіе стрѣлки, которыхъ однако они выгнали, и половину перекололи, а остальныхъ, спардонившихся, полонили. Самъ мушкетеръ въ первой стычкѣ пырнулъ штыкомъ во Французскаго Полковника, и сорвалъ съ него эполетъ; но будучи раненъ штыкомъ Французскаго гренадера, упалъ, и остался для перевязки раны, не позволяя никому взять у себя эполета. Онъ гордился этимъ трофеемъ. За такой подвигъ не льзя было не дать молодцу стакана чаю.

Занимательнѣе всего была одна Русская женщина, Московская мѣщанка, довольно хорошо одѣтая. Она пришла къ нашему огоньку съ воплемъ и слезами, укутывая на рукахъ груднаго младенца. «Ахъ! батюшки, родимые! спасите!» кричала она. Я подозвалъ ее, и, посадивъ подлѣ себя, сталъ

утѣшать, потомъ далъ чаю, и распрашивалъ откуда она и какъ зашла сюда? Ободрившись, женщина объявила, что взята изъ Москвы въ услуги къ одному женатому Французскому Полковнику, который въ нынѣшнемъ сраженіи убитъ, а жена его съ обозомъ попалась за городомъ Казакамъ; она-же, кормилица, успѣла уйдти и спрятаться въ одномъ домѣ, но среди пожара и всѣхъ ужасовъ теперь не знаетъ, куда приклонить голову, чтобы спасти, не столько себя, какъ бѣднаго сиротку. Она безпрестанно его нянчила, давала груди, и обливала горькими слезами.—«Да вѣдь онъ «Французенокъ?» сказалъ я: «что тебѣ жа«лѣть его?» — «Ахъ, если-бъ вы знали, «говорила она, какъ были добры и ласко«вы эти господа! Я жила у нихъ, какъ «у родныхъ своихъ. Можно-ли мнѣ не лю«бить ихъ бѣднаго сиротки? Онъ со мной «не разстанется: развѣ только одна смерть «разлучитъ насъ!» — Добрая женщина заливалась слезами, и прижимая къ груди спокойнаго малютку, нянчила его, повторяя: «О, бѣдный, бѣдный сиротка!»—Это явленіе было для всѣхъ очень трогательно. Любопытные собирались вокругъ женщины, которая, желая укрыться отъ нескромныхъ взоровъ глазѣющихъ солдатъ, и будучи уже нѣсколько успокоена, поблагодарила меня

за пріемъ, и потомъ отходя сказала, что пойдетъ искать себѣ безопаснаго пристанища, покуда можно будетъ добраться до Москвы.

Военный шумъ началъ мало по малу утихать; настала полночь, огни угасли. Подъ открытымъ небомъ, зарывшись въ солому и накрываясь тулупами и бурками, засыпали мы въ различныхъ мечтахъ воображенія, полнаго сильными впечатлѣніями цѣлаго дня.

Такъ, на военномъ поприщѣ не рѣдко встрѣчаются явленія, какихъ не бываетъ въ мирной жизни. Война представляетъ всѣ ужасы и бѣдствія человѣческіе, потрясающіе душу; они возвышаютъ насъ среди всякихъ опасностей. Кто не бывалъ на войнѣ, тотъ не научился презирать смерть. Обыкновенныя несчастія въ мирной жизни ничтожны предъ военными бѣдствіями. Здѣсь не достаетъ ни вздоховъ, ни слезъ: источникъ ихъ изсякаетъ, и сердце воина твердѣетъ, подобно той стали, которою онъ наноситъ смерть врагу отечества.

ГЛАВА IX.

ОТЪ ВЯЗЬМЫ ДО КРАСНАГО.

Видъ Вязьмы послѣ сраженія. — Слѣды бѣдствій непріятеля. — Состояніе нашихъ войскъ. — Ночлегъ въ Дорогобужѣ. — Встрѣча съ Фигнеромъ. — Дѣйствіе наблюдательнаго корпуса. — Квартированіе въ с. Кобызевѣ. — Приказъ Фельдмаршала. — Военное замѣчаніе.

23-го Октября кавалерія нашего авангарда продолжала преслѣдовать непріятеля, а мы съ пѣхотою оставались дневать. За ночь выпалъ снѣжекъ, прикрывшій слегка обгорѣлыя развалины города и трупы убитыхъ. Городъ представлялъ ужасную картину опустошенія. — Артиллеріи моей велѣно было стать по другую сторону города. Проходя съ орудіями черезъ улицы, я не могъ безъ содроганія смотрѣть на предстоящее. По всему пространству города почти ни одного дома не было уцѣлѣвшаго: стояли однѣ обгорѣлыя стѣны, изъ которыхъ многія, разсыпавшись по улицамъ, заграждали путь. Весь городъ превращенъ былъ въ развалины и кладбище;

по всѣмъ улицамъ лежали разбросанные трупы убитыхъ Французовъ, прикрытые снѣгомъ; вездѣ валялись обломки разнаго оружія, опрокинутыя фуры, погорѣлые остатки взорванныхъ зарядныхъ ящиковъ, кой-гдѣ стояли пушки. Непріятность зрѣлища увеличивалась смрадомъ отъ вчерашняго пожара: въ развалинахъ повсюду курилось. Въ самой срединѣ города новое явленіе: тутъ были собраны всѣ плѣнные Французы, тысячь до двухъ, оборванные, обгорѣлые, почернѣвшіе, съ искаженными лицами — и чѣмъ они занимались? Дѣлежемъ мяса издохшихъ лошадей. Одни усердно рѣзали себѣ большіе куски изъ окороковъ, другіе съ жадностію дѣлили печенку и легкое, какъ нѣжнѣйшія части; иные, получивъ желаемое, съ удовольствіемъ держали мясо за плечами на шомполахъ и занимались шумною бесѣдою; нѣкоторые тутъ-же, въ сторонѣ, надъ огнемъ развалинъ зданія, жарили свои порціи, посыпая ихъ, вмѣсто соли, порохомъ. Стоявшіе вокругъ конвойные солдаты наши смотрѣли на трудящихся съ отвращеніемъ, и конечно, признавая внутренно всю мѣру ихъ бѣдствія, чувствовали себя счастливѣйшими при однихъ сухаряхъ, не будучи доведены до подобной крайности. Въ толпѣ этихъ несчастныхъ

я не замѣтилъ ни одного офицера; ихъ участь была лучше. Здѣсь плѣнныхъ раздѣляли на партіи, и каждую особо отсылали, подъ прикрытіемъ Казаковъ, далѣе внутрь Россіи.

Проѣзжая Вязьму, я нечаянно увидѣлся съ партизаномъ Фигнеромъ, который ѣхалъ вмѣстѣ съ собратомъ своимъ Полковникомъ Сеславинымъ; онъ такъ спѣшилъ, что успѣлъ только поздороваться со мною. Партизаны казались друзьями; Сеславинъ, въ гусарскомъ мундирѣ, обнаруживалъ въ лицѣ своемъ не гусарское удальство, но постоянное мужество; Фигнеръ, въ скромномъ артиллерійскомъ мундирѣ, былъ и моложе его годами, но увлекался живостію и быстротою своего характера. Во вчерашнемъ сраженіи они оба съ своими партіями приняли большое участіе, противъ праваго фланга непріятелей.

На другой день, вслѣдъ за Французами, шли мы большою Смоленскою дорогою, и съ ужасомъ видѣли по ней безпрерывное кладбище, или какъ-бы дѣйствіе опустошительной чумы: на каждой верстѣ валялись по нѣскольку десятковъ упалыхъ лошадей и трупы погибшихъ Французовъ; между ними опрокинутыя фуры, или взорванные пороховые ящики. Видѣли, какъ у многихъ околѣвшихъ лошадей были вырѣ-

заны мягкія части; видѣли, о ужасъ! въ утробѣ одной такой лошади, Француза, схватившагося обѣими руками за печенку, и видно хотѣвшаго ѣсть ее; но лютый морозъ окаменилъ его въ этомъ положеніи, чтобы явить намъ высочайшую степень человѣческаго бѣдствія.—Иные несчастные воины, оставшіеся на дорогѣ, хотя были живы, но отъ сильнаго изнуренія и голода потеряли употребленіе языка, и только слабымъ движеніемъ рукъ обнаруживали въ себѣ остатокъ жизненности. Въ такомъ положеніи нашли мы на дорогѣ, подъ деревомъ, сидѣвшаго бѣлокураго, въ тонкомъ синемъ мундирѣ, подъ треугольною шляпою, офицера: глаза его были полуоткрыты, голова склонилась на сторону, смертная блѣдность покрывала прекрасное лицо; онъ не внималъ нашимъ вопросамъ; правая рука его еще двигалась къ сердцу, но свѣтъ дня, казалось, для него мрачился; глаза вдругъ стали неподвижны, и онъ угасъ передъ нами .... духъ его взлетѣлъ изъ бѣдной оболочки земной въ высоту небесную.

Такіе ужасы, являвшіеся въ продолженіе нашего пути отъ Вязьмы, производили въ насъ непріятныя впечатлѣнія. Не смотря на то, что Французы были нашими врагами и раззорителями, чувство человѣче-

ства не могло въ насъ заглушиться мщеніемъ до такой степени, чтобъ мы не сострадали ихъ бѣдствіямъ; многіе солдаты отходили отъ этихъ предметовъ ужаса съ сожалѣніемъ, и, будучи до глубины сердца тронуты свирѣпостію войны, проклинали виновника оной, Наполеона, какъ истребителя рода человѣческаго, благодаря Провидѣніе и попечительное Начальство, что сами еще не доведены до такой крайности.

Впрочемъ и у нашихъ войскъ не было изобилія; солдатамъ едва доставало съ экономіею сухарей, а кашица ихъ, которую рѣдко варили, была такъ жидка и постна, что, подлинно, крупинка за крупинкой гонялась съ дубинкой. Противъ холода мы были довольно обезопасены: еще въ Тарутинскомъ лагерѣ роздали въ полки и артиллерійскія роты на большую часть солдатъ тулупы и валенки; сверхъ того у насъ была кой-какая своя теплая одежда, и мы безъ крайней нужды еще не выходили изъ обыкновенной формы одежды. Отъ Вязьмы до Дорогобужа зима только начинала установляться, но по ночамъ бывали морозы болѣе 10 градусовъ. Ночью, мы обогрѣвались передъ огнями и спали около горящихъ головешекъ, поджигая себѣ бока, а днемъ, будучи въ движеніи, не чувствовали холода. Лошади болѣе терпѣли

отъ стужи и голода; сѣна вовсе и давно не было, а запасъ овса истощился. Мы радовались, ежели, становясь на старые биваки, находили кой-гдѣ солому и клочки сѣна, для поддержанія своихъ изнуренныхъ лошадей. Отъ Вязьмы, съ половины каждаго перехода, я посылалъ фуражировъ съ вьюками впередъ на кавалерійскіе биваки, для собиранія кой-какихъ остатковъ; но какъ и полковые стали то-же дѣлать, то мои тощія, изнуренныя лошадки едва тащились съ пушками. Въ полкахъ и въ артиллеріи убыль людей была весьма примѣтна. Не смотря на то, что мы въ Тарутинскомъ лагерѣ почти укомплектовались, и не потерпѣли ни гдѣ сильной потери въ людяхъ, усталые и больные уменьшили ряды такъ, что всю дивизію пѣхоты, состоящую изъ четырехъ полковъ, можно было окинуть глазомъ на полверсты, а при пушкахъ вертѣлось человѣка по два и по три канонеровъ. За то всѣ шли бодро, не замѣчая ни убыли, ни нужды; съ каждымъ переходомъ утѣшались тѣмъ, что бивакировали на отнятой у непріятеля своей землѣ.

Такимъ образомъ прошли мы съ авангардомъ Генерала Милорадовича до Дорогобужа, по большой опустошенной дорогѣ; глав-

ная армія шла стороною, и, кажется, не терпѣла никакой нужды.

Никогда я не забуду того ночлега, который имѣлъ въ Дорогобужѣ съ 26-го на 27-е Октября. Мы вошли въ городъ уже съ наступленіемъ вечера. Артиллерію я поставилъ у дороги въ сторонѣ, а для себя занялъ крайній дворъ. О домахъ говорить нечего: они, построенные изъ дерева, были всѣ выжжены, и обгорѣлыми развалинами своими ограждали дворы, изъ которыхъ лучшіе были занимаемы старшими офицерами. Биваковъ тутъ не изъ-чего было строить; армейскіе солдаты ночевали, съ большою нуждою жарясь около огня, подъ открытымъ небомъ, безъ палатокъ; артиллеристы-же мои, нагрѣвшись около артельныхъ огней, забивались спать около лошадей и подъ лафеты. Я имѣлъ у себя солдатскую палатку, которую здѣсь велѣлъ разбить въ занятомъ дворѣ; со мною оставался товарищемъ одинъ Подпоручикъ Баронъ Унгернштернбергъ, а прочіе находились, то за болѣзнію, то въ командировкѣ, не при ротѣ.

Когда мы устроились на мерзлой землѣ, покрытой снѣгомъ, и передъ палаткою развели благодѣтельный огонекъ, я осмотрѣлся и увидѣлъ вокругъ палатки лежащіе трупы людей и лошадей, слабо освѣщае-

мые бивачнымъ огнемъ. Но какъ мы уже привыкли смотрѣть на это, и не разъ наслаждались крѣпкимъ сномъ среди подобнаго кладбища, забывая всѣ предразсудки младенчества, то окружающее не долго насъ занимало; морозъ скрючивалъ наши члены, и мы старались отогрѣваться. — Между тѣмъ огонекъ и палашка, въ отдаленіи отъ прочихъ, стали привлекать къ себѣ раненыхъ и изнуренныхъ Французовъ, шатавшихся, во мракѣ ночи, среди развалинъ, подобно привидѣніямъ. Сперва пришелъ къ намъ длинный, тощій Нѣмецъ, видно кавалеристъ: одежды на немъ не льзя было различить. Мы замѣтили только, что ноги его, по недостатку въ обуви, были укутаны въ мѣшокъ, который хитрый Нѣмецъ привязалъ къ своимъ колѣнамъ, и съ нимъ медленно къ намъ подвигался, какъ чучела. Лицо его было столько-же черно, какъ одежда, голова укутана лоскутьями, рукъ не было видно: онѣ прижались плотно къ туловищу. Первое слово его было сказано слабымъ, страждущимъ голосомъ: Erbarmet euch, gebt mir Brod! — Онъ сѣлъ подлѣ огня. Искаженное лицо его приняло радостный видъ отъ благотворной теплоты пламени, и еще болѣе, когда мы дали ему черствый сухарь, омоченный въ горячую воду. Съ большимъ усердіемъ ломалъ

онъ надъ нимъ свои зубы, воздавая намъ безпрерывное благодареніе. Мы заговорили о Наполеонѣ. Едва имя эшо коснулось его слуха, какъ шысячи проклятій: Sey er verdammt und verflucht in Ewigkeit!—сшали изливаться изъ усшъ несчасшнаго сшрадальца на виновника всѣхъ бѣдсшвій. — Вскорѣ за нимъ явился другой, настоящій Французъ, въ шинелькѣ и въ киверѣ, подпираясь косшылемъ; онъ былъ раненъ въ ногу. Эшошъ казался бодрѣе, хошя шакже весьма изнуренъ и слабъ. Первое слово его было: Messieurs! du pain! — Тогда длинный Нѣмецъ пересшалъ бранишь Наполеона, и, видно ошъ ненависши къ Французамъ, усшупилъ свое мѣсшо пришедшему, а самъ, поблагодаривши насъ, пошелъ искашь инаго присшанища. Французъ говорилъ немного, и жаловался шолько на холодъ. Мы, уже ошпивши чай, дали ему сухарь неразмоченный, но онъ не въ сосшояніи былъ грызшь его. Видя шщешныя усилія Француза надъ Русскимъ сухаремъ, я спросилъ его: сшалъ-ли-бы онъ ѣсшь лошадиное мясо? — «Почему не шакъ? въ нуждѣ нѣшъ закона!» сказалъ онъ. Указавши ему на близъ-лежащую лошадь, я предложилъ, чшо онъ можешъ шушъ-же удовлешворишь свой аппешишъ.— «Если-бъ шолько у меня было чѣмъ ошрѣзашь часть,»

говорилъ онъ. Ему подали топоръ, и я хотѣлъ видѣть операцію. Французъ съ топоромъ поплелся къ лошади и, павъ на нее колѣнами, сталъ тюкать, сколько въ немъ было силы; но морозъ окаменилъ ее. Видя невозможность добыть себѣ мяса, бѣднякъ возвратился къ огню и, положивъ топоръ, сказалъ весьма равнодушно: Que faire! il faut mourir! — Онъ тутъ-же легъ. Послѣднія слова его сдѣлали во мнѣ сильное впечатлѣніе. Какъ въ столь жестокой крайности имѣть такую твердость духа, и съ такимъ равнодушіемъ ожидать смерти! при томъ безъ малѣйшаго вопля и стенанія, безъ малѣйшей жалобы на виновника своихъ бѣдствій! Тронутый его положеніемъ до глубины сердца, я давалъ ему сухарей, какіе у меня еще оставались, но Французъ не принималъ ихъ, говоря, что не въ состояніи пользоваться моимъ благодѣяніемъ.... Я скрылся въ палатку подъ тулупъ—огонь угасъ—сильный морозъ заставилъ меня въ собственной теплотѣ своей погрузиться въ безчувственность сурка, оставивъ Француза его бѣдственной участи....

27-го Октября Генералъ Милорадовичъ съ авангардомъ пошелъ стороною влѣво, проселочными дорогами, оставивъ преслѣдованіе непріятеля по большой дорогѣ Гене-

ралу Юрковскому съ Казаками и драгунами.

Мы подходили къ с. Ляхову, когда попались намъ на встрѣчу плѣнные Французы разбитой бригады Генерала Ожеро. Изъ всѣхъ непріятельскихъ войскъ это былъ одинъ отрядъ, сдавшійся Рускимъ почти безъ драки, и не испытавшій ни мало тѣхъ бѣдствій, которыми постигнуты были старыя войски. Плѣнные казались довольно сытыми, въ новыхъ синихъ мундирахъ съ желтыми отворотами; только многіе шли безъ сапоговъ, въ онучахъ и поршняхъ, жалуясь на Казаковъ, которые ихъ разули. Передъ селеніемъ увидѣли мы нѣсколько изрубленныхъ кавалеристовъ, сопротивлявшихся нашимъ партизанамъ; отсѣченныя руки валялись около обнаженныхъ трупов; кой-гдѣ, измятые шишаки съ тигровою шкурою показывали, что они принадлежали драгунамъ или кирасирамъ.

Я особенно обрадовался, увидѣвши Капитана Фигнера, который препровождалъ всю двухтысячную толпу плѣнныхъ. Въ короткихъ словахъ разсказалъ онъ, что эти откормленные трусы сдались, почти безъ выстрѣла, при первомъ появленіи Казаковъ. — Необыкновеннымъ казалось видѣть Фигнера, препровождающаго плѣнныхъ, въ отдаленіи отъ театра военныхъ дѣйствій;

но онъ объявилъ намъ, что имѣетъ порученіе отъ Фельдмаршала ѣхать въ С. Петербургъ, съ донесеніями къ Государю Императору. Этою командировкою Фельдмаршалъ хотѣлъ наградить Фигнера за его отличные подвиги. Славный партизанъ дѣйствительно имѣлъ счастіе воспользоваться милостію Монарха. По пріѣздѣ въ С. Петербургъ онъ былъ произведенъ въ Подполковники, переведенъ въ гвардейскую артиллерію, а тесть его былъ освобожденъ отъ казеннаго взысканія на 30,000 рублей.

30-го Октября, нашъ 4-й Корпусъ присоединился къ большой арміи, и вмѣстѣ съ 8-мъ пѣхотнымъ и 2-мъ кавалерійскимъ составилъ наблюдательный отрядъ подъ начальствомъ Графа Остермана-Толстаго.

Въ слѣдующій день наблюдательный отрядъ нашъ перешелъ къ с. Лучинки, составляя почти аррієргардъ большой арміи, потянувшейся къ гор. Красному.

1-го Ноября, 11-я дивизія, въ которой я находился съ артиллеріею, заняла сел. Червонное, а 2-го Ноября Кобызево.

Когда 4-го числа, на пути изъ Смоленска, былъ разбитъ Корпусъ Вице-Короля Итальянскаго, 11-я дивизія наша подбирала по лѣсамъ разсѣянныхъ Французовъ. Въ одинъ вечеръ, Перновскаго полка Капи-

танъ Семчевскій, посланный съ ротою въ ближайшій лѣсъ, привелъ, послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ, человѣкъ 50 плѣнныхъ. Въ пѣхотныхъ ротахъ тогда у насъ было не болѣе какъ по 80 человѣкъ; въ иныхъ полкахъ считалось отъ 300 до 500 на лицо; бригада пѣхоты казалась баталіономъ, а цѣлая дивизія какъ одинъ полкъ. По этой причинѣ, можетъ быть, взяли нашъ 4-й Корпусъ изъ авангарда, и мы не приняли никакого участія въ пораженіи Корпусовъ Вице-Короля, Маршаловъ Даву и Нея; только подбирали въ плѣнъ разбитыхъ и разсѣянныхъ. Такимъ образомъ, 4-й Корпусъ, въ продолженіе трехъ дней, собралъ безъ драки плѣнныхъ тысячь до четырехъ; это обстоятельство весьма замѣчательно въ лѣтописяхъ Военнаго Искусства, и оправдываетъ дальновидность Фельдмаршала. Плѣнные — изнуренные, обгорѣлые, въ оборванныхъ шинелькахъ, подъ измятыми киверами, съ подвязанными ушами, и въ безобразной обуви — являли намъ плачевные остатки великой и нѣкогда страшной арміи завоевателя Европы. Они чрезвычайно были напуганы Казаками, которые не давали имъ покоя ни днемъ ни ночью.

Между тѣмъ произошла перемѣна въ артиллеріи нашего Корпуса. Капитанъ Фи-

гнеръ, прославившійся партизанскими набѣгами, и посланный въ С. Петербургъ для наградъ, былъ переведенъ въ гвардію; тогда 3-я легкая рота, носившая его имя, поступила подъ начальство Подполковника Тимоѳеева, я-же, въ продолженіе отечественной войны командуя ротою, остался въ ней теперь старшимъ офицеромъ.

Нѣсколько дней квартировали мы въ сел. Кобызевѣ, занимая теплыя избы, въ которыхъ кой-гдѣ оставались мужички для присмотра. Они разсказывали намъ анекдоты о Французахъ, которые и для нихъ казались жалкими: шатаясь изъ двора во дворъ, безъ оружія, какъ нищіе, воины Наполеона просили куска хлѣба для продолженія своего горестнаго существованія. Тутъ ихъ уже не губили такъ, какъ подъ Москвою, въ пылу мщенія. Хозяинъ нашего дома, мужикъ, разсказывалъ, что до прихода Рускихъ квартировали у него Французскій Полковникъ съ тремя офицерами. « Съ какимъ смиреніемъ — говорилъ « онъ — сердечные, изъ которыхъ одинъ « зналъ по-Русски, выпрашивали у меня « хлѣба и всякихъ припасовъ, отдавая за « то всѣ свои деньги, и умоляя, чтобы « пощадили ихъ. Не льзя было не сжалить- « ся надъ ними; они казались такъ смир- « ны, добры, и такъ бѣдны, что нехотя

« подѣлиться, чѣмъ Богъ послалъ. Бѣдняжки « увѣряли, что не они виною тѣхъ бѣдъ, « какія дѣлаются въ Россіи, но Бонапартъ, « заведшій ихъ противъ воли туда, куда « они вовсе идти не желали. Что-де за « корысть для насъ въ Россіи? чего мы въ « ней не видали? Вотъ въ нашей-то сто- « ронѣ пожить, да посмотрѣть!... » Такіе разсказы удостовѣряли насъ, что въ этой сторонѣ, около Смоленска, крестьяне, не будучи до крайности раззорены квартировавшими у нихъ Французами, не имѣли къ нимъ той жестокой ненависти, и не являли столь ужасныхъ примѣровъ мщенія, какими ознаменовали себя жители городовъ и селъ, раззоренныхъ въ окрестностяхъ Москвы, Можайска и Вязьмы.

Какъ Французы страшились тогда Руских, можно видѣть изъ слѣдующаго примѣра. Подполковникъ Тимоѳеевъ, новый командиръ нашей артиллеріи, квартировалъ особо въ небольшой, теплой избѣ, куда мы ежедневно собирались къ нему пить чай и для бесѣды. Въ избѣ его, по обыкновенію, была огромная печь съ подпечникомъ. Люди его замѣтили, что оставляемыя на ночь въ избѣ хлѣбныя корки и куски бишка отъ ужина, къ утру исчезали, между тѣмъ какъ изба снутри запиралась на крючекъ, и спавшій у дверей

деньщикъ увѣрялъ по совѣсти, что онъ въ продолженіе ночи ничѣмъ не занимался, и спалъ, какъ убитый. Однажды мы, собравшись къ Подполковнику, на счетъ этого шутили, говоря, что видно тѣни погибшихъ отъ голода Французовъ, пробираясь сквозь щели въ избу, поѣдали по ночамъ то, въ чемъ они крайне нуждались въ послѣдніе дни жизни. Случилось одному изъ офицеровъ закуривать трубку передъ топившеюся печкою; бумажка упала на полъ, офицеръ нагнулся, чтобы поднять ее, и замѣтилъ подъ печкою что-то движущееся. Послали туда деньщика, который, къ удивленію присутствующихъ, вытащилъ изъ подъ печки— блѣднаго, изнуреннаго, въ оборванной шинелькѣ Француза. Испуганный до смерти, непріятель нашъ бросился на колѣни, и со слезами, трепещущимъ голосомъ просилъ себѣ пощады. Мы сожалѣли о немъ и смѣялись. Видя наше снисхожденіе, Французъ успокоился, потомъ признался, что необходимость заставляла его похищать по ночамъ оставляемую пищу, что онъ, живучи болѣе недѣли въ своей пещерѣ, довольно привыкъ къ ней: днемъ спалъ, а по ночамъ искалъ добычи, всюду обшаривая; иногда, пользуясь глубокимъ мракомъ ночи и крѣпостію сна храпящихъ, онъ тихо отворялъ двери, и

выходилъ освѣжаться чистымъ воздухомъ. Съ самаго начала, будучи устрашенъ Рускими, и опасаясь мщенія крестьянъ, онъ тайно пробрался въ эту пустую избу, и избралъ себѣ жилищемъ — теплое мѣстечко. Этого новаго Діогена тотчасъ отправили въ дежурство, гдѣ, присоединясь къ товарищамъ, онъ могъ разсказывать имъ о своей теплой кантониръ-квартирѣ. Безъ сомнѣнія эти несчастные имѣли много чего другъ другу сообщать о подобныхъ странностяхъ, если только языкъ у нихъ еще могъ ворочаться отъ стужи и голода.

Здѣсь получили мы отъ Фельдмаршала приказъ, возвѣстившій намъ блистательную побѣду Генерала Платова, разбившаго непріятельскій корпусъ, шедшій отъ Дорогобужа къ Духовщинѣ. Между прочимъ сказано было въ томъ приказѣ: «Послѣ «чрезвычайныхъ успѣховъ, одерживаемыхъ «нами ежедневно и повсюду надъ непрія«телемъ, остается только быстро его «преслѣдовать; тогда, можетъ быть, зем«ля Русская, которую мечталъ онъ по«работить, усѣется костьми его. И такъ «мы будемъ преслѣдовать неутомимо. На«стаютъ зима, вьюга и морозы; но вамъ«ли бояться ихъ, дѣти Сѣвера! Желѣзная «грудь ваша не страшится ни суровости «погодъ, ни злости враговъ; она есть на-

« дежная стѣна отечества, о которую все
« сокрушается. Пусть всякой вспомянетъ
« Суворова : онъ научалъ сносить голодъ и
« холодъ, когда дѣло шло о побѣдѣ, о славѣ
« Русскаго народа. Идемъ впередъ ! съ нами
« Богъ! передъ нами разбитый непріятель!
« Да будетъ за нами тишина и спокой-
« ствіе ! »

Этотъ приказъ имѣлъ свое дѣйствіе. Офицеры и солдаты повторяли весело: Мы дѣти Сѣвера ! У насъ желѣзныя груди и каменные кулаки ! намъ-ли бояться морозовъ! пойдемъ впередъ доколачивать Французовъ ! — Изъ этого видно, какъ полководцу необходимо имѣть при себѣ военно-краснорѣчиваго оратора; а еще лучше, ежели онъ самъ можетъ излить свои геройскія чувства въ сильныхъ выраженіяхъ! Слова его какъ небесная манна подкрѣпляютъ бодрость духа воиновъ , ослабѣвающихъ отъ изнуренія, и, оживляя ихъ мужествомъ военачальника, производятъ чудеса , непостижимыя для обыкновенныхъ людей.

Всѣ дѣянія Князя Кутузова показывали его мудрость, глубокое знаніе Военнаго Искуства, предусмотрительность ; все это подтверждалось многократными успѣхами; а потому никто не станетъ обвинять его, почему онъ, имѣя равныя съ непріятелемъ

силы и превосходство оружія, не нанесъ ему рѣшительнаго удара, окруживъ его подъ Краснымъ. Могло статься, что Фельдмаршалъ нашъ не почиталъ арміи Наполеона въ такомъ ужасномъ разстройствѣ, въ какомъ она дѣйствительно находилась при выступленіи изъ Смоленска, о чемъ мы послѣ узнали; напротивъ того, въ первыхъ сшибкахъ подъ Краснымъ, Французы оказали еще упорное сопротивленіе и отчаянное мужество, которое на краю гибели ихъ, безъ надежды спасенія, могло-бы усилиться до высочайшей степени, и тогда, умирая съ оружіемъ въ рукахъ, они пролили-бы довольно крови Русскихъ воиновъ, которая была въ тогдашнее время драгоцѣнна тѣмъ болѣе, что взглядъ на будущее представлялъ еще много усилій для совершеннаго окончанія съ успѣхомъ начатаго. Фельдмаршалъ, конечно, не хотѣлъ ввѣрять судьбу отечества случайности генеральнаго сраженія. Наши войски также были не въ завидномъ положеніи; они также терпѣли нужду, хотя безъ сравненія въ меньшей степени противъ непріятеля; имѣли также значительную убыль отъ усталыхъ и заболѣвшихъ среди военныхъ трудовъ и отъ скудной пищи; только любовь къ отечеству и торжество объ изгнаніи врага-раззорителя, подкрѣпляли

бодрость и веселіе духа Русскихъ воиновъ. Избѣжавъ генеральнаго сраженія подъ Краснымъ, наша армія не имѣла значительной потери, чрезъ что сохранила грозную и важную осанку, съ которою потомъ вступила въ нѣдра Германіи, и увлекла политику Европейскихъ кабинетовъ въ пользу Россіи. Соображая обстоятельства будущаго, по видимому, Фельдмаршалъ не намѣренъ былъ дѣлать важныхъ усилій для окончательнаго истребленія Наполеоновой арміи открытою силою; изъ любви къ Россіи онъ, можетъ быть, пренебрегъ этой славою. Великое дѣло было и то, съ какимъ искусствомъ онъ умѣлъ, дотолѣ ужасную для всей Европы, армію великаго завоевателя довести до послѣдней крайности. Должно замѣтить, что всѣ военныя дѣйствія Фельдмаршала Князя Кутузова, отъ Москвы и до Краснаго, отличались высшимъ искусствомъ въ стратегическихъ соображеніяхъ, противъ всѣхъ военныхъ дѣйствій, нашими арміями до того производимыхъ.

ГЛАВА X.

ОТЪ КРАСНАГО ДО ГРОДНО.

Движенiе армiи къ мѣст. Копысъ. — Жиды. — Переходъ чрезъ Березину. — Военныя извѣстiя. — Слѣды бѣдствiй непрiятеля. — Жестокость зимы. — Ошмяны. — Квартированiе около Вильны. — Походъ въ Гродно. — Поляки. — Квартированiе въ Гродно. — Заключенiе.

Отъ Краснаго армiя Фельдмаршала Князя Кутузова шла медленно, небольшими переходами, и располагалась въ квартирахъ по селенiямъ, менѣе раззоренным. 4-й Корпусъ Графа Остермана-Толстаго шелъ особо колонною; въ обѣихъ дивизiяхъ его считалось войска не болѣе 3000, и 18 орудiй артиллерiи. Если прочiе Корпусы были также не велики, то наша армiя, приближаясь къ Березинѣ, была не значительна; но кажется нѣкоторые полки и артиллерiйскiя роты оставлены были въ депо для формированiя.

Авангардъ армiи, подъ начальствомъ Генерала Милорадовича, переправился через р. Днѣпръ въ мѣст. Копысѣ, 11-го Ноября; мы

бодросшь и веселіе духа Русскихъ воиновъ. Избѣжавъ генеральнаго сраженія подъ Краснымъ, наша армія не имѣла значишельной пошери, чрезъ чшо сохранила грозную и важную осанку, съ кошорою пошомъ вступила въ нѣдра Германіи, и увлекла полишику Европейскихъ кабинешовъ въ пользу Россіи. Соображая обсшояшельсшва будущаго, по видимому, Фельдмаршалъ не намѣренъ былъ дѣлашь важныхъ усилій для окончашельнаго исшребленія Наполеоновой арміи ошкрышою силою; изъ любви къ Россіи онъ, можешъ бышь, пренебрегъ эшой славою. Великое дѣло было и шо, съ какимъ искусшвомъ онъ умѣлъ, дошолѣ ужасную для всей Европы, армію великаго завоевашеля довесши до послѣдней крайносши. Должно замѣшишь, чшо всѣ военныя дѣйсшвія Фельдмаршала Князя Кушузова, ошъ Москвы и до Краснаго, ошличались высшимъ искусшвомъ въ сшрашегическихъ соображеніяхъ, прошивъ всѣхъ военныхъ дѣйсшвій, нашими арміями до шого производимыхъ.

ГЛАВА X.

ОТЪ КРАСНАГО ДО ГРОДНО.

Движеніе арміи къ мѣст. Копысъ. — Жиды. — Переходъ чрезъ Березину. — Военныя извѣстія. — Слѣды бѣдствій непріятеля. — Жестокость зимы. — Ошмяны. — Квартированіе около Вильны. — Походъ въ Гродно. — Поляки. — Квартированіе въ Гродно. — Заключеніе.

Отъ Краснаго армія Фельдмаршала Князя Кутузова шла медленно, небольшими переходами, и располагалась въ квартирахъ по селеніямъ, менѣе раззоренныымъ. 4-й Корпусъ Графа Остермана-Толстаго шелъ особо колонною; въ обѣихъ дивизіяхъ его считалось войска не болѣе 3000, и 18 орудій артиллеріи. Если прочіе Корпусы были также не велики, то наша армія, приближаясь къ Березинѣ, была не значительна; но кажется нѣкоторые полки и артиллерійскія роты оставлены были въ депо для формированія.

Авангардъ арміи, подъ начальствомъ Генерала Милорадовича, переправился черезъ р. Днѣпръ въ мѣст. Копысѣ, 11-го Ноября; мы

за нимъ шуда-же пришли 12-го числа и передневали.

Здѣсь въ первый разъ, послѣ пяти-мѣсячной решрады и преслѣдованія, увидѣли мы, хошя въ раззоренномъ, но не выжженномъ мѣстечкѣ, жишелей — Жидовъ. Не смошря на ошврашишельныя фигуры эшихъ обманщиковъ, мы довольно обрадовались найдя живыя сущесшва человѣческія, въ шеплыхъ жилищахъ, съ семейсшвами; а какъ они въ самой скудосши чѣмъ нибудь да пишались, шо и мы, кромѣ сухарей, могли досшашь ошъ нихъ за деньги кой какихъ припасовъ. Сначала показывались шолько однѣ сшарыя Жидовки; пошомъ, видя наше смиреніе и деньги, явились Жиды. Обласканные, они разговорились о прешерпѣнномъ ими раззореніи ошъ Французовъ, кошорымъ принуждены были угождашь. — « Но мы-же знали—говорилъ одинъ Жидъ— « чшо имъ худо будешъ; у нашего Государя сила войска, сила народа—шакъ и сбылось. Якъ услыхали мы, же Французи « заграбили и сожгли Москву, шо-шо спугались! Наши Раввины на всихъ Евреевъ « наложили посшъ: двѣнадцашь дней мы ничего ни пили, ни ѣли, и не выходили изъ « школы; все молились Богу, жебъ Москали « звернулись— шакъ и сбылось. Теперь помогай Богъ вашимъ и нашимъ; Французи

«бѣжать, и ужь не звернутся.» — Другой Жидъ признавался, что Французы иныхъ Евреевъ посылали въ нашу армію шпіонами, и давали имъ золото. — «Але, никто «не хотѣлъ брать ихъ поганыхъ грошей!» — говорилъ Жидъ сморщившись. — «У насъ «были такіе, же ходили къ Москалямъ въ «армію до Генераловъ, и даромъ сказывали «имъ, что у Французовъ дѣется....» За жилища Жидовъ и они сами уцѣлѣли отъ пріятелей и непріятелей, между тѣмъ какъ Русскія избенки были выжжены, или растасканы на биваки, а крестьяне, разсѣянные по лѣсамъ, терпѣли голодъ и холодъ.

Въ Копысъ успѣли подвезти для нашей арміи разныхъ припасовъ изъ подвижныхъ магазиновъ. Тутъ выдали намъ жалованье, свѣжихъ сухарей, для лошадей овса, и прочее; тутъ мы запаслись сахаромъ, чаемъ, водкой, и всякою всячиною, чтò могли достать у подъѣхавшихъ маркитантовъ и Жидовъ. Такимъ образомъ, благодаря мудрымъ распоряженіямъ Фельдмаршала, войски подкрѣпились; каждый изъ насъ, освѣженный удовлетвореніемъ первыхъ нуждъ для существованія, приносилъ отъ искренности сердца благодареніе своему попечителю.

Въ Копысѣ Фельдмаршалъ приказалъ

оставить орудія отъ двѣнадцати артиллерійскихъ ротъ, изъ которыхъ люди и лошади поступили въ дѣйствующія роты; въ число этихъ назначили и нашу роту, потому-ли, что она была у Фигнера, или за то, что находилась большею частію въ авангардѣ и перенесла много военныхъ тягостей; только для меня весьма пріятно было оставаться въ числѣ дѣйствующихъ.

14-го Ноября мы оставили Копысъ и продолжали идти стороною отъ той дороги, по которой шли Французы; ихъ преслѣдовалъ особеннымъ отрядомъ Генералъ Ермоловъ.

Отъ Копыса артиллерія 4-го Корпуса, всего 18-ть орудій, подъ начальствомъ Подполковника Тимоѳеева, шла отдѣльно отъ пѣхоты, занимая для постоя цѣлыя деревни. Жителей мы ни гдѣ не находили; селенія были пусты: какъ говорится, ни кошки, ни собаки. Въ амбарахъ и сараяхъ все было чисто: ни зерна, ни крупинки, и ни клока сѣна. По крайней мѣрѣ были цѣлы избы, въ которыхъ мы согрѣвались на соломѣ; ею-же кормили и лошадей.

Зима еще не была жестока. Мы проходили чрезъ глухіе, обширные сосновые лѣса, которые защищали насъ отъ стужи. Наконецъ перешли мы рѣку Березину по бревенчатому мосту, утвержденному про-

шивъ шеченія воды канашомъ къ берегамъ, кошорые были плоски и покрышы лѣсомъ; вода неслась съ великою быстротою, грязная и густая отъ снѣга. Рѣка шириною не болѣе 30-ти саженъ; она-то поглошила нѣсколько шысячь бѣглецовъ, мнимыхъ завоевашелей Россіи.

Еще не переходя Днѣпра, въ Копысѣ узнали мы о побѣдахъ Графа Вишгенштейна, выгнавшаго Французовъ изъ Полоцка, кошорый взялъ онъ шшурмомъ, и пошомъ погналъ Корпусъ Маршала Удино къ Березинѣ. Узнали, что Генералъ Шшейнгель, за Полоцкомъ, разбилъ Баварцевъ, отнялъ у нихъ казну и въ обозѣ знамена. Соображая къ шому побѣды нашей главной арміи, удостовѣрялись, что Фельдмаршалъ не напрасно обѣщалъ усѣяшь Россію косшями непріяшелей. Теперь, на походѣ къ Минску, съ удовольсшвіемъ узнали еще, какъ эшошъ городъ дешево досшался нашимъ, въ возврашѣ со всѣми магазинами военныхъ и провіаншскихъ запасовъ; но какъ въ городѣ было много больныхъ и раненыхъ, то мы прошли мимо его.

По слухамъ, армія Адмирала Чичагова долженсшвовала совершенно заградишь бѣгсшво Французамъ при Березинѣ, и мы уже полагали скоро увидѣшь самого Наполеона въ рукахъ нашихъ; но какъ сильно всѣ были

опечалены, когда узнали, что онъ съ частію своихъ войскъ пробился, скрывши отъ Адмирала мѣсто своей переправы. Говорили, что рѣка была запружена Французскими обозами, и даже изъ самыхъ труповъ ихъ составился мостъ. Такой ужасной переправы конечно не бывало въ Военной Исторіи. — Разсказывали, что Фельдмаршалъ нашъ, извѣстившись о прорывѣ Наполеона съ войскомъ, былъ крайне опечаленъ, и самъ поѣхалъ въ армію Адмирала, которая гналась за Французами; главную-же армію оставилъ въ с. Ушь, подъ начальствомъ Генерала Тормасова.

Когда мы вышли на большую дорогу, идущую отъ Минска къ Вильнѣ, или на тотъ путь, по которому бѣжали несчастные непріятели наши, то опять увидѣли опрокинутыя фуры, убитыхъ или замерзлыхъ людей и лошадей, разбросанныхъ по снѣгу и подъ снѣгомъ, черезъ которые надлежало проѣзжать артиллеріи. Однажды, моя пушка увязла колесомъ въ ухабѣ, и чуть не опрокинулась. Я подбѣжалъ съ канонерами, чтобы поддержать ее, и увидѣлъ колесо засѣвшимъ между костями размозженнаго, замерзлаго трупа, который занесенъ былъ снѣгомъ. — Часто видѣли мы, какъ по два и по три черныхъ, обгорѣлыхъ Француза, иные даже съ

ружьями, шатались, подобно привидѣніямъ, между снѣжными сугробами, въ сторонѣ отъ дороги — и никто ими не занимался. Однажды встрѣтили мы двухъ Русскихъ бабъ, которыя гнали дубинами, одна впереди, а другая позади, десятка три оборванныхъ, полумерзлыхъ Французовъ. Смотря на торжество бабъ, съ какимъ онѣ вели своихъ плѣнныхъ непріятелей, мы не могли не смѣяться; а съ другой стороны не льзя было не пожалѣть объ униженномъ состояніи, до какого доведены эти, нѣкогда гордые завоеватели Европы. — Не рѣдко попадались намъ отсталые, едва движущіеся Французы, укутанные и скорчившіеся, какъ безобразныя чучелы, которые продолжали съ нами свою ретираду къ Вильнѣ. Видя офицеровъ, они слабымъ голосомъ взывали: Monsieur! du pain! — и когда ихъ оставляли безъ вниманія, то испустивъ тяжкій вздохъ, несчастные вскрикивали: O mon Dieu! mon Dieu! — Одинъ бѣднякъ, изъ числа ихъ, привелъ насъ въ особенную жалость и удивленіе. Онъ, подобно другимъ, едва передвигалъ ноги, но какія ноги? — обнаженныя, съ примерзлою къ нимъ соломою; ступени его, почернѣвшія отъ грязи, покрылись ледяною корою, подъ которою еще видны были ножные пальцы, между соломою. Ноги до ко-

лѣнъ были вовсе отморожены, однако несчастный двигался на нихъ, какъ на колодкахъ, и еще могъ сказать: *дайте хлѣба!...* Солдаты останавливались смотрѣть на него, и съ содроганіемъ подавали ему сухарей.

Случалось намъ по дорогѣ заходить въ корчму, и что-же въ ней? — ужасное зрѣлище! — Посрединѣ курился огонекъ, а около него, вокругъ по всему полу, лежали одинъ на другомъ замерзлые Французы; ближайшіе къ огоньку еще шевелились, а прочіе всѣ, въ искривленномъ положеніи, съ обезображенными лицами, оставались какъ окаменѣлые.

Таковы были бѣдствія, постигшія великую армію Наполеона; бѣдствія, превосходящія самое вѣроятіе!

И мы въ исходѣ Ноября стали чувствовать жестокость зимы, на пути отъ Минска къ Вильнѣ. Солдаты наши также были почернѣлы и укутаны въ тряпки; иные одѣты въ полушубки, или въ тулупы; кто въ кеньгахъ, кто въ валенкахъ и въ мѣховыхъ шапкахъ, такъ, что, отложивъ оружіе, не походили на солдатъ. Офицеры не лучше были одѣты. Я самъ едва могъ уцѣлѣть отъ мороза подъ нагольнымъ тулупомъ и въ двойныхъ валенкахъ, укутавши голову большимъ плащ-

комъ; отъ тяжести одежды не льзя было долго идти пѣшкомъ, но и сидѣть невозможно отъ сильнаго мороза. У нашего Подполковника, передъ артиллеріею, ѣхали всегда саночки, въ которыхъ онъ сидѣлъ, укутанный въ медвѣжью шубу; дежурный изъ офицеровъ обязанъ былъ всегда препровождать роту сзади, а прочіе находились впереди, и могли пользоваться саночками Подполковника. Но кто садился, тотъ долженъ былъ опять скоро соскакивать и нѣсколько верстъ бѣжать, чтобы согрѣться; въ такомъ случаѣ подавалъ намъ не малую отраду драгоцѣнный боченокъ съ Кизлярскою водкою, хранившійся въ саночкахъ, подъ ногами у Подполковника. Не будучи пьяницею и не пивши прежде ни по рюмкѣ водки, я, въ продолженіе этого зимняго похода, выпивалъ стаканчика по два въ сутки, безъ всякой закуски, такъ что, по окончаніи перехода, вступая въ теплую квартиру, послѣ мороза горѣлъ, какъ въ огнѣ; голова кружилась, и я, почти пьяный, едва держался на ногахъ. Отъ такой напряженной жизни многіе изъ офицеровъ и солдатъ сильно заболѣвали, или отмораживали себѣ члены: почти у каждаго что нибудь было тронуто морозомъ, и мои пятки не спаслись отъ него. Будучи въ такомъ состояніи, мы не могли

довольно надивиться, какъ еще существовали Французы, лишенные всѣхъ способовъ пропитанія и защиты отъ стужи. Точно, надобно почесть чудомъ, если еще нѣсколько сотенъ несчастныхъ воиновъ могли перенести столь небывалыя въ Военной Исторіи, даже невѣроятныя бѣдствія, въ продолженіе ихъ бѣгства отъ Москвы за границу, и если сохранили еще жизнь въ нѣдрахъ своего отдаленнаго отечества!

Лошади наши терпѣли крайнюю нужду; кромѣ скудной дачи овса, возимаго на пушкахъ, онѣ не имѣли сѣна и питались только безсочною соломою. Всѣ селенія были пусты до самой Вильны; Поляки, обнаруживъ свою приверженность къ Французамъ, опасались мщенія отъ Рускихъ. Артиллерія наша тащилась медленно, и, при безпрестанной убыли людей и лошадей, едвали въ состояніи была тогда дѣйствовать противъ непріятеля. Лошадей надобно было часто перековывать, и, не смотря на то, при всякой горкѣ предстояло много затрудненія втаскивать пушки: къ каждому орудію прицѣпляли вторую упряжку лошадей, потомъ всѣми силами, съ большимъ крикомъ, хлестомъ и нуканьемъ, взвозили тяжесть. Имѣя довольно заводныхъ лошадей, мы не мало бросили ихъ по дорогѣ упалыми. Такимъ образомъ и для

насъ самихъ, дѣтей Сѣвера съ желѣзными грудями, преслѣдованіе непріятеля стоило большихъ трудовъ, терпѣнія и потери.

Главная армія Фельдмаршала Князя Кутузова медленно приближалась къ Вильнѣ за войсками Адмирала Чичагова. Въ первыхъ числахъ Декабря мы пришли въ м. Богданово, гдѣ отдыхали и обогрѣвались въ квартирахъ съ недѣлю времени. 8-го Декабря пришли въ гор. Ошмяны. Тутъ видѣли тѣ-же слѣды пораженнаго въ бѣгствѣ непріятеля: трупы погибшихъ, раскиданныя пушки и ящики. Говорили, что здѣсь была истреблена цѣлая дивизія Итальянцевъ отрядомъ партизана Сеславина.

Въ сторонѣ отъ большой дороги, при городѣ, навалено было въ снѣгу нѣсколько сотіенъ обнаженныхъ труповъ. Это была для насъ послѣдняя картина бѣдствій, постигшихъ непріятеля: различное положеніе скорченныхъ тѣлъ, искривленныя лица, сжатые кулаки, иногда оскаленные зубы, выпуклые, блестящіе глаза, все это рѣзкою печатію выражало ужасныя страданія и послѣднія муки погибшихъ. Тѣла были навалены одно на другое въ такомъ положеніи, какъ люди въ борьбѣ съ смертію замерзали: иной сидѣлъ оскаливъ зубы, другой стоялъ съ поднятымъ кулакомъ,

тretiй съ распростертыми руками глядѣлъ выпуча глаза, иной лежалъ на спинѣ поднявши ноги, а иной стоялъ на головѣ вверхъ ногами.... Издали эта группа нагихъ труповъ въ снѣгу представляла что-то необычайное, и привлекала любопытныхъ; но видъ человѣческихъ тѣлъ, превращенныхъ въ столь искаженные истуканы лютымъ морозомъ, приводилъ въ содроганіе сердце каждаго зрителя, и заставлялъ съ ужасомъ отходить отъ этого живаго кладбища.

10-го Декабря, наша артиллерія остановилась въ м. Парадомино, въ 15 верстахъ отъ Вильны. Между тѣмъ какъ войски Адмирала Чичагова и Графа Витгенштейна, съ прочими летучими отрядами выгнавъ непріятеля изъ предѣловъ Россіи, преслѣдовали остатки его до самой Вислы, главная армія Фельдмаршала расположилась на кантониръ-квартиры около Вильны, Ошмянъ и Вилькомира.

Сего числа Императоръ нашъ изволилъ пріѣхать въ Вильну. Слухи были, что для принятія Его Величества, Фельдмаршалъ приготовилъ приличную встрѣчу: повергнулъ къ стопамъ Монарха отнятые у непріятеля трофеи: орлы, знамена. Городъ былъ очищенъ отъ труповъ и великолѣпно иллюминованъ; казалось, всѣ чело-

вѣческія бѣдствія исчезали отъ одного присутствія добраго Государя. — Не взирая на двусмысленную приверженность Литовскаго дворянства и народа, Императоръ изволилъ милостиво принять депутатовъ, и 12-го Декабря издалъ достопамятный манифестъ всепрощенія, по которому всѣ жители снова возвратились въ домы свои, и, чувствуя благодѣянія законнаго Монарха, раскаялись въ минутномъ заблужденіи, позволивши Наполеону обольстить себя. Фельдмаршалъ Князь Кутузовъ-Смоленскій, за достославный подвигъ спасенія Россіи, получилъ отъ Императора знаки перваго государственнаго военнаго ордена Св. Георгія 1-й степени.

Такимъ образомъ снова водворился порядокъ, и Россія возстала отъ болѣзненнаго одра. Хотя роззореніе было ощутительно для многихъ, особенно для бѣдныхъ поселянъ, однако мало по малу изцѣлялись раны: трудолюбіе, при пособіяхъ отъ Правительства, вознаградило потерянное.

Такъ погибла пятисотъ-тысячная армія Наполеонова, съ которою онъ мнилъ завоевать Россію. 50 Генераловъ и 100,000 солдатъ остались въ ней военноплѣнными, какъ будто въ залогъ того, что впредь ни одна Европейская нація, хотя-бы въ союзѣ съ прочими, не осмѣлится никогда

предпринимать подобнаго вторженія. Изъ 900 мѣдныхъ орудій, оставленныхъ Наполеономъ по пути своего бѣгства отъ Москвы до Вильны, потомство наше соорудитъ великолѣпный памятникъ событія, необычайнаго въ лѣтописяхъ міра, для славы великой и сильной Имперіи Россійской.

12-го Декабря артиллерія наша выступила изъ Парадомино, по направленію къ Гродно, гдѣ назначены были намъ кантониръ-квартиры.

На другой день пришли въ мѣст. Ойшишки. Тутъ услышали отъ Жидовъ разсказы о вѣроломствѣ Литовскихъ жителей, какъ они въ началѣ кампаніи, при появленіи Французовъ, нападали на наши обозы, оставляемые съ слабыми прикрытіями, истребляли больныхъ, и въ самомъ мѣст. Ойшишкахъ захватили въ плѣнъ команду егерей съ офицеромъ.

Помѣщики и Шляхта были особенно наэлектризованы прокламаціями Герцогства Варшавскаго; они думали видѣть въ Наполеонѣ возстановителя политическаго бытія древней Польши. Великіе подвиги Наполеона, котораго трепетала вся Европа, выключая Россіи и Англіи, его предпріимчивый духъ и непреодолимое счастіе, представляли все возможнымъ. Опытъ показы-

ваетъ, что всѣ великія предпріятія тогда только кажутся смѣшными и нелѣпыми когда выйдетъ неудача въ ихъ исполненіи; напротивъ того самыя безразсудныя дерзости при успѣхѣ прославляются, какъ плоды генія, а люди, произведшіе ихъ, именуются великими.

На походѣ случалось намъ останавливаться для квартированія въ фольваркахъ, у помѣщиковъ. Они принимали насъ, какъ виноватые, съ боязнію и опасеніемъ нашей мнимой ненависти. Но какъ благородный воинъ обыкновенно дѣйствуетъ непріязненно только въ рядахъ, по данному побужденію, то мы скоро ихъ разувѣрили и миролюбіемъ своимъ заставили быть откровеннѣе. Прекрасныя Польки встрѣчали насъ также съ робостію, но милыми улыбками и восхитительными глазками могли обезоруживать самаго ревностнаго Москвитянина. Эти *цуречки* (дочки), подъ тактъ своимъ Добродзеямъ, изъявляли предъ нами скорбь о томъ только, что война требовала великихъ пожертвованій, приводившихъ въ крайнее раззореніе обывателей; что онѣ не желали-бы и возстановленія отчизны—чѣмъ столь мило ихъ польстили—только-бы оставаться въ покоѣ и не быть нищими. Такое краснорѣчіе изъ устъ прелестныхъ насъ увлекало, и мы

имъ вѣрили. Почти въ каждомъ домѣ были портреты Наполеона. Въ такомъ случаѣ, *Пинья*, хозяйка, замѣчая наше вниманіе къ портрету, разсказывала, что Наполеонъ *велькій* самъ себя называлъ *незграбнымъ* (не красивымъ) Французомъ — « *але, глова его*, *Мосце Добродзею* »..... прибавляла она значительнымъ тономъ, качая своею головою, и давая чрезъ то уразумѣть остальное.

Ежели языкъ и вѣра составляютъ главнѣйшее различіе между народами, отъ чего они не могутъ сродниться и питаютъ взаимную ненависть, не разумѣя другъ друга, чуждаясь въ обрядахъ вѣры, то Поляки по необходимости должны сродниться съ Рускими въ одно великое племя народа Славянскаго, подъ одну державу, подъ одни законы и вѣру. Языкъ Польскій весьма немногимъ разнится отъ Русскаго; корень ихъ одинаковый; въ искреннемъ союзѣ братства онъ могъ-бы составить одно общее нарѣчіе; Вѣра та-же Христіанская, съ нѣкоторымъ различіемъ въ обрядахъ; нужна только любовь, чтобъ быть безъ ненависти братьями одного племени. Сообразивъ это, безпристрастнымъ сужденіемъ, очевидно, что Поляки тогда только будутъ счастливыми, когда потушатъ въ сердцахъ своихъ ненависть

къ Рускимъ, безвиннымъ современникамъ своимъ, и соединятся съ ними братскимъ союзомъ подъ одну державу. По географическому положенію въ Европѣ, Польша не можетъ существовать отдѣльно отъ Россіи, ибо она никогда не можетъ быть сильнѣе этой обширной Имперіи для избѣжанія отъ вліянія ея могущества; и такъ надлежитъ смириться, надлежитъ пріятную мечту національной свободы промѣнять на существенность необходимой зависимости, и наслаждаться тѣмъ спокойствіемъ, которое нынѣ Россія даритъ Польшѣ, охраняя ее подъ могущественнымъ крыломъ своимъ.

18-го Декабря вступили мы въ Гродно. Послѣдній переходъ былъ несносенъ: вѣтръ и дождь встрѣчали насъ, заслѣпляя глаза. Русская зима смягчилась, совершивъ свой подвигъ для пораженія врага чужеземнаго.

Городъ казался довольно значительнымъ; въ немъ были хорошія каменныя зданія, отъ древности однако закоптѣлыя и приходившія въ ветхость. На площади замѣтенъ былъ великолѣпный костелъ Фаро; въ числѣ частныхъ строеній лучшія были старая оберджа, и домъ, гдѣ квартировалъ Генералъ Милорадовичъ. Жители города, шляхта, или всѣ дворяне, и праздные Французы, съ приближеніемъ Рускихъ у-

шли въ Варшаву; отъ того многіе домы были пусты. Хотя городъ, уже дней семь назадъ, былъ занятъ партизаномъ Давыдовымъ, однако все еще оставались въ немъ слѣды проходящей военной тучи. Вмѣсто обывателей встрѣчались большею частію свои солдаты, и вышедшіе изъ госпиталя Австрійцы или Венгерцы. Больныхъ непріятелей оставлено въ городѣ множество; по крайней мѣрѣ не видно было на улицахъ труповъ, обгорѣлыхъ развалинъ домовъ, и вообще признаковъ тѣхъ бѣдствій, какихъ до того мы были свидѣтелями. Старый дворецъ съ конюшнями, превращенный въ госпиталь, вмѣщалъ въ себѣ нѣсколько тысячь больныхъ и раненыхъ Австрійцевъ и Французовъ. Одна Русская церковь была превращена въ фуражный магазинъ; смиренные лики Святыхъ, съ благословляющими десницами, являлись на стѣнахъ храма изъ-за насыпей овса и пучковъ сѣна. Солдаты наши, видя это, въ негодованіи говорили, что по дѣломъ Чудотворцы наказали нечестивцевъ. Въ провіантскомъ магазинѣ было оставлено Французами нѣсколько тысячь порцій бѣлыхъ сухарей, которыхъ роздали нашимъ солдатамъ. Эти сухари, на подобіе бѣлыхъ кирпичиковъ, были прѣсны, и потому не нравились Рускимъ: чернаго, ки-

слаго земляка своего они предпочитали бѣлому и прѣсному иностранцу.

Къ нашей отрадѣ находилось въ городѣ нѣсколько обержей, или ресторацій, гдѣ за умѣренную плату могли мы, послѣ черствыхъ сухарей, понѣжить вкусъ свой Польскими потравами, изразами, гультайскимъ бикосомъ, и выпить филижанку густой кавы съ жирною смѣтанкою изъ рукъ миловидной каси; — извѣстно, что въ цѣлой Европѣ нигдѣ не приготовляютъ столь хорошо кофе, какъ въ Польшѣ. По обычаю всѣхъ Польскихъ городовъ, и здѣсь содержались въ обержахъ прелестныя магнитизёрки, которыя притягивали къ себѣ нашу братью съ раціонами; онѣ бываютъ душею веселой компаніи офицеровъ, и своею любезностію часто приправляютъ пересолъ или недоваръ неискусной поварихи.

Прекрасный полъ въ Польшѣ столько отличенъ, что даже изъ простыхъ шляхтянокъ много есть очень прелестныхъ. Русскіе офицеры могутъ похвалиться особеннымъ къ нимъ расположеніемъ милыхъ Полекъ: онѣ признаютъ въ нихъ мужество и силу, какъ достоинства, въ нѣкоторомъ отношеніи, преимущественныя.

Но кто болѣе всѣхъ обрадовался возвращенію Рускихъ? конечно Жиды. И по-

длинно: чтъ-ли не житье съ Москалями! Офицеры щедро награждаютъ ихъ за факторство.... а у простыхъ солдатъ Жиды покупаютъ сходно разныя вещицы. Не смотря на военное время, лавки въ городѣ были открыты, и Жидовки, сидя въ нихъ надъ жаровнями, какъ древнія Пиѳіи, торговали всякой всячиною.

Мы занимали лучшія квартиры не по гостепріимству, а потому, что большая часть домовъ были пусты; въ городѣ оставались только Жиды и мѣлкая шляхта. Всѣ энтузіасты-патріоты, страшась мщенія Руских, удалились вмѣстѣ съ мнимыми своими избавителями, покуда Всемилостивѣйшій манифестъ 12-го Декабря о всепрощеніи не разувѣрилъ ихъ въ пустомъ страхѣ, и не заставилъ возвратиться въ свои жилища, признавая великодушіе сильнаго Монарха Россіи.

Такъ кончилась знаменитая война Российская! Приготовленія къ ней были сильны, дѣйствіе ея ужасно, послѣдствія чрезвычайны. Какъ страшный ураганъ убійственнымъ вихремъ ниспровергаетъ все на пути своемъ, или какъ пламенная лава пожираетъ все существующее на землѣ, такъ Наполеонъ пробѣжалъ съ своею ра-

тію пространство тысячи верстъ, отъ Нѣмана до Москвы и обратно, со всѣми ужасами гибельной войны, со всѣми бѣдствіями человѣчества, истребившими великія силы Франціи, вооруженіе цѣлой Европы, и положившими начало сокрушенію его колоссальнаго могущества. Въ шесть мѣсяцевъ исчезли всѣ его обширныя предпріятія, грозившія ниспроверженіемъ Россійской Монархіи, неприкосновенной шесть вѣковъ въ своей самобытности — и только слѣды пораженій, слѣды пламени и гибели указали путь на всемъ пространствѣ, по которому пробѣжалъ этотъ геній, истребитель человѣчества.

Двѣ державы еще могли оспоривать могущество Наполеоново, и только на Россіи могъ онъ сокрушиться, какъ бурное море разбивается о гранитную скалу; ея возвышенная глава, твердая въ своемъ основаніи, презрѣла всѣ усилія ярой стихіи. Ежели Европа стонала подъ тяжкимъ игомъ власти своего завоевателя, и ежели нынѣ она наслаждается бытіемъ своимъ въ прежнемъ порядкѣ вещей, то этимъ обязана, конечно, Россіи: пожаръ Москвы, эта безпримѣрная жертва любви народа къ отечеству, освѣтила надежду спасенія въ стонающей узницѣ. Гигантъ былъ потрясенъ въ своемъ могуществѣ: сотни ты-

сячь бездушныхъ труповъ покрыли путь, и онъ спалъ — обезоруженъ.

Тщетны были послѣдующія усилія Наполеона производить магически новыя арміи; онъ творилъ уже не воиновъ, окрѣплыхъ въ мужествѣ побѣдами, но слабыхъ юношей, изнемогавшихъ подъ тяжестію оружія.

Европейскія державы, постигнувъ безсиліе завоевателя, попиравтаго доголѣ права ихъ, и обезоруженнаго Россіею, пробудились: онѣ уразумѣли возможность сбросить тягостное иго для пріобрѣтенія національной независимости, и тогда только, съ оружіемъ поднятымъ противъ Россіи — пристали подъ ея эгиду: грозный видъ и силы великой державы Русской невольно увлекли ихъ въ союзъ съ нею. Поразивъ врага, посягнувшаго на ея собственную свободу, она пошла сокрушать оковы рабства, наложенныя имъ на Европу.

Конецъ первой части.

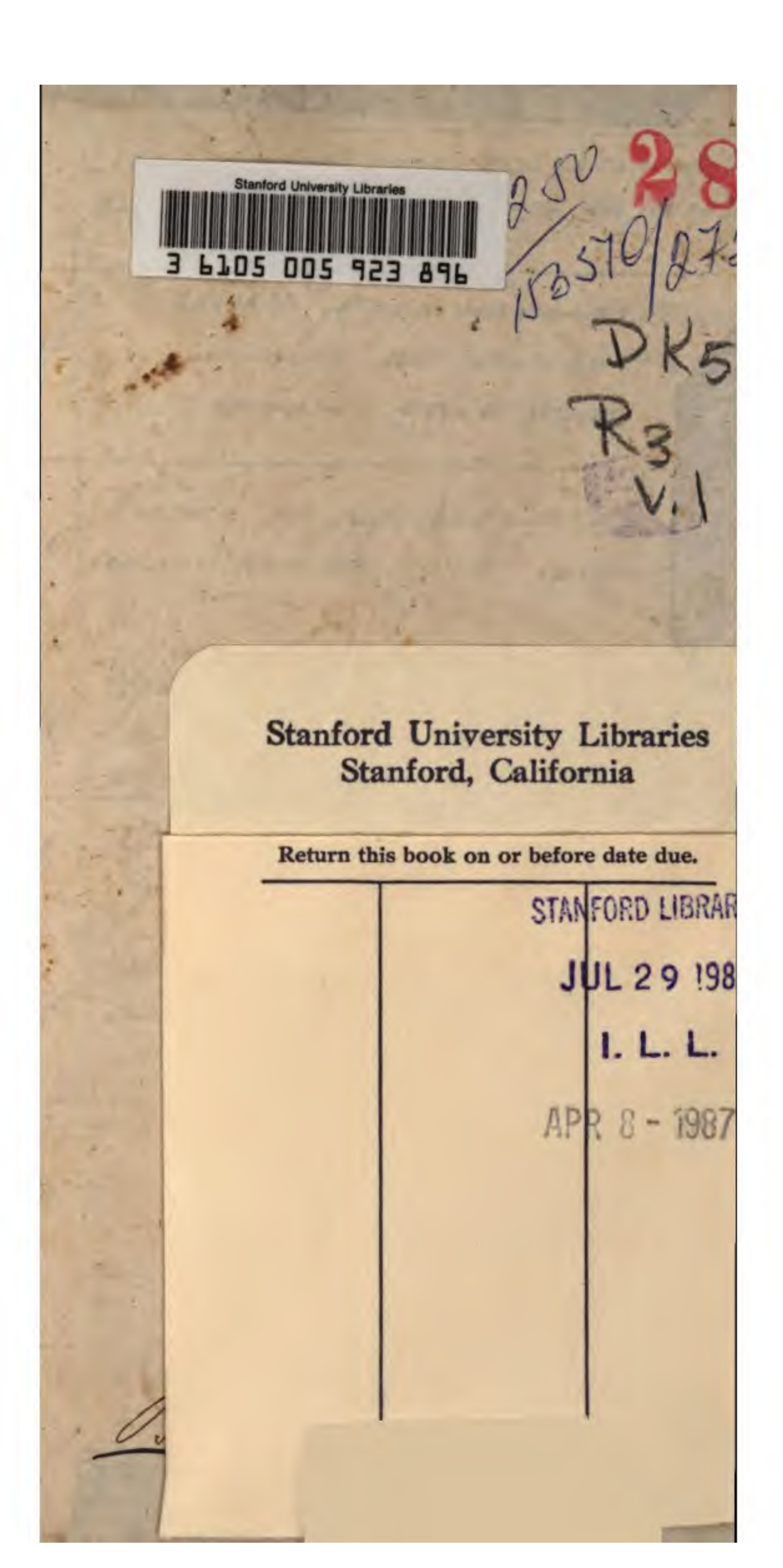
ОГЛАВЛЕНІЕ

ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

Стран.

Стран.

Стран.

Stanford University Libraries
3 6105 005 923 896
DK5
R3
V.1
Stanford University Libraries
Stanford, California
Return this book on or before date due.
STANFORD LIBRAR
JUL 29 198
I. L. L.
APR 8 - 1987

